

Энни Вилкс

18+

The cover features a central illustration of a man and a woman. The man, in the background, has long dark hair and a stern expression, wearing a dark, fur-lined hooded cloak. The woman, in the foreground, has shoulder-length light brown hair and her eyes are closed in a meditative or prayerful state. Her hands are clasped in front of her chest, and a small, glowing golden light emanates from between them. The background is a dark, starry night sky with a soft, ethereal blue and green glow. The overall mood is mystical and dramatic.

ЗАПАХ НОЧНОГО
НЕБА

Хроники Альвиара. Том 2

Энни Вилкс
Запах ночного неба

«Автор»

2023

Вилкс Э.

Запах ночного неба / Э. Вилкс — «Автор», 2023

Какой сделает твою жизнь близость безжалостного черного герцога? Доверишься ли ты ему? Что такое настоящая власть? Ни одно подчинение не вечно, ни одна сила не абсолютна, ни одна любовь... Или же любовь — исключение? Ты имеешь власть над тем, кто любит тебя? А над тем, кого любишь ты? Если ненависть уничтожает мир, что может ее остановить? И так ли важно новое имя? Не создаешь ли ты свою судьбу сама, как бы тебя ни звали? Вторая часть дилогии. Первая часть - «Змеиный крест».

© Вилкс Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Келлан	5
2. Алана	10
3. Юория	11
4. Алана	15
5. Даор	18
6. Алана	22
7. Юория	24
8. Даор	26
9. Ингард	30
10. Келлан	36
11. Вестер	38
12. Алана	40
13. Юория	45
14. Даор	49
15. Алана	51
16. Юория	54
17. Алана	57
18. Ингард	60
19. Олеар	65
20. Ингард	70
21. Алана	72
22. Даор	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Энни Вилкс

Запах ночного неба

1. Келлан

– Чем ты думаешь?! – прошипел Келлфер, подталкивая сына к двери. – Сказать такое Даору!

Келлан угрюмо обернулся и посмотрел прямо на отца. Тот был не на шутку взволнован. Келлфер редко чего-то боялся. Если бы сейчас Алана не осталась там, рядом с Карионом, и в растерянности не приняла предложение защиты, и Келлан мог бы думать о чем-то, кроме того, как черный герцог смотрел на его Алану, то, наверно, был бы тронут. Нечасто Келлфер проявлял заботу, и уж совсем редко делал что-то, что его сын считал бы знаком любви.

– Нам нужно вернуться. – Келлан старался говорить спокойно и уверенно. – Наше место там. Мое место там.

Не нужно было читать мысли Даора Кариона, чтобы понять, как он заинтересован. Это сводило Келлана с ума. Он не позволил бы Алане стать ни постельной грелкой черного герцога, ни послушной решениям Кариона пешкой на политической арене.

– Нет! – Келлфер схватил его за воротник у самого горла. – Ты что, не понимаешь, что Даор попросту сотрет тебя в пыль?! Не смей бросать ему вызов! Как тебе только в голову пришло...

– Отпусти, – потребовал Келлан, не сходя с места.

Келлфер разжал пальцы резко, будто бросил что-то отвратительное, и отошел на несколько шагов. Он криво улыбнулся, будто смотрел на какую-то несурзность, а затем и вовсе отвернулся.

– Нам нужно идти к порталным столбам. Так приказал Син. Лишь ты сможешь дозваться до него на таком расстоянии, если с Робертом что-то произошло. Так что ты идешь со мной, и не думай перечить. Никакие твои влюбленности не стоят проигранной войны, не стоят жизни Роберта. Келлан!

Тот прикрыл глаза. Отец был прав, безусловно, прав, но разве мог Келлан просто уйти?

Даор Карион сидел рядом с Аланой, а она, наверно, задавалась вопросом, куда же делся пообещавший ее защищать Келлан, искала его взглядом и обнимала себя руками.

– Что сказал тебе Син? – спросил он, медленно выдыхая и структурируя мысли.

– Что Роберт должен появиться скоро, до условленного времени, и что связь с ним прервалась. И со спутником его тоже.

– Кто с ним пошел?

– Велиан. Они ищут следы иллюзий.

Келлан задумался. Защита Приюта была устроена таким образом, что никто не мог попасть в него через порталное окно вне специальной площадки, и Роберт тоже должен был вернуться туда. В назначенный час его стоило встретить. Если все будет в порядке, то управятся они с отцом быстро, и он успеет вернуться и проводить Алану домой, объяснив ей, почему речь идет о войне. И, наконец, будет время спросить о Карионе.

– Почему Син послал тебя? – спросил он у отца, уже спускаясь.

– Он послал тебя, – ответил Келлфер. – Потому что ни один из присутствующих здесь не сможет пробиться мысленным зовом через все слои защитных заговоров. Никто, кроме тебя. А Сину очень важно быстро получить новости, если что-то пойдет не так. Я вызвался пойти с тобой. Нам нужно поговорить.

– Он не обращался ко мне.

– Да. Ты был слишком увлечен, – Келлфер будто выплюнул последнее слово. – И полагаю, Син решил, что тебя нужно убрать из ситуации, которая может тебя послужить твоей смерти.

Лабиринт лестниц вывел их в центральную часть наставнического корпуса, и Келлан с облегчением почувствовал под ногами обычные, а не зачарованные каменные плиты. За столько лет он так и не привык к методу защиты скрытых залов, который использовал Син.

Несколько секунд – и мужчины уже оказались внизу.

– Ты врешь мне, – сказал Келлан прямо. – Я чувствую. Я всегда чувствую это.

Он остановился на пороге, не давая отцу пройти, и повернулся, ощущая себя разозленным, но вместе с тем по- Настоящему беспомощным. Никогда еще Келлан не говорил отцу ничего подобного: не замечать, что Келлфер не всегда искретен, было частью привычного и несложного этикета, помогавшего поддерживать иллюзию, что Келлан слабее отца и готов слушаться его во всем. Рушить эту иллюзию означало разрушить и что- То другое, о чем отец и сын никогда не говорили открыто.

– Ты прав, это я сказал Сину, что мы пойдем к порталным камням, – чуть помедлив, согласился Келлфер. – И обосновал это. Ты действительно уникален и лучше всего подходишь. От того, чья это была идея, суть не меняется. Я беспокоюсь о тебе, – неожиданно закончил он.

– Отец, – устало проговорил Келлан. – Оставь это мне. Я достаточно силен и аккуратен, я умею соразмерять свои возможности. Мне не нужны твои панические подсказки. Оставь Алану мне. Я люблю ее.

Слова, вырвавшиеся из его уст так просто, огорошили Келлана не меньше, чем застывшего как истукан Келлфера.

Келлан повторил их про себя еще раз. «Я люблю ее». Это было так же естественно, как назвать летний луг зеленым, а небо – голубым, ни тени сомнения. Келлан улыбнулся, чувствуя, как радость наполняет его. Люблю. Люблю. Какое удивительное, простое, емкое слово.

– Ты совсем помешался, – сказал Келлфер сокрушенно. – Она тоже говорит тебе такое?

– Пока нет, – ответил Келлан. – Пока.

Келлфер прислонился к косяку тяжелой входной двери и закрыл лицо руками. Келлан неуверенно положил руку на расшитое серебром плечо, не понимая, что происходит. Отчаяние, терпкое, холодное как пот, коконом обволакивало отца. Келлфер никогда еще не позволял себе проявлять перед сыном слабость, и Келлан не понимал, что сломалось в этом гордом и всегда умевшем справляться с собой человеке. Мысли Келлфера было не прочитать: он никогда не встречался с сыном без специального экранирующего амулета и сегодня, конечно же, использовал его. Келлан раньше задавался вопросом, где Келлфер смог найти такую редкую и ценную вещь, но сегодня, после встречи с Карионом, все стало ясно.

– Отец? – тихо обратился к Келлферу Келлан, не зная, что делать. – Мы идем?

– Да, – будто очнулся Келлфер, отнимая руки от лица. Вид у него был изнуренный. – Идем. Не будем обсуждать твою знакомую. Я только прошу тебя не давать этому розовому туману застлать твои глаза. Она может быть не той, кем кажется, что сегодня было продемонстрировано нам вполне убедительно.

– Я знал, кто она, – признался Келлан. Врать отцу ему больше не хотелось.

Келлфер не сбавил шага.

– Давно?

– Давно.

– Не сказал мне, – слова прозвучали не обвиняюще, но как- То печально.

Келлан только пожал плечами. Что он мог ответить? Что не доверяет собственному отцу, всегда превыше всего ценившему власть?

Они шли молча.

Утро выдалось морозным. Остатки желтой травы, скованной льдом, похрустывали под быстрыми шагами, ветер норовил содрать с шепчущих плащи. Келлан оградился от раздира-

ющего холода слоем завернутого в воздух огня, но отец почему- То не сделал этого, удерживая плащ на груди побелевшими от холода руками. Келлфер будто не находился рядом с сыном, вид у него был мрачный и отсутствующий. Келлану стало не по себе. Келлфер, конечно, не был силен как Син, но и согревающие слова требовали минимальной концентрации и импульса, и то, что обычно внимательный к себе отец не позаботился о собственном комфорте, пугало Келлана не меньше, чем внезапные перемены в поведении. Он смотрел на бьющиеся на ветру каштановые волосы с тонкой паутиной седины, на плотно сжатые губы, на мертвенно- Белые руки, и ему очень хотелось согреть заговором и Келлфера. Однако это было плохой идеей: отца оскорбил бы такой жест, брошенная свысока подачка.

Ни одного гостя, ни одного послушника так и не встретилось им по пути. Все замерло. То тут, то там встречались им следы ночного праздника: бокалы, следы шутих, переташенные к скамейкам и уже переставшие бить фонтанчики с алкоголем, небрежно оставленные плащи и заколки, какая- То цветная бумага, уже увядшие от мороза цветы. Утро будто застало всех врасплох, люди разбежались, опасаясь света, музыка стихла, краски потускнели и подернулись инеем. Келлана снова кольнуло сожаление, что он не успел потанцевать с Аланой под цветочными арками.

Что она ответит, когда он скажет, что любит ее?

Площадка, ограниченная высокими продолговатыми камнями, находилась на небольшом холме у самой границы территории Приюта. За этим холмом, за глубоким оврагом, далеко внизу, простирался бескрайний и очень густой хвойный лес. Портальные столбы располагались кругом, создавая своего рода колоннаду с двенадцатью проходами и одними широкими воротами, за которыми начиналась мощеная камнем дорога.

Послушник у порталных столбов вышел к ним навстречу, приветствуя их поклоном. Келлан бросил быстрый взгляд на его кресло, рядом с которым на тусклом огне варился бодрящий травяной напиток. Чуть поодаль стояли еще несколько кресел. Похоже, у столбов все было тихо, и этот вечер отличался от других лишь количеством гостей. Парень был спокоен и расслаблен.

– Почему ты один? – спросил Келлан, кивая на следы ночного лагеря.

– Нас было двое, наставник Келлан, – отрапортовал послушник, вытянувшись как по струнке. – Даже семеро, если считать слуг. Те ушли, когда закончился прием гостей – они и нужны- То были, только чтобы провожать их к празднику. Час назад Хранитель ключей разрешил Милу идти спать, меня оставили за главного. Тут уже давно никого. Не приходят и не уходят.

– Директор Роберт и наставник Велиан не возвращались? – спросил послушника Келлфер, и тот потупился.

– Нет, директор. После окончания прибытия гостей никто не появлялся.

Он протянул Келлферу свиток, но директор не стал забирать его, и парень спрятал список за спину.

– Никто? – задумчиво переспросил Келлфер. И обратился к Келлану: – Мне это не нравится. Аринелла при мне посылала за Каретским зеленым вином, его должны были принести к середине ночи. Кроме того, я не помню ни года, чтобы ушедшие пьяными гости не возвращались за чем- То, что забыли.

Плохое предчувствие шевельнулось внутри Келлана.

– Думаешь, что- То с порталами?

– Не исключаю. Сколько у нас времени?

– Восемнадцать минут, – ответил Келлан.

– Доложи Сину уже сейчас, – предложил Келлфер.

Келлан кивнул, сосредотачиваясь.

«Порталы не использовались на вход после полуночи, несмотря на то, что должны были вернуться слуги».

«Спасибо, – сквозь шум защитных слоев уловил он далекий голос Сина. – Ждите Роберта. По истечении условленного времени сработает порталный камень, и он в любом случае вернется. Я заканчиваю здесь и направляюсь к вам».

– Син присоединится к нам позже, – оповестил Келлан Келлфера.

Ровно по истечении шестого часа после полуночи центральный проем мигнул, затем дрогнул снова, как будто неуверенно. Келлан и Келлфер приблизились, готовые встречать директора Роберта, но вместо него им под ноги вывалилось что-то буро-красное и мало похожее на человека. Послушник вскрикнул, потянувшись к тревожному кристаллу, но Келлан жестом остановил его: в упавшем на иней мужчине не было и капли опасности, только бесконечная, всеобъемлющая боль, от которой Келлан задохнулся в агонии столь ужасающей, что остался на ногах лишь потому, что Келлфер поддержал его. Келлан с усилием стащил с руки браслет, швырнул его на траву, и закрыл разум, пытаясь отдышаться. Тем временем Келлфер, окруженный щитом, аккуратно приблизился к человеку и перевернул его на спину. Маленькую полянку огласил нечеловеческий вопль, и Келлфер отшатнулся.

– Велиан, – проговорил он тихо. – Келлан, докладывай Сину и зови Теа.

– Уже, – коротко ответил Келлан, слушая лаконичный ответ всегда готовой помочь целительницы.

– Велиан, где Роберт? – наклонился к изуродованному мужчине Келлфер, но тот снова завыл, и директора отбросило волной прочь: от боли Велиан, похоже, перестал контролировать себя. Послушник бросился к директору, желая помочь ему встать на ноги, Келлфер отмахнулся от его помощи, как отмахиваются от назойливой мухи, и сам неспешно поднялся, отряхиваясь.

Келлан же подошел к Велиану и так нежно, как смог, окружил его мягким защитным коконом. Единственный уцелевший глаз уставился на Келлана, Велиан открыл то, что раньше было ртом, а теперь скорее напоминало мокрую разорванную подкладку плаща, и попытался что-то сказать. Из отверстия вырвался лишь булькающий кровью всхлип, и глаз закрылся, а по изрезанной щеке потекла слеза.

Келлан выругался и открыл разум.

Боль набросилась на него, но в этот раз Келлану удалось устоять, пусть и на коленях. Болела, кажется, каждая частичка тела, и смерть была не худшим вариантом избавления от этого непроходящего мучения. Что-то было сломано и внутри, куда глубже, чем ребра.

– Велиан, послушай, – сквозь сжатые зубы проговорил Келлан. – Не пытайся говорить. Подумай, просто подумай. Я услышу.

Кровавые, ужасающие образы роились в мозгу Велиана, он никак не мог сосредоточиться, несчастный плакал и кричал. Келлан с ужасом увидел и образ Роберта, скованного, но целого, и услышал какой-то крик. Каленое железо, ножи, крюки, хлысты, камни, клещи. Все смешалось в один ужасающий ком, и, сберегая свой рассудок, Келлан снова закрыл разум, удерживая себя от того, чтобы повалиться на землю рядом с молодым наставником, мастером иллюзий, и мухи не обидевшим за свою недолгую жизнь.

Келлан вздохнул и попробовал еще раз.

«Тише, боль отдельно от тебя», – прошептал он, отгоняя кошмар, и кровавый свет чуть померк, и хотя страдание не ушло, Велиану удалось немного собраться. Ослепительная, обжигающая ловушка, и сразу же боль, от которой Велиан теряет сознание. Снова загорелся образ Роберта, скованного спинеловыми кандалами, сидящего в железном кресле, и рука, грубо держащая лицо директора так, чтобы он мог видеть мучения Велиана. Ошейник не застегивается, они о чем-то спорят, и снова боль, режущая боль, разрывающая, плавящая, колющая, жгущая,

еще больше боли, куски того, что раньше было телом, оторваны и лежат между ними, у ног Роберта, и хочется сдохнуть. Роберта, наконец, перестают держать смуглые руки, и он падает с кресла, как огнем вспыхивает от удара освежеванное бедро, и все пропадает.

На плечо Келлану легла рука Сина.

– Успел? – тихо спросил он у Келлана. Тот кивнул в ответ, поднимаясь и встречаясь взглядом с отцом, почему-то спешно отвернувшись.

Директор присел у ставших изодранными культями ног, прикоснулся ко лбу мужчины прямо сквозь кокон, и Велиан сразу обмяк, погружаясь в глубокий сон. Келлан оглянулся: к ним уже бежала, спотыкаясь и плетя на ходу целительные заговоры, Теа.

Келлан поднялся. Ему никак не удавалось вдохнуть. Руки его были в крови, и Келлан недоуменно рассматривал их – когда это он успел измазаться в крови Велиана, разве он трогал его?

Син встал прямо перед Келланом. Обычно спокойное его лицо было искажено злобой.

– Коротко, – глухо приказал он.

– Похоже, их поймали при перемещении, – ответил Келлан, не узнавая собственный сиплый голос. Неужели он кричал? – Ловушка. Роберт в спинели, как на него надели кандалы, Велиан не видел. Велиана пытали на глазах Роберта, убеждая надеть ошейник. Роберт не согласился. Он активировал порталный камень, чтобы доставить сюда Велиана. На момент исчезновения Велиана был жив, цел, но обездвижен.

– Они ловят при перемещении с помощью портала, – с ужасом прошептал Син. – Я идиот. Все гости. Каждый. Сотни шепчущих разом.

Он развернулся и исчез, оставляя за собой размытый след. Келлан понимал: Син пошел к еще не успевшим воспользоваться порталами герцогам, чтобы предупредить их.

2. Алана

Алана сидела на кровати, низко склонив голову, почти упираясь лбом в колени. Уже давно рассвело. Сна не было ни в одном глазу.

В голове опустело. Только одна мысль билась в этой пустоте: «Лишь бы с Келланом все было в порядке».

Директор Син сказал, что Келлан отправился к порталным столбам, и что скоро он вернется. Син ответил на ее вопросы, чтобы она не беспокоилась, и это было так по-человечески, что сердце Аланы щемило от благодарности. Мало кто из шепчущих масштаба директора Сина стал бы ее успокаивать.

«Кроме Даора Кариона, – услужливо подсказала ей память. – Он захотел, чтобы у тебя осталась свобода, взял под защиту и закрыл от герцогов, когда ты больше не могла выносить их внимания».

Алана обняла колени и все-таки уткнулась в них, вспоминая, как черный герцог встал, провожая ее, как легко коснулся кончиков ее волос у самых ключиц, не стесняясь присутствия Сина и остальных, и как улыбнулся: «До скорой встречи, Алана».

Когда он произносил ее имя, оно будто пахло розами. Это кружило голову. Каждое действие Даора Кариона, каждое его обращенное к ней слово, каждая улыбка делали ее жизнь ярче и острее.

Ей стоило думать о Келлане. Ее Келлан ушел к порталам.

Алана решительно поднялась, отряхивая юбку и поправляя непослушные волосы. Столбы находились не так уж и далеко, до них быстрым шагом было не больше четверти часа. Алана не готова была снова сидеть, ждать и не дожидаться Келлана, куда проще последовать за ним. Он может быть занят, он может снова выполнять какое-то важное поручение, он может спешить – и тогда она просто будет идти или стоять с ним рядом, или же подождет, пока он освободится. Быть сейчас подле Келлана казалось ей естественным и правильным, и единственно возможным.

Кроме того, Алане нужно было убедиться, что с Келланом все в порядке, что черный герцог не...

«Постой, – остановила она себя. – С чего бы черному герцогу злиться на Келлана? Придумала себе. Признайся честно – решила, что ревнует. Тебя? Да, ревнует он, как же. Бред какой. Хорошо, что на тебе амулет, и Келлан этих мыслей не прочтает, краснеть хоть не придется».

3. Юория

Юория пришла в себя не сразу. Все тело болело, как если бы ее избили, в ушах гулко звенело, будто кто-то оглушил ее, и глаза не сразу привыкли к яркому свету. Никогда еще простое перемещение с использованием портала не проходило так болезненно. Похоже, при переходе она потеряла сознание.

Юория села, оцарапавшись о неаккуратно обработанное дерево руками, и похолодела: она точно была не в Обсидиановом замке. Маленькое и неприятно пахнущее помещение больше всего напоминало каюту какого-то грязного корабля бедного черноторговца. Лучи солнца, нагревавшие импровизированную постель из неаккуратной деревянной плиты с небрежно наброшенным поверх тонким травяным тюфяком, прорывались сквозь единственное маленькое круглое окно без стекла, расположенное над невысокой деревянной же дверью. Кроме этой жалкой койки, на которую ее швырнули как мешок с землей, в помещении стояли два стула, между ними – один приколоченный к стене стол, а на стене висели какие-то цепи. Приглядевшись, Юория заметила на массивных концевых звеньях кандалы, похожие на те, какими пользовались работоторговцы, поставлявшие Пар-Оолу сильных работников для возделывания безграничных южных плантаций. Только металл выглядел странно: он был слишком тусклым для железа, слишком темным и вместе с тем выглядел отполированным. Цепи были прибиты к стенам толстыми железными пластинами.

Над столом с мерзким жужжанием кружились жирные мухи.

Юория подняла к лицу руки: они были не связаны. А вот живот, прямо поверх скрывавшей ожог тонкой ткани, обхватывал тонкий серебряный хомут без замка, ни с чем, впрочем, не соединенный.

Кто посмел похитить ее?! Кто посмел бросить ее, черную леди, в этот вонючий чулан с обшарпанным полом, кто посмел посадить ее на воняющий крысами матрас?! Юория задохнулась от возмущения и тут же брезгливо закашлялась: в воздухе висела тяжелая, пахнущая специями пыль.

Ожог под необычным металлическим поясом почти не болел. Металл охлаждал кожу сквозь шелковое платье, и это было даже приятно: вокруг стояла влажная, душная жара. Юория приподняла рукав и поморщилась: остальные следы огненных силков были на месте и саднили, как и раньше.

– Дядя... – прошептала она со страхом, но никто не ответил.

Юория чувствовала, как по спине, между лопатками, под горячим пологом распущенных волос, стекал пот, обжигая еще не зажившие раны. Даже на самом юге Империи на исходе осени не могло быть так жарко.

Неужели дядя решил так наказать ее? Кому он мог ее отдать? Она настолько разозлила его? Мысль, что кто-то мог забрать ее без разрешения Даора Кариона, казалась нереальной.

– Я все вынесу, какое наказание ты бы мне ни приготовил, – сказала она в пустоту каюты, стараясь унять дрожь.

Юория поднялась и тут же пошатнулась: пол немного покачивался. Не оставалось сомнения, что она находилась на корабле, но шума волн слышно не было. Зато за дверью раздались шаги и голоса, говорившие на незнакомом языке. Юория выпрямилась во весь рост и с достоинством посмотрела на дверь, готовясь объять входящих холодом и презрением. Никто не посмеет вести себя неуважительно с ней, черной розой Империи Рад.

Дверь приоткрылась, и в каюту заглянул крепкий молодой мужчина небольшого роста. Волосы его были подстрижены очень коротко, а вместо камзола и рубашки мощный торс прикрывала только распахнутая на груди тканая безрукавка, заправленная в высокие кожаные брюки. Моряк. Юория хмыкнула про себя: мужчина подходящего возраста – это хорошо.

– Вас послал дядя? – спросила она.

Моряк что-то сказал на непривычном, угловато-Певучем языке, в котором Юория уловила пар-Оольские слова. Обычно все встречи с работорговцами посещал и переводчик, и хотя три года изучения не прошли впустую, бегло понимать эту мешанину гласных Юории не удавалось. Кажется, моряк сказал кому-то снаружи, что она хорошо себя чувствует.

Но почему дядя обратился к пар-Оольцам?

– Вы работаете на Даора Кариона? – спросила она по пар-Оольски, с трудом подбирая нужные слова.

Моряк заулыбался во все свои белоснежные зубы, почти светившиеся на фоне смуглого лица.

– Ты знаешь наш язык, красавица, удача, – сказал он ей. И добавил что-то, из чего Юория поняла только про «красивые беседы» и «ночами». Ее передернуло, и страшная догадка озарила разум. Боясь, она повторила свой вопрос, стараясь оставаться внешне такой же невозмутимой:

– Вы работаете на Даора Кариона? – И добавила, не сумев скрыть от самой себя сомнения: – Вы знаете, кто я?

Моряк хмыкнул, без смущения оглядывая ее с головы до ног. Юория знала, что какой бы вымотанной ни была, выглядит она великолепно, но эта мысль породила больше тревоги, чем радости. Похотливый, похожий на патуку взгляд скользнул по всем изгибам ее идеального тела, и моряк облизнул пухлые губы, плотоядно улыбаясь. Обычно Юория дразнила таких истекающих желанием мужчин, но сейчас ей становилось все страшнее.

– Она говорит про Даора Кариона! – крикнул мужчина в коридор.

Тут же раздались тяжелые быстрые шаги, и другой мужчина, одетый в роскошный халат цвета шафрана, остановился в дверном проеме, отгеснив не возразившего и слова моряка. Этот наглый пар-Оолец был высок, так же темнокож, наголо выбрит. Все – и золотой пояс с крупными рубинами поверх халата, и массивное ожерелье, и даже запах дорогого сандалового масла, который источала его лощеная кожа, – говорило о его высоком статусе. Вошедший был похож не на работорговца, а скорее на какого-то пар-Оольского вождя. За ним следовал красивый немолодой мужчина, носивший привычную Юории одежду, вот только поверх серой батистовой рубашки вместо камзола был накинут удлиненный жилет без рукавов, а волосы были убраны на пар-Оольский манер: гладко зачесаны назад и туго перевязаны по всей длине тканой лентой, вышитой крупными плоскими бусинами. Юория пригляделась к его лицу: оно было знакомым. Где-то она его видела, но не запомнила имени. Может, какой-то бал? Наверно, он относился к имперской знати. Какой-нибудь не слишком важный барон?

– Объясните, что здесь происходит, – сказала она холодно, но и сама услышала, как в ее голос прорвалось какое-то детское отчаяние. – Меня что, заперли? Даор Карион послал вас наказывать меня?

Мужчина в сером бросил взгляд на уже устроившегося на одном из стульев пар-Оольца, будто спрашивая разрешения. Тот важно кивнул, не сводя с Юории масляных черных глаз.

– Ты – Юория Карион? – спросил мужчина в сером.

– Да, – ответила она с вызовом, делая несколько шагов по направлению к столу, и тут же была остановлена внезапным порывом воздуха. Вождь в желтом издал несколько смешков. Юория возмущенно обернулась к мужчине в сером, только что прошептавшем заговор. – Представьтесь.

– Меня зовут Ренард, – обманчиво вежливо улыбнулся ей мужчина. – Это – Ннамди Адегоук, он решит твою судьбу. Тебе не позволено приближаться к нему без его позволения.

Дядя был тут ни при чем, поняла Юория окончательно. Что-то внутри будто рухнуло в пропасть.

– Ренард? – переспросила Юория, облизывая пересохшие губы и вспоминая, где слышала это имя. – Брат герцога Лисар из Серых земель?

Ренард кивнул.

– Прислуживаешь пар- Оольцам? – небрежно спросила она у Ренарда, возвращаясь на койку и садясь на ее край так, как могла бы сесть на трон. – Чем этот дикарь тебе заплатил? Развратными девственницами? Опиумом?

Шепот разрезал воздух кнутом, и Юория повалилась на пол, схватившись за рассеченную губу.

– Мудрец Ннамди Адегоук понимает наш язык, хоть пока и не считает нужным говорить с тобой, – сказал ей Ренард, подходя. – Следи за своими словами, если не хочешь закончить в металлическом котле.

– Прошу прощения, – проговорила Юория, держась за скользкую от крови губу. На глазах выступили слезы: ее прекрасное лицо! – Я поняла.

– Пояс не даст тебе отойти от хранителя жетона более, чем на сорок шагов, – сказал ей Ренард. – Не пытайся убежать. Он просто рассечет тебя, как хорошее лезвие. Сейчас твой жетон у охранника.

Юория сидела на полу, завесив лицо волосами. По щекам ее текли предательские слезы.

– Вы хотите продать меня в рабство?

– Как решит мудрец, – невозмутимо ответил Ренард, не подавая ей руки. Юория могла видеть носки его облегченных тканевых сапог.

– У меня очень много денег, – выдавила она из себя. – И вы же знаете, кто мой дядя. Он сотрет вас в порошок, когда узнает, что вы делаете со мной. Вы будете валяться у него в ногах и просить пощады!

– Резвая, – бас пар- Оольского мудреца оказался похож на рычание льва. Юория метнула на него ненавидящий взгляд: он трясся от смеха, и его отвратительные гладкие щеки дрожали.

– Встань как положено, – приказал Ренард.

Юория не посмела ослушаться и поднялась, украдкой стирая уже остывшие слезы. Она все-таки была черной леди. Мысли метнулись к холодному дядиному приказу убираться, и воспоминания отозвались горечью.

Дядя говорил, что, оказавшись на чужом поле, первым делом нужно узнать правила игры.

– На каких условиях вы отпустите меня?

Ренард обернулся к Ннамди, ожидая его ответа.

– Что она сказала – правда? – спросил мудрец.

– Она – единственная женщина Карион, семьи черных герцогов, – ответил ему Ренард. – Насколько я знаю, дядя не допускает ее до управления, поручая лишь грязную работу. Даор Карион – один из лучших артефактологов мира, может, сильнейший, вы могли слышать его имя. Не думаю, что даже пар- Оольские мастера сравнятся с ним. Кроме того, он одаренный и умелый маг, не только шепчущий, и ему много сотен лет. Он чрезвычайно силен и опасен.

– Он сговорчив?

– У меня нет таких сведений, мудрец, – поклонился Ренард. – Я никогда не имел с ним дела. Но все в Империи боятся его.

Мудрец сложил свои большие руки на животе и кивнул Юории.

– Подойди, – озвучил его волю Ренард.

Юория остановилась от Ннамди в двух шагах. Он сидел, поэтому она была выше, но смотреть сверху вниз, как привыкла, ей было страшно, поэтому Юория разглядывала облепленный мухами стол со следами кружек и чего-то красного, в чем она легко опознала кровь – похоже, за столом и пили, и пытали.

– Останешься здесь. Каюту – лучше. Даор Карион выкупит тебя, будешь жить, – огласил вердикт мудрец. Он поднялся, обдав Юорию запахом сандала, подошел к ней ближе и заглянул

в лицо, а потом большим пальцем стер кровь с губы. Юория отпрянула с отвращением, но тут же взяла себя в руки, обольстительно улыбнувшись. Она коснулась пальцев мудреца полуоткрытыми губами и многообещающе взглянула в подернутые поволокой глаза.

– Красивая, – прогудел Ннамди, выходя. Ренард последовал за ним, не оглядываясь. Дверь со скрежетом захлопнулась, щелкнул засов, и Юория осталась одна.

4. Алана

Алана быстро сошла с мощеной дорожки на мерзлую землю, срезая путь. Слуги, и так измотанные праздником, уже начинали прибираться разбросанные тут и там следы ночного веселья, и ее кольнуло чувство вины за собственное бездействие. Что бы ни произошло недавно, таинственный зал с десятками важных персон, собравшимися за одним столом, и ее представление им – все казалось куда более далеким и куда менее относящимся к ней, чем простое наведение порядка в садах и галереях. Мир Аланы был больше похож на мир незаметных, верных, добрых, простых безымянных людей, а вся эта околomagическая жуть ощущалась случайно подсмотренным сюжетом чужей- То чужой судьбы.

Алана не дала себе остановиться, пробегая мимо Таданы, пожилой кухарки, сейчас с трогательным рвением собиравшей подвядшие розы. Тадана посмотрела на нее неодобрительно, Алана смущенно подняла руку в знак приветствия, и женщина кивнула, невозмутимо вернувшись к работе.

Утро было очень холодным. Из рта шел пар. Алана миновала конюшни, хозяйственные корпуса и, обнимая себя руками, вышла, наконец, к широкой тропе, ведущей наверх. Она хорошо знала эту дорогу: Хелки показывала ей порталные камни, когда договаривалась с дежурившими у них послушниками, и Алана не раз выходила к одинокому холму на окраине Приюта, чтобы самой посмотреть на прибывавших. Тогда порталные проемы были для нее чем- То по- Настоящему таинственным, неродным, и она и представить не могла, что когда- Нибудь сама ступит в эту магическую воронку, пусть и убегая от смерти. Тем более убегая от смерти.

Наверху было тихо. Алана поднялась, чуть запыхавшись, и поскользнулась на почему- То влажной траве, больно ударившись об один из камней плечом. Она поискала глазами послушника: он сидел в маленьком креслице, закрыв лицо руками, и, кажется, плакал. Алана подошла к нему, парень отнял ладони от красных глаз и воззрился на нее с недоумением.

– Уходить нельзя, – гнусаво сказал он. – Директор Келлфер запретил использовать порталные проемы.

– Я не собиралась, – ответила Алана. – Здесь был директор Келлфер? А наставник Келлан тоже был здесь?

Неужели не успела? Вдруг вся ее идея найти Келлана и навязаться ему показалась Алане абсолютно идиотской. Да если бы и нашла – что бы сделала? Потребовала бы у директора Келлфера их оставить? А потом капризно пожаловалась бы Келлану, что он оставил ее на совете одну?

Парень не ответил, неопределенно мотнув головой в сторону места, где она чуть не расшибла себе лоб.

– Простите, – обратилась к нему Алана еще раз. – Меня зовут Алана. Я ищу наставника Келлана. Пожалуйста...

– Он ушел, – сказал послушник, шумно втянув носом воздух. – Сразу после того, как унесли наставника Велиана. Я думаю, он умер. Я никогда, – он сглотнул, – не видел ничего такого. Он просто...

Парень снова закрыл лицо руками. Повинуясь порыву, Алана подошла к нему и утешительно похлопала его по спине.

– Что произошло?

– Наставник Велиан был весь изрублен, – парень явно с трудом подбирал слова. – Все было в его крови. Он так кричал! Он... Он же самый добрый из наставников, знаешь, когда у меня не получилось на его занятиях отличить иллюзию от камня, он оставил меня после, и

угостил чаем, а потом все объяснил, мне одному. Ему не жалко было времени. И он, – парень снова всхлипнул, – он со всеми так! Ты у него училась уже?

– Нет, – тихо ответила Алана, понимая, что ее приняли за послушницу.

– Кто мог сделать с ним такое? За что? Я не знаю, как он вообще мог быть жив после такого... Когда наставник Келлан коснулся его разума, он тоже закричал! Представляешь, что было с наставником Велианом, если даже наставник Келлан не смог сдержаться?

– Келлан кричал? – переспросила Алана, холодея. – С ним все в порядке?

Послушник, похоже, и не заметил, что она назвала Келлана по имени. Он легонько раскачивался вперед-Назад, держась за голову, будто никак не мог поверить увиденному. Алана повторила вопрос.

– Наставник Келлан его успокоил, – сказал парень, наконец. – Потом пришел директор и наставница Теа, и наставник Велиан заснул. Они ушли, оставили меня здесь, а там везде кровь...

Судя по этому сбивчивому рассказу, с Келланом все было хорошо.

Тут Алана поняла, на чем поскользнулась, и вздрогнула, внезапно очень ясно ощутив, что колено, на которое она встала, падая, холодит через юбку впитанная тканью кровь. Кровь любимого многими, похоже, наставника. А этого милого парня оставили здесь совсем одного наедине с тем, что он никак не мог вынести. Неужели Келлан не увидел, в каком послушник состоянии? Что могло заставить его уйти, не оказав помощи?

«Вообще- То, – напомнила она себе, – Келлан вовсе не теплый и внимательный учитель. Вспомни, как он равнодушно смотрел на избиение Жеана».

– Они давно ушли? – спросила она мягко.

– Посиди со мной здесь, – попросил ее парень в ответ. – Я не могу туда смотреть. Я попробовал смыть кровь водой, но у меня не получается заговор, только размазал. Там все в ней.

Алана вздохнула. Келлан уже ушел, и с ним был директор Келлфер, а явно потрясенному мальчику рядом с ней прямо сейчас нужна была помощь. Она подволокла еще одно небольшое тканевое кресло и села так, чтобы оказаться между парнем и страшным пятнышком мокрой земли. Будь Алана послушницей, она предложила бы подежурить вместо него.

– Как тебя зовут? – Она мягко гладила его по плечу.

– Ноам, – ответил парень. – Я первого года.

– Почему тогда ты здесь? – не поняла Алана. Она, конечно, не знала порядков Приюта, но казалось логичным не давать самым младшим дежурить у таких мест.

– Я был тут с Милом, – ответил Ноам жалостливо. – Это мой брат. Он уже почти закончил. Брат предложил показать мне столбы. Но выпил, ему стало плохо, он ушел, сказал мне всего пару часов посидеть. Меня в восьмом часу сменят. Сказал, все равно гости больше приходиться не будут. Тут на самом деле не сложно. Вот это, – он показал на крупный кристалл у себя на поясе, – сигнал. Если что, я его сжимаю, и сюда сразу идет кто- То из старших, сильных.

– А если ты не успеешь? – с сомнением спросила Алана, радуясь, что Ноам отвлекся от страшного воспоминания. – Если кто- То сорвет его с тебя?

– Ну, тут Мил сказал, что еще есть защита, ее сам директор Син ставил, – объяснил Ноам. – Если кто- То несет опасность, то срабатывает барьер, и враг не выйдет за пределы этого круга. Вот, видишь?

Алана присмотрелась: на земле темнела черта, нарисованная чем- То острым прямо по траве и уже заросшая и ушедшая в землю. Черта эта располагалась перед порталными проемами, в шаге от самих врат, и если Ноам был прав, то эта черта не дала бы уйти в портал потенциальному злодею.

– Интересно, – искренне сказала она. – А ты знаешь, как ставится такая защита?

– Мил говорит, обычно используются руны, – начал рассуждать Ноам. – Но директору Сину и они не нужны. Мил сказал, директор Син просто провел черту рапирой, и все сразу вспыхнуло, это все видели!

– Все? – сделала вид, что не поверила ему, Алана, с радостью отмечая, что слезы на щеках парня высохли. – Да не может быть.

– А вот и может, – обиделся Ноам. – Говорят, свет достиг самых небес!

– Ясно, – улыбнулась Алана. – А ты видел?

– Ну, я... Я тогда на занятии был, – признался Ноам.

– И я не видела, – сокрушенно покачала головой Алана. – Вот бы посмотреть.

Ноаму было на вид лет пятнадцать, но теперь Алана старалась не обманываться: если он из потомственных шепчущих, то ему могло оказаться и двадцать пять, и даже больше. Вел он себя как потерянный ребенок, и Алана решила, что никуда не пойдет, пока его не сменил на дежурстве кто-то другой. Ноам с пылом рассуждал о защитных заговорах, которыми, по словам его старшего брата, была напичкана территория Приюта. Вряд ли он хорошо в этом разбирался, но повторял слова Мила очень уверенно и даже с гордостью. Алана в очередной раз порадовалась, что так удачно села между ним и окровавленным куском земли.

– А ты когда-нибудь видел, как такие заговоры работают? – добродушно подначивала она его.

– У нас был один, папа ставил, – рассказывал Ноам. – Вокруг дома. Папа его каждую неделю обновлял. Но он не загорался. Наверно, никто не хотел ограбить нас. Мил говорит, если кто-то ворвется, то он должен...

Как именно должна была повести себя линия на земле в этом случае, Алана услышать не успела. С оглушающим лязгом полянка загорелась, и ее отшвырнуло воздушной волной прямо на наливавшего чай Ноама – защитный заговор сработал, будто решив поставить точку в их разговоре.

5. Даор

Даор Карион сидел у камина, с раздражением слушая вопли осознавших, наконец, всю сложность своего положения гостей. Еще несколько минут назад уставшие, решившие, что они заслужили отдых, правители земель и их верные псы готовились отправляться по своим домам и замкам. После объявления Сина всю эту высокопоставленную толпу подчинила себе банальная паника. Кто-то из мужчин кричал, что его дети ушли сквозь порталные окна и теперь могут быть мертвы, кто-то из женщин тихо охал, без конца вопрошая, что же теперь делать, несколько человек, незамутненных в своей глупости, требовали у директоров Приюта исправить ситуацию. Эта мешанина голосов надоела Даору сразу, как возникла, и сейчас, отгородившись по своему обыкновению от их назойливости, черный герцог думал, что же в связи с изменившимися условиями стоило делать лично ему.

Син сказал, что, вероятно, все порталные окна отслеживаются, и попытавшиеся воспользоваться ими могут попасть прямо в руки к пар-Оольцам, как попали к ним один из наставников и Роберт. Син говорил чуть быстрее и громче, чем обычно, шаги его из плавных стали резкими, хоть общий темп движений и не изменился. Как бы хорошо он ни таил от присутствующих собственное напряжение за маской спокойствия, от Даора оно не укрылось. Старший директор Приюта был зол, собран и винил себя в произошедшем. Сейчас сразиться с ним было бы проще обычного, и исход такой битвы стал бы непредсказуемым. Глупо верить, что Син не смог бы быстро собраться, чтобы оказать достойное сопротивление, но первые несколько секунд могли бы подарить Даору неплохую фору.

Герцог с удовольствием покрутил эту мысль. Возможность одержать верх над Сином, поставив точку в их многовековом молчаливом противостоянии, была довольно заманчива. И все же на данном этапе это было бессмысленно. Несмотря на то, что Син пытался не отдать Даору найденного им представителя семьи Вертерхард, и тем шел на причинение опосредованного вреда, к старшему директору у Даора претензий не было. Син был адекватен, спокоен, хорошо делал свое дело, не вмешивался в политику. И был, разумеется, сильнейшим союзником в борьбе с Пар-Оолом.

– Послушайте, – негромкий голос Сина разнесся по залу, и другие голоса стихли, оставив за собой лишь редкие всхлипывания кого-то из женщин. – Как я уже сказал, пока порталы не проверены, я очень не рекомендую вам пользоваться ими. Вы не просто отцы и матери, и не просто люди. Вы – хранители земель, от вас зависят десятки тысяч жизней. Ваше пленение принесет в ваши земли хаос и смерть. Всем, кто решит остаться в Приюте Тайного знания, мы предоставим покои. Я рассчитываю на ваше благоразумие.

И снова зал наполнил шепот. Даор посмотрел на бледного Олеара, ищущего взгляд своего господина, и кивнул: он не собирался спорить с Сином. Даор и так, и так собирался задержаться в Приюте: здесь была Алана, и здесь становилось все интереснее и интереснее. А Келлфер, конечно, попросит его изучить порталные столбы. Что тоже было чрезвычайно любопытно. Чуть позднее Даор собирался встретиться с гением, создававшим в Пар-Ооле подобные решения, но это было не к спеху.

– Вы считаете, нам нужно остаться? – спросил Олеар тихо.

– Да, – ответил Даор. – Все самое важное и все самое интересное ближайшие дни будет происходить именно здесь. Эти пауки, оказавшиеся в общей тесной банке, начнут грызть одних и сплачиваться с другими, и перестроят саму структуру власти и союзов Империи. Держать руку на пульсе, наблюдая за ними, тебе будет очень полезно. Кроме того, все найденные новые артефакты точно будут попадать в руки директории Приюта, а значит, и в мои. И если у Пар-Оола хватит наглости напасть, то эта схватка также произойдет в Фортце.

Он не упомянул еще одну причину, о которой Олеару знать было не обязательно: девочка оставалась в Приюте. И если на орден нападут – а на него нападут, это было лишь делом времени – то Алана будет в безопасности, только если он, черный герцог, окажется рядом. Эта причина занимала в его разуме столько пространства, что Даор с интересом подумал, не главная ли она, и не дал себе однозначного ответа.

Он собирался предложить Алане уехать, но знал, что она откажется. Пока девочка боялась его и пока не была уверена, что он не собирается ее убить или использовать, она бы и шагу с ним не сделала туда, где осталась бы без защиты. Это было неудобно, но Даор уважал подобную осторожность, снова отмечая, что при всей своей боязливости Алана умела принимать правильные решения, не поддаваясь даже очень весомому авторитету силы. И это качество существенно отличало ее от женщин, считавших свое умение броситься в любовный омут с головой восхитительной особенностью, которая должна была служить проявлением их страстности и которой они думали покорять мужчин. После нескольких брошенных им невзначай слов такие родовитые красавицы из шкуры вон лезли, чтобы доказать, что доверяют ему, надеясь умилить черного герцога и заставить его почувствовать себя их защитником. Он всегда смотрел на эти ужимки снисходительно.

Алана вообще мало походила на женщин, которых Даор встречал, и тем более на тех, с которыми делил ложе. Он улыбнулся: и будучи простой безымянной служанкой, товаром, Алана ухитрилась его заинтересовать. Может быть, потому, что не пыталась? Ее хотелось защитить, хотя она заботилась о своей безопасности сама и никакой защиты не просила.

– Мастер, – тихо обратился к нему Олеар, прерывая поток приятных воспоминаний. – Юория скорее всего ушла через портал. Вы не хотите узнать, в порядке ли она? Вдруг ей требуется помощь?

– Она безусловно ушла через портал, но я бы не стал о ней беспокоиться, – отозвался Даор. – Учитывая ее происхождение и абсолютную бесполезность как воина, если ее и поймали, попытаются мне продать. Если же ее забрали те, кто не знает о семье Карион, и она уже мертва, я заменю ее.

– Как? – спросил Олеар, еще больше бледнея.

Даор внимательно посмотрел на ученика и ощутил досаду. Тот почти был готов расплатиться. Его чрезмерная привязанность к Юории сейчас была некстати, и то, что он не успел реализовать свою страсть, и все еще находился во власти этого любовного морока, делало Олеара уязвимым.

– Она жива. В ее ребро встроен артефакт, с помощью которого я могу отследить местоположение и состояние Юории. Если с ней что-то случится, я позволю тебе пойти спасти ее, при условии, что это не повредит тому, что ты должен будешь сделать по моему приказу.

– Ч- Что? – не сдержал удивления Олеар.

– Тебя это удивляет? – иронично осведомился герцог. – Она женщина семьи Карион и мой актив. А я привык относиться к своим активам внимательно.

– Так вы можете пойти и спасти ее? – с надеждой спросил Олеар.

– И не пойду, – усмехнулся Даор. – Полезно будет потом просмотреть ее память, и чем дольше она среди забравших ее людей, тем информативнее это окажется в итоге. И будет не лишним немного сбить с нее спесь. – Он немного помедлил, решая, добавлять ли неприятную для Олеара, но важную для понимания происходящего подробность, но пришел к выводу, что Олеару эта информация пойдет на пользу: – Артефакт работает ограниченно, что говорит о его близости к другим артефактам.

– Вы не знаете точно, где она? – понял Олеар, и как-то жалко скукожился. – Артефактов много в Пар-Ооле, да?

– Пока не знаю, мне нужна поисковая сфера, – равнодушно ответил Даор. – Сфера в Обсидиановом замке. Не вижу смысла сейчас возвращаться туда.

– Но Юория в порядке?

Даор вздохнул, давая Олеару еще минуту, чтобы прийти в себя.

– Если бы она умерла, я бы знал. Олеар, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, то и мое предложение более не будет в силе. Подумай, с каким пылом она бросится тебе на шею, и как страстна будет, если ты ее спасешь, и прекрати поддаваться панике, как эти ничтожества. Ты сейчас в шаге от того, чтобы перейти границу, почти указываешь мне, что делать. Я прощаю это только потому, что ты расстроен.

– Простите, – пробормотал Олеар, вставая.

– Меня куда больше беспокоит Вестер, – проговорил Даор. – Он продержится недолго. Тебе придется взять его на себя.

– Как? – покраснел Олеар.

– Не как Юория, – усмехнулся Даор. – Но пусть служит тебе со всем возможным пылом.

– Слушаюсь, – поклонился Олеар. Теперь он стоял куда прямее и, похоже, все-таки смог совладать с собой. Лицо его приобрело жесткое выражение, глаза поблескивали.

– Я начинаю думать, что зря игнорировал Пар-Оол, считая их дикарями, – задумчиво сказал Даор.

– Где герцог Карион? – громко спросил Ингард, не замечая Даора и Олеара за завесой.

Даор взглянул на Сина: тот проигнорировал его взгляд, и Даор улыбнулся.

– Я осмотрю порталы, – ответил он на не заданный еще, но вполне закономерный вопрос, сворачивая защитную завесу.

– И скажете нам... – начал было герцог Синих земель, Ив Стелер, но его жена схватилась за широкий рукав его платья. Ив вырвал у нее руку нервным жестом, и встретился взглядом с Карионом, после чего и сам прикусил язык и смущенно сел. Даор посмотрел в глаза и Данике, но она тут же спряталась за мужа. Синие герцоги мало появлялись в свете, и Даор почти никогда не имел с ними дела, но сейчас поставил себе мысленную зарубку: еще одна семья, где герцогиня играет первую скрипку, лучше ориентируясь в расстановке сил, чем номинально правящий супруг.

– А что с порталной почтой? – подал голос герцог Коричневых земель Георги Петьер. – Мы можем проверить, перехватывают ли ее. У нас есть на этот случай... – Он с сомнением обвел присутствующих взглядом, и Даор усмехнулся про себя: большинство герцогов, какое бы единство они ни демонстрировали перед лицом опасности, подозревали своих союзников и были настороже. – У нас есть кодовые слова. Я могу послать письмо и по ответу сказать, получили ли его мои люди.

Его сестра, Йорданка, одна из трех присутствующих женщин, прижимала к губам платок. Голова ее была покрыта кружевной шалью, и она выглядела как монашка. Зачем герцог Петьер позволил ей присутствовать на совете, большинству было не очевидно. Мало кто замечал скрытый под корсетом крест, так похожий на змеиный крест Аланы.

– Сделайте это, – согласился Син.

– Я предлагаю окончательно определиться, кто из нас пользуется предложением директора Сина и собирается остаться в Приюте, – раздался чистый женский голос. Лианке Веронион встала во весь свой немаленький рост и обвела присутствующих взглядом. – Нам стоит проголосовать. Хочу высказать свое мнение: если кто-то из герцогов решит уйти порталом, это поставит под удар нас всех. Я остаюсь до выяснения обстоятельств. Мои люди тоже остаются со мной. Если понадобится, они отправятся в Желтые земли пешком или верхом.

Лианке осталась стоять, держа ладонь высоко и не шевелясь, будто это не стоило ей и малейшего усилия. Повисла тишина.

Даор усмехнулся. Герцогиня Желтых земель была известна своим несгибаемым характером и острым как бритва умом. Она говорила именно то, что следовало сказать, и момент для этого выбирала подходящий.

Над столом поначалу неуверенно, а затем все быстрее и быстрее поднимались руки. Герцоги смотрели друг на друга, а маркизы и бароны – на герцогов. Всего за минуту проголосовали все. Единственным, кто остался сидеть, развалившись в кресле, и не отпуская подлокотников, был Сфатион Теренер. Казалось, его совсем не смущали неодобрительные взгляды, направленные в его сторону, он только улыбался себе под нос. Наконец, Теренер встал и громогласно, глядя прямо в глаза Сину, заявил:

– Меня никто не запрет здесь. Какими бы поводами вы ни пользовались, я уйду тогда, когда посчитаю нужным.

Лианке посмотрела на него холодно, и ничего не ответила, а вместо этого повернулась к Даору.

– Герцог Карион, вы придерживаетесь того же мнения?

Даор, тоже не поднимавший рук, ответил:

– Нет, я остаюсь.

– Все вы... – Теренер не смотрел на Даора. – Все вы жалки. Вы боитесь порталов. Ваши дети, может быть, уже сдохли, или они просят папочек и мамочек прийти вслед за ними, а вы решаете заползти в...

Он не успел договорить, мягко и плавно, будто в воде, опускаясь обратно в кресло. Глаза его были закрыты.

– Хватит, – негромко сказал Син. – Ингард, обеспечь нашим гостям все, чтобы они не чувствовали себя стесненно. Келлфер, я попрошу тебя проводить Даора Кариона к порталным столбам, а я присоединюсь к вам позже, когда кое- Что проверю.

– Теренер сочтет это унижительным, – заметил Даор весело.

Син не стал оправдывать своих действий и вообще ничего не ответил. Даор Карион с уважением подумал, что старший директор сильно устал, и что не каждый смог бы оставаться таким же невозмутимым при таком уровне опустошенности.

6. Алана

В ушах звенело. Алана с трудом перевернулась, вставая на колени, а потом, сама не помня себя, оказалась на ногах. Из-под мешанины ткани и дерева, так же открывая и закрывая рот в попытках избавиться от гула, вылез Ноам. За перевернутым креслом, от травы и вверх, шла мерцающая полупрозрачная стена цвета желтого пламени. Алана закинула голову: завеса изгибалась, образуя сферический купол, и высоко над их головами закрывала небо. Смотреть на нее было сложно, взгляд никак не мог сфокусироваться, и казалось, что сам воздух дрожал, окрашиваясь оттенками огня. Алана чуть не упала на спину, но потрясла головой, чтобы немножко прийти в себя, неловко взмахнула руками и устояла.

Ноаму явно было не лучше. Он стоял на четвереньках и все никак не поднимался. Кристалл, который он носил на поясе, лежал теперь за границей круга. Алана как во сне протянула к нему руку и тут же отдернула ее, дотронувшись до завесы: ее протряхнуло, будто ударила маленькая молния. Это было не больно, но крайне неприятно.

– Что за?.. – начал было Ноам, ощупывая пояс, но замолк, со страхом глядя Алане за спину.

Девушка обернулась, и это движение болью отозвалось где-то глубоко в ушах.

В двадцати шагах от них клубком сцепились трое. Они двигались так быстро, что Алана не успевала их разглядеть. Вот один отделился от общей массы и, вывернувшись в полете, в каком-то немислимом движении приземлился на ноги, хотя несся спиной вперед. Алана узнала его в тот короткий миг, что мужчина стоял, чуть покачиваясь, ожидая нового удара: это был директор Роберт. Голые руки его были перехвачены какими-то кандалами у самых локтей, и хоть Алана видела это всего момент, уже не могла забыть: металл впивался в его плоть так, что куски кожи частично закрывали тусклые пластины, а кистей не было совсем, и там, где должны были заканчиваться рукава, белели в кровавом месиве кости. Тем не менее, Роберт двигался так быстро и гибко, будто это ему почти не мешало. Вот он накинул цепь на горло одного из мужчин и, неуловимо шевельнувшись, уложил того на землю. Противник его, рослый смуглый воин, хрипел, хватаясь руками за раздробленное горло, а Роберт уже перетек вниз, готовясь ударить второго. Алана стояла как вкопанная, боясь двинуться и как-то помешать, и хотя в ней панически билась мысль о том, что директору больно, и что ему нужно помочь, она останавливала свои глупые порывы, понимая: лучшее, что она может сделать сейчас, это быть незаметной.

Но Ноам, похоже, рассуждал совсем иначе. Он бросился на борющегося с директором Робертом мужчину с кличем, достойным какого-нибудь варвара, и сразу же получил удар куда-то в живот. Всхлипнув, Ноам упал на спину, и от второго удара его защитил будто из-под земли возникший между ним и громадным кулаком директор Роберт. Он сбил своего соперника с траектории, и тот повалился на землю, тут же вставая. Сам Роберт тоже потерял равновесие и ушел влево, чтобы избежать встречи с длинным, похожим на меч кинжалом.

– Дети, прочь! – прокричал он Алане и Ноаму.

Ноам никак не мог ни встать, ни отползти, и лежал он куда ближе к неизвестному нападавшему, чем к Роберту, но ближе всего к Алане. Та ринулась вперед, не разбирая дороги, и схватила Ноама за руку, отгаскивая его на пределе сил как можно дальше. Мужчина замахнулся кинжалом, но был снова сбит Робертом сбоку, и лезвие, разрезав платье на ее животе, отхватило от платья пару пуговиц, а сама Алана, чудом избежав ранения, завалилась на спину рядом с Ноамом, все так же безуспешно пытавшимся вздохнуть.

– Что я сказал! – услышала она крик Роберта. – Убрались!

Алана метнула на него быстрый взгляд и с ужасом увидела, что противник пробил ему локоть чуть ниже пластины, и вонзил кинжал в землю, таким образом обездвигив директора.

В голове промелькнуло «Это мы виноваты!», и когда огромный воин обрушил на второй локоть Роберта каблук, а затем ударил его между бровей, Алана подняла с земли крупный камень. Она уже разбежалась и замахнулась, но была отброшена назад с такой силой, что закашлялась. Щит загудел.

7. Юория

У Юории были завязаны глаза. Ведущий ее по узкому покачивающемуся коридору моряк Коджо вовсю пользовался своим положением, то и дело она ощущала его руки ниже спины, а один раз, когда споткнулась и чуть не упала, он откровенно и довольно больно схватил ее за грудь. Слезы унижения впитывала грубая холщовая повязка. Юория останавливала себя, чтобы не высказать мужлану все, что она о нем думает, как привыкла поступать с птицами куда более высокого полета, и так сильно сжимала кулаки, что ногти впились в ладони. Юория представляла себе, как сняла бы с этого животного кожу, как следила бы за ловкими движениями своего любимого палача, когда он вгонял бы в раздутые мышцы Коджо смоченные ядом черноголовника иголки одну за другой, как моряк извивался бы, если бы она сама взяла нож в руки... Но сейчас мокрые лапы блуждали по ее идеальному телу, задевая ожоги.

Как же она могла ему навредить?

Терять Юории было нечего. Когда мужчина в очередной раз приложил свою пятерню к ее спине, Юория охнула и заплакала, изогнувшись так сильно, как позволяла ей ее природная гибкость. Она знала, как соблазнительно выглядит, и чувствовала его взгляд на обнажившейся в разрезе платья спине. Некоторое время Коджо молчал и не прикасался к ней, а потом взял за плечи, но как-то аккуратнее, и помог переступить высокий порог. Там он разрешил ей снять повязку, сам не прикасаясь больше к ее лицу. Юория сделала это не сразу, сначала со всем пылом превратив свое лицо в скорбную и соблазнительную маску.

– Мне так больно, – прорыдала она по пар-Оольски, не открывая глаз. – Смотри, меня пытали.

Будто бы смущаясь, Юория подняла юбку, сверкнув белым бедром, и у мужчины загорелись глаза при виде полоски обнаженной кожи над чулком. Она спустила чулок так, чтобы он увидел отвратительный красный след, и белозубая улыбка померкла. Похоже, моряк не любил крови, что было удивительно для такого дикаря. Юория была почти уверена, что вид раны его возбудит еще больше, как и любого жадного до чужой боли варвара, но вместо этого поймала сочувствующий взгляд.

– Кто тебя пытал? – спросил ее тюремщик.

Юория в ответ лишь заплакала горше. Некоторое время Коджо стоял и смотрел на нее, а потом вышел, не говоря больше ни слова. Сквозь слепленные влажные ресницы Юория хладнокровно наблюдала, как похоть и жалость боролись в нем, и то, что он хотел овладеть ею, эту жалость только подогревало, как и жалость подогревала желание обладать. Заигрывать с ним было как валяться в грязи, но ничего другого не оставалось: у этой свиньи где-то был спрятан жетон от ее пояса, и Юория намеревалась его достать. Она примерно прикинула, на что готова: возможно, ублажить его руками. Ртом – куда менее вероятно, но тоже приемлемо. В свое тело черная леди бы его пускать не стала, боясь понести темнокожее отродье, так что решила, что придется раздеть тюремщика иначе. В конце концов, Юории встречалось не так много мужчин, способных устоять перед ее чарами.

И когда этот грязный Коджо влюбится в нее, когда будет готов на коленях ползти к ней за лаской, когда станет вести себя как Вестер, вот тогда она сполна отомстит ему и за руку на ее ягодицах, и за тот болезненный щипок.

Юория огляделась, вытирая ставшие ненужными слезы. Она ожидала чего-то, принципиально отличающегося от того чулана, куда ее сначала швырнули по ошибке, но комната оказалась немногим лучше. Больше по размерам, пол был не таким грязным, сладкого смрада крови и специй в воздухе не висело, но в остальном это была дыра дырой. Вместо грязного стола здесь к стене были прибиты скамья и жесткие деревянные сидения, а вместо кровати – повешен гамак крупного плетения. К его выдавшим виды волокнам и прикасаться – То было

противно. Юория нашла в углу кучу какого-то тряпья, с отвращением перебрала его. Как ни странно, тонкие одеяла оказались чистыми и ничем не пахли, и она набросила их на сиденья, чтобы не касаться засаленной поверхности отполированного чужими штанами дерева. И села поверх, ожидая.

Обед, который ей принесли чуть позднее, Юория без сожаления оставила крысам: никогда черная роза девяти земель не стала бы есть переваренные овощи со склизким мясом непонятного происхождения. И тогда, над этой полной мерзости миской, она все-таки дала волю рвущемуся наружу отчаянию. Все произошедшее навалилось на нее разом, и Юория завывала от безысходности. Не должна была она оказаться здесь! Не должна! Это было так нечестно!

Юория опустила на колени и сложила руки в абсолютно чуждом ей молитвенном жесте.

– Дядя, – сказала она в пустоту. – Прошу тебя, заведи меня отсюда. Я все сделаю, только приди и заведи меня, пожалуйста! Я все поняла. Не оставляй меня здесь.

– Ты что, крышей поехала? – услышала она в ответ знакомый голос Вестера Вертерхарда, но сказанное так не вязалось с его обладателем, что Юория сначала почудилось, будто внезапно взявшийся ниоткуда муж – лишь обман ее воображения. Но когда она обернулась, Вестер и правда стоял в дверном проеме, живой, здоровый и, похоже, в хорошем настроении. Ее молодой муж выглядел не совсем как обычно: его блеклая одежда из тяжелой ткани сменилась тонкой серо-голубой рубашкой, похожей на ту, что носил моряк, только с рукавами. Длинные русые волосы были убраны почти как у Ренарда.

Вестер не делал попытки помочь ей, и Юория, еще недавно рыдавшая от обиды на судьбу, загорелась возмущением. Уверенная, что Вестера послал дядя ей на помощь, она набросилась на мужа с обвинениями:

– Да как ты смеешь? – выпалила она зло. – Ты забыл, с кем говоришь? А ну на колени и проси прощения! Нет, освободи меня! Там снаружи охранник – у него жетон от моего пояса. Надо его достать. Сделай это. Охранника убей.

Вместо того чтобы ринуться выполнять ее приказы, Вестер сначала остановился, аккуратно прикрывая за собой дверь, и потом неспешно приблизился к ней и остановился совсем рядом. Теперь Юория сидела у его ног, и этот момент был унижительным. Она вскочила, укаывая ему на пол, но Вестер не шелохнулся, продолжая разглядывать ее заплаканное лицо.

– Тебя долго не было, – с волнением сказала она, не желая замечать очевидного. – Если знал, где я, почему не пришел раньше?

– Какая же мерзость, – проговорил Вестер с отвращением. – И я тебя боготворил. Сейчас меня от тебя тошнит.

Юория обхватила пальцами одной руки запястье другой, касаясь браслета. Сейчас он у нее взвывает! Ох, как взвывает!

Браслет на прикосновение не отозвался, и Юория с силой потерла металлическую поверхность. Вестер, проследив за ее жестом, улыбнулся куда живее, чем когда-либо улыбался в ее присутствии, и показал ей собственное запястье. На котором никакого браслета не было.

– Нам есть о чем поговорить, правда? – ласково спросил он ее, оттесняя к скамье. – Госпожа моя.

Юория сделала шаг назад, и еще, и еще, больше не поднимая глаз.

– Помогите! – взвизгнула она, но Вестер прошептал что-то, и крик застыл в ее горле бульканьем.

– Нет, сначала говорить буду я. – Он прошептал еще что-то, и из воздуха материализовалось уютное кресло. Юория в каком-то помутнении сделала к нему шаг, но Вестер опередил ее, со смехом развалившись на расшитом фетре. – На колени, – зло улыбнулся он.

8. Даор

– Зря ты так с Ингардом, – безразлично заметил Келлфер, подстраиваясь под широкий шаг Даора. – Не думаешь, что это было лишним? Они сейчас тыкаются в нас как слепые котята, ожидая спасения, и разрушая наш авторитет...

– С каких пор ты говоришь «мы», как заботливая мамочка о себе и своем чаде? – усмехнулся Даор.

Келлфер хмыкнул.

– Мы все в одной лодке.

– Вы все в одной лодке, – заметил Даор. – Думаешь, я боюсь пользоваться порталным окном?

– Отчего ж тогда не уходишь? – Келлфер махнул слугам, подметавшим дорожку, и они испарились, лишь только заметив его жест. – Они ведь и к тебе ползут за защитой. А ты не любишь возиться со слепыми котятами, насколько мне известно.

– Беспокоишься за меня? – иронично поднял бровь герцог. – Благодарю тебя. Думаю, я вполне смогу оградить себя от любого назойливого общества.

– Ты действительно хочешь остаться в Приюте? – удивленно переспросил Келлфер.

– Пока да, – ответил Даор. – Вы без меня не справитесь.

– Да ты широкой души человек.

Даор посмотрел на друга. Келлфер явно был в хорошем настроении, куда более солнечном, чем мог бы быть после их последнего разговора. И пусть лицо его оставалось холодным, герцог видел искры ликования в зеленых как трава глазах. Келлфер шел быстро, по привычке спрятав руки за спину, и разве что не улыбался.

– Ты чем-то очень доволен.

– Думаю, я решил проблему с Келланом, – не стал скрывать причин своего ликования Келлфер.

– Как?

– Мне представился шанс, и я использовал его. Я только чуть подтолкнул сына к нужной мысли.

Даор был удивлен. Он не ожидал от Келлфера такой прыти, и тем более – что друг рискнет играть на поле сына, который был в этом куда сильнее своего отца. Влияние на разум считалось делом непростым, последние несколько сотен лет Келлферу давалось особенно сложно, и как Келлан мог пропустить такой удар, оставалось загадкой. Разве что Келлфер воспользовался секундами слабости Келлана во время попыток успокоить пострадавшего наставника.

– Хорошо, – коротко оценил он действия Келлфера. – Хотя я удивлен, что ты решился на такой риск.

Келлфер некоторое время молчал.

– Я бы не решился на такой риск, если бы не видел тебя сегодня, – тихо сказал он, наконец. – Я понимаю, Даор. Подожди еще немного. Мне нужно успеть отослать Келлана, пока он не пришел в себя, только и всего. Остальное сделает время. И ты, очевидно. Келлан упрям, но когда поймет, что ему не к чему возвращаться, и увидит, какой опасности избежал, он простит меня.

– Хорошо, – повторил Даор, вглядываясь вдаль. – Это защитный контур?

– Не понимаю, как он мог сработать, если порталы не открыты на вход, – пробормотал Келлфер. – Значит, там кто-то, кто хочет навредить Приюту. Но никто не смог бы зайти.

Они ускорили шаг почти до бега и преодолели длинный подъем меньше, чем за минуту. Келлфер держался чуть позади, и Даор с каким-то смутным удовольствием отметил, что друг

опять прячется за его спину, вынужденный не оказываться с опасностью лицом к лицу. Даору же было любопытно, что происходит, и он поддел друга:

– Как обычно, убиваю я, а ты докладываешь все Сину?

Келлфер что-то ответил, но герцог уже не услышал: в этот миг он увидел, что происходило за куполом, и впервые, кажется, за последние девятьсот лет, сердце пропустило удар. Алана, его осторожная и отважная девочка, свернулась на земле, платье ее было порвано на животе, и она тяжело дышала. Крови не было. В нескольких шагах от нее стоял, задыхаясь от боевого азарта, мужчина, на шее которого блестел уже известный Даору ошейник с крупным камнем по центру горла.

Шепчущий и, судя по постановке ног, опытный воин.

Даор, не помня себя, ударил по сферическому щиту, но тот зазвенел, и ответная волна была такой мощной, что сбила Келлфера с ног. Проклиная Сина, Даор сосредоточился на заклинании, в этот раз сплетая слова в целенаправленный и точный приказ, но это требовало времени, которого у него не было. Если пространство внутри щита не безмагическое...

– Разберешься?! – громко спросил Келлфер, поднимаясь, но Даор не ответил. Келлфер исчез. Краем сознания Даор отметил, что друг пошел за Сином, но сейчас ему было плевать на все, кроме этой маленькой площадки, укрытой от него, проклятье, великолепным защитным заговором, сильнейшим из тех, с которыми ему приходилось иметь дело. И Алана лежала по ту сторону этой пламенеющей стены.

Шепчущий в ошейнике прокричал что-то в сторону Аланы, но это не сработало, и он недоуменно остановился, а потом его лицо озарилось злобой. Даор выдохнул, устроив усилия, и щит затрещал, а после пошел трещинами, но все же не спешил осыпаться. Молодой паренек, которого Даор сначала не заметил, ринулся на шепчущего сбоку, пытаясь сбить с ног, но так болонка могла бы напасть на медведя. Мужчина повернулся и схватил парня прямо за горло, занося вторую руку для безусловно смертельного удара. Алана вскочила и кошкой метнулась вперед, на спину нападавшему, и обхватила его за шею неумелым, но вполне целенаправленным захватом. Мужчина отпустил парня и наклонился вперед, а когда Алана потеряла равновесие и повисла на нем, отчаянно цепляясь, ударил ее спиной о защитный купол. Девочка охнула, а потом вскрикнула, когда он, ухватив за волосы, как пушинку перебросил ее через свою голову, выдирая пряди.

Даор ударил по щиту еще раз, с такой силой, что земля под ним вздрогнула и клубами взметнулась вверх, и щит разлетелся на миллиарды осколков, превращаясь в пыль. Прежде, чем только что разделавшаяся с пареньком и теперь наклонившаяся над Аланой мразь что-то прошептала, Даор сжал мужчину в силовых тисках, не особенно задумываясь, и человеческая фигура брызгами взорвалась, превращаясь в жидкость, шмоты мяса и обломки костей. Алана попыталась заслониться, но ее облило этой жижей с ног до головы, Даор видел, как она зажмурилась и отползла назад, прижавшись спиной к столбу.

Он взглянул на лежавшего и беспомощно хватавшего воздух пар-Оольца с перебитым горлом и, ни мига не промедлив, вонзил ему в сердце воздушное лезвие. Тот дернулся последний раз и затих.

Алана сидела на траве, по-детски поджав ноги, и обнимала себя руками. Кровавое месиво, в которое превратился нападавший, покрывало ее целиком, и на буром от этой крови лице светились широко раскрытые влажные глаза. Она редко и с усилием моргала.

Даор бросился к ней, сам не понимая, что хочет сделать, зная только, что ему нужно почувствовать ее, живую, теплую, в своих руках. Он присел рядом с Аланой, ловя ее взгляд, но девочка будто его не увидела, все так же продолжая обхватывать свои хрупкие плечи, сжимаясь в клубочек. Волосы ее спутались и повисли, измазанные, но Даор не замечал этого, когда гладил

ее по голове, дрожащую, плачущую без слез. Кажется, он шептал ей что-то успокаивающее, прижимая к себе, и она вдруг схватилась за его рубашку, очень сильно сжала ткань, почти до треска, не раскрывая губ, будто хотела закричать и не могла. Ее лицо оказалось совсем близко – бледное под всей этой кровью, искаженное ужасом и каким-то беспомощным отчаянием.

«Смерть – это смерть», – вспомнил Даор ее слова.

– Алана, – прошептал он. – Все хорошо. Все закончилось.

Она с трудом выдавила:

– Они мертвы. А Ноам? Это все их кровь. Я вся в крови, Свет, вся в их крови.

Герцог не ответил, злясь на себя, что не сделал этого иначе. Рука, зажавшая прядь русых волос... Они заслужили большего. Но не Алана. Ей не нужно было этого видеть и не нужно было пачкаться. Ее глазам вообще не стоило больше видеть смерти.

Даору хотелось оправдаться перед ней. Смерть никогда его не пугала, кровь – тем более. Каждая женщина, ради которой он убивал кого-то, считала это комплиментом даже в том случае, если это не было связано с его отношением к ней.

Каждая, но не Алана.

– Прости, – неожиданно для самого себя извинился Даор. Кровь десятью тонкими струйками отделилась от ее лица, волос и одежды, от его рук и единым шаром упала за столбом, у которого сидела его девочка. Алана, кажется, не заметила перемены, только подняла на него свои остекленевшие ужасом глаза. Руки ее все так же сжимали его рубашку.

– Я ничего не сделала, честно, – проговорила она. – Я никак их не провоцировала. Я просто была здесь. И Ноам.

– Ты ни в чем и не виновата, – ласково сказал Даор, продолжая гладить ее по снова пушистым волосам. Страх за жизнь Аланы постепенно отступал, и с каждым вздохом, срывавшимся с ее губ, внутри разжималась какая-то ужасающе сильная пружина. Внезапная мысль пришла ему в голову: больше никогда она не окажется в опасности, не имея возможности его позвать, больше не будет ходить по краю.

Даор поднял с травы железную пуговицу, оторвавшуюся, скорее всего, от ее же платья. Тоненький, почти незаметный ручеек металла потек по его пальцам и дальше, по ее волосам, к самой макушке. Алана не замечала его манипуляций и только удивленно моргнула, когда он обратился к ней:

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Да, – ответила она машинально. – Знаю.

– Как? – с улыбкой спросил он, не отпуская ее плеч.

Алана смотрела на него непонимающе.

– Я правда знаю, – растерянно повторила она.

Девочка была в шоке, и сейчас Даор готов был отвести ее даже к Келлану, лишь бы ей стало легче.

– Назови мое имя, – попросил он ее.

– Черный герцог. Д- Даор, – запнувшись, сказала она.

– Еще раз, – прошептал он ей в макушку, запоминая тембр ее голоса и настраивая амулет.

– Даор Карион, – послушно сказала она еще раз.

– Хорошо. – Даор заглянул ей в глаза и объяснил: – Теперь, когда ты позовешь меня, я услышу. И если с тобой что-то произойдет, я приду тебе на помощь. Поняла?

– Зачем?

Герцог прижал ее к себе сильнее. Зачем. Этот вопрос сейчас казался лишним.

– Чтобы ты не погибла и не покалечилась. Чтобы ты знала, что я рядом.

Алана сделала попытку отстраниться, и хотя Даору не хотелось отпускать ее, он разжал объятия.

– Спасибо, наверно, – сказала она смущенно. Неужели снова пытается просто быть вежливой? Значит, приходит в себя. – Простите, что я...

– Прекрати извиняться, – перебил ее Даор. – Спасибо, что ты цела. Не забудь позвать меня в следующий раз.

И тут Алана подняла на него свои теплые глаза и сказала:

– Вы же понимаете, что я не буду вас звать, да?

Даор с неожиданным облегчением улыбнулся:

– Рад, что ты приходишь в себя.

Алана вдруг покраснела. Даор с умилением смотрел, как она, осознав, наконец, его близость, смущенно отодвинулась и поднялась. Машинально пригладила волосы руками, отрянула платье, прихватила края разодранного корсажа, скрыв за ладошкой белую полоску кожи живота. Вот поджала губы и опасливо посмотрела на него, все еще стоящего на коленях там, где она только что сидела.

– Вы... – Алана нахмурилась и протянула герцогу руку. Это его рассмешило.

– Ты это серьезно? – спросил он ее, берясь за маленькие пальчики, но вставая, не опираясь на них.

Алана отступила на шаг, и он позволил ей это, наслаждаясь нахлынувшим ощущением легкости и эйфории. Девочка была жива, она была цела, она снова трогательно прятала от него глаза. Это было замечательно, даже острее, чем раньше. Так просто!

Появившийся между ними Син внимательно посмотрел ей в лицо, а потом повернулся к Даору. Черный герцог указал на лежащие на траве посреди кровавого месива ошейники.

– Хорошая защита, – усмехнулся он. – Рухнула не с первого удара.

– Спасибо, – коротко ответил Син, отвечая, конечно, не на комплимент. Он присел рядом с лежащим без сознания Робертом, аккуратно положил ему руку на лоб и прикрыл глаза со вздохом облегчения.

А Алана уже бежала по дорожке, не оглядываясь. Даор смотрел ей вслед, и не пытаясь скрыть улыбки. Он был уверен, что она станет искать Келлана, чтобы тот помог ей пережить случившееся, и впервые эта мысль не вызывала в нем злости.

Стоило только немного подождать.

9. Ингард

Правое крыло корпуса исцеляющих обычно было почти пустым или совсем пустым. Черные окна без намека на свет успокаивали Ингарда: эти темные провалы означали, что никто из послушников и наставников не находится в опасном для жизни состоянии: для несерьезных травм Теа обычно использовала маленькую, похожую на шатер пристройку с тканой крышей. Целительница шутила, что ей нравятся шатры, и что она, дочь степи, предпочитает проводить время в месте, хоть немного напоминающем ей отчий дом. Теа была родом из Красных земель, гордилась своими корнями и любила родовую культуру, а ее именитые предки всегда предпочитали легкость монументальности замков северных земель.

Когда в сгруппированных в подобие здания каменных кельях загорался свет, это означало, что кто-то пострадал столь сильно, что даже Теа не смогла излечить его быстро, и потому посчитала необходимым переместить разрушающееся тело в напоминавшую базальтовый гроб комнату, стены которой были исписаны заклятиями, не дававшими раненому погибнуть. Руны удерживали его по эту сторону, некоторые – удваивали и утраивали силы покалеченного организма для восстановления. Ингард слышал, что еще на заре становления Приюта Син вызывал для их нанесения лучших мастеров из Белых земель, уже давно сгинувших в небытие и так и не передавших своих знаний, и что нигде в мире больше не было подобного места.

Теа боготворила правое крыло и ненавидела его. Ингард был с ней солидарен.

Последние сорок лет окна не загорались.

Келлфер считал поддержание правого крыла стратегической ошибкой, но Син оставался непреклонен: несмотря на значительные, даже выматывающие усилия по восстановлению и обновлению заговоров, оно было готово принять пострадавших в любой момент. Раньше Ингард колебался, но все же соглашался с Келлфером, предлагавшим оставить в рабочем состоянии лишь пару келий и открыть остальные в случае возникновения опасных ситуаций. Однако сейчас, в который раз взглянув на четыре светящихся окна, за каждым из которых *не* умирал один из небезразличных ему людей, Ингард почувствовал, как ему становится холодно: ясно представилось, что и все остальные проемы источают слабый свет, и это было по-настоящему страшно.

– Син, – негромко обратился Ингард к спутнику. – Все окна.

Келлфер, шедший слева от Сина, обернулся и мрачно посмотрел на фасад.

– Пока не все, – сказал он. – Но будет война, и мы, похоже, не останемся в стороне. – И обратился к Сину: – Если Ингард прав, надо прятать послушников, я уж не говорю о том, что Приют полон по большей части беспомощной, но полезной знати, на которой держится все нынешнее существование Империи Рад.

Син ничего не сказал, лишь только кивнул – то ли приняв во внимание слова Ингарда, то ли согласившись с Келлфером, – и убыстрил шаг.

Ингард силился прогнать из воображения черно-Белый зимний пейзаж, но у него никак не выходило. Посещавшие его иногда предчувствия были разными по силе, обычно они держались не больше нескольких секунд, но это никак не хотело пропадать. Ингард расслабился, рассматривая возникшие перед мысленным взором темные стены и скованные снегом голые деревья, и видение, будто насосавшись крови, отступило, оставив за собой лишь пустоту и холод.

Ингард позволил себе закрыть глаза, входя в палату к лучшему другу, понимая, что увидит на единственной каменной кровати.

И усмехнулся – скорее грустно, чем весело.

Роберт развалился на подушках, расслабленно скрестив ноги. Его перехваченные исцеляющими заговорами кисти покоились по бокам от тела, и одним из этих ужасающих обруб-

ков он постукивал в такт мелодии, которую негромко насвистывал. Лицо его было довольным. Ингард знал друга достаточно хорошо, чтобы понимать причину: Роберт радовался, что Велиан уже восстанавливается в одной из камер. В этом был весь Роберт: безжалостный и эффективный убийца, он был до невозможности предан тем, кого брался защищать.

– А почему не взяли страшного вороньего герцога? – спросил Роберт, приоткрывая один глаз, и Ингард мгновенно понял, что еще до того, как они переступили порог, воин узнал об их присутствии. Что-то внутри него сжалось от боли: Роберт притворялся, чтобы не беспокоить их? – А как же расспросить меня об артефактах?

– Рад, что ты хорошо себя чувствуешь, – с уважением сказал Син, и Ингард понял, что именно так и следовало вести себя в любом случае: и если Роберт терпел невыносимые страдания, и если уже почти поправился. – Я так понимаю, тебе Теа сказала, что Велиан жив?

– Да, – радостно кивнул Роберт, подкладывая одну из култей под голову, и даже не морщась. – Он за стеной. Я пытался с ним перестукиваться, но он решил, наверно, что это дятел, потому что его стук можно было интерпретировать только как «отвали».

Син опустил на единственный стул, который Теа оставила у изголовья. Ингард немного помедлил и сел на край кровати, и когда друг встретился с ним глазами, немного отпустила сдавливающая горло боль: взгляд Роберта был ликующим, а совсем не страдающим. Надобность в вопросе, который хотел задать Ингард, отпала.

Келлфер единственный остался стоять и разглядывал причудливый созданный из силовых нитей балдахин, вставший в потолок и продолжавшийся в нем едва видимыми голубыми ручейками.

– Он сильно покалечен, – сказал Син. – Его рассудок даже больше, чем тело. Если бы не Келлан, принявший часть безумия на себя, Велиан бы покончил с собой сразу, как смог бы.

Улыбка сползла с лица Роберта.

– Не удалось вытащить его раньше.

– Мы все это понимаем, – сказал Ингард прежде, чем на слова Роберта ответил бы прагматичный Келлфер.

– Син и Ингард волнуются за тебя и щадят твои чувства, тогда как нам нужно знать, что произошло, как можно быстрее, – заметил Келлфер.

– Это он-то меня щадит? – со смешком переспросил Роберт, указывая кивком на Сина. – Вообще, все вы хороши. Никакого тебе «Ну как ты, Роберт, а удастся ли вылечить твои руки, а сможешь ли ты держать перо и меч, Роберт, а не пытали ли тебя, Роберт»... Вот и рассказывай вам после этого.

– Сейчас не время для... – начал Келлфер, но Ингард его перебил:

–...для того, чтобы позволять своей бесчувственной практичности проявлять такое неуважение к другу и коллеге! Келлфер, ты не мог бы...

Ингард проглотил слово «заткнуться», не желая обострять конфликт. Келлфер прекрасно его понял.

– Так может, нам подождать, пока вы не закончите сентиментально обмениваться сожалениями? Как раз пар-Оольцы выберутся, герцоги попадутся в новые ловушки.

– Ингард прав, – спокойно прервал поток его речей Син, кладя Келлферу руку на плечо. – Тебе стоило бы проявить участие или хотя бы уважение. Однако и в словах Келлфера есть смысл: времени у нас нет. Роберт, если ты можешь, прошу тебя, расскажи сейчас.

Вежливость Сина подействовала отрезвляюще и на разозленного за друга Ингарда, и на окаменевшего лицом Келлфера, сжавшего зубы так, что на скулах его заходили желваки. Келлфер бросил еще один взгляд на Ингарда и отвернулся.

Что-то прошелестело в коридоре.

Лицо Роберта стало серьезным, и он сел.

– Хорошо, к делу, – без тени шутки сказал воин. – За дверью не должно быть Теа.

Син кивнул. Они доверяли Теа свои жизни, и тем не менее, каждый понимал, что в ближайшие минуты может прозвучать что-то, что не должно покинуть пределов кельи.

Стены экранировали заклятия, и Келлфер вышел в коридор, огляделся, а затем застыл в открытом дверном проеме.

– Как они тебя поймали? – негромко спросил Син.

– На переходе, – так же тихо ответил Роберт, устраиваясь на подушках удобнее. – Сразу после шага в портал и я, и Велиан были оглушены. И дело не в болевой ловушке, это была кратковременная блокировка сознания, силы которой хватило даже на меня, и времени которой оказалось достаточно для того, чтобы нацепить на меня и на Велиана спинель. Я очнулся раньше него, но они не заметили. Успел рассмотреть коридор, по которому нас несли. Точнее, я бы назвал это палубой. Это большой плавучий город, и такие палубы ему вместо улиц, его называли при мне веле. Да еще и жарко. Дикое местечко. Не сомневаюсь, что мы были в Пар-Ооле.

– Сразу – и так далеко, – задумчиво проговорил Келлфер. – Как можно было перенастроить портал?

– Портальные окна – не мое, понятия не имею, – отмахнулся Роберт. – Но держитесь: там были не только мы. Я видел минимум два десятка человек, все с праздника, почти все без сознания, все в спинели. Видел сына и дочку Лисар. Старшую дочь Рианон. Кажется, младшего брата Румена Агельера, не помню его имени.

– Гаспард, – дополнил Келлфер. – Фактически, он лучший военачальник Коричневых земель, прекрасный стратег. Я был удивлен, что герцог Петьер вместо него взял на совет сестру.

Ингард тяжело вздохнул. Значит, испугавшиеся за своих близких герцоги были правы: те и правда попали в ловушку. Все было хуже некуда. Как рассказать об этом тем, кто должен был помочь создать армию для отражения нападения Пар-Оола, он не представлял.

– Все в спинели? – переспросил Син. – Значит, думали, что ловят только шепчущих?

– Или решили перестраховаться, – отозвался Келлфер. – У шепчущих спинель отбирает возможность творить заговоры, но и на обычных людей действует как путающий мысли наркотик. Не знаю, как сказать об этом герцогам, и стоит ли говорить, – озвучил он мысли Ингарда. – Они откажутся сражаться, бросятся договариваться и выкупать своих отпрысков.

– Оставим это пока, – жестко прервал его Син. – Дальше.

– Они попытались надеть на меня ошейник почти сразу, – продолжил Роберт. – Он не защелкнулся. Я видел, как надевали ошейники на всех, как на скот, пока еще народ был без сознания. На большинстве они закрывались сразу, кроме меня и дочери Рианон. Помните ее? Очень сильная шепчущая.

– Думаешь, дело в силе? – уточнил Ингард.

– Может быть. Надо бы все-таки спросить этого вашего мрачного герцога.

– И без него могу сказать, что каждый артефакт имеет порог силы того, на кого действует, – сказал Син. Лицо его было спокойным, как и всегда. – И этот порог не так велик, если Велла Рианон над ним. Она была лучшей на курсе, однако ей далеко до большинства наставников.

– Не до Велиана, – хмуро продолжил Роберт. – На нем все прекрасно защелкнулось. Когда он пришел в себя и увидел меня, попытался позвать, и они поняли, что мы знакомы.

– Они? – уточнил Келлфер.

– Это еще один замечательный сюрприз, – сказал Роберт легко и мрачно. – В основном, это шепчущие, имперские, не пар-Оольцы. Но отдают приказы им наши смуглые друзья. Знакомых не видел, нами занимались какие-то юнцы из пышущих силой необученных. И руководила ими пара очень, очень хороших воинов. Глаза стеклянные, не понимали, что делали. Но когда Велиан обратился ко мне «директор», сразу пришли большие шишки, этикие божки в золотых платьях и все в украшениях, разве что не накрашены как женщины. Они были сначала

вежливыми, сулили мне всякие блага за сотрудничество. Хотели, чтобы я их в Приют провел, чтобы ошейник сам нацепил, что только не сулили, я чуть не стал императором. Договориться почему-то не вышло. Пытали Велиана. Точнее, он сам себя пытал, пока мог. И других. Женщин, детей. Потом они сняли с него ошейник, чтобы он посмотрел, что сделал. Они думали, что сломают меня этим.

Роберт замолчал. От притворной веселости не осталось и следа. Ингард положил руку ему на предплечье. Никто не нарушал этой скорбной тишины, и даже Келлфер молчал, не сводя с сидевшего внимательного взгляда. Никто из них за последние триста лет не слышал от Роберта и слова уныния. Они ждали, пока Роберт сам не продолжил:

– Когда мне удалось вытащить Велиана с помощью порталного камня, дело пошло быстрее. Похоже, они решили, что Велиан сам убежал, по крайней мере, меня обыскивать не стали. И, конечно же, они разуверились, что у меня есть сердце, так что дальше доставалось только мне.

– Ты мог уйти в любой момент, – охнул Ингард, вспоминая о зашитых под ногти Роберта искусно выполненных порталных камнях. – Что же ты...

– Сначала я не собирался оставлять там Велиана. Ну а потом... слушал, раз уж судьба занесла меня на этот проклятый дом-Корабль, – пожал плечами Роберт. – Они же переговариваются, особенно когда из себя выходят. Да еще думают, я не знаю их языка. Так что я решил задержаться. И еще бы задержался, но они нашли камни и случайно воспользовались ими, идиоты. Пришлось пойти за ними.

– Что ты узнал? – чуть помедлив уточнил Син.

– Меньше, чем хотелось бы, – с досадой ответил Роберт. – Они клепают воинов из шепчущих, предпочитают брать послабее, но хорошо развитых физически. Ошейник я один принес, и еще один был на войне, который за мной увязался. Так что их можно посмотреть. Их координирует кто-то из Серых земель, упоминали семью Лисар. Приют – не первая их цель, но я так понимаю, одна из основных. Сами не верят, что борются с ересью, не слишком набожны, скорее практичны и видят себя будущими хозяевами континента. Собираются захватить Империю, но мы и раньше это знали. И еще одно. Моим палачам доложили, что что-то удалось благодаря Вертерхарду.

– Имя при тебе произнесли? – нахмурился Келлфер. – Может, специально? Такую фамилию и в чужом языке сложно не узнать.

– Нет, они мне тогда руки отрезали, а я весьма убедительно сделал вид, что без сознания. К сожалению, как раз тогда они попытались выбросить эти уже не нужные им куски моего тела и задели камни. Пришлось ухаживать за ними. Не был уверен, что их, то есть частично меня, защита не пропустит. Мы таким образом ее не испытывали, да? – Роберт усмехнулся.

– Защита бы не пропустила, – прокомментировал Син отстраненно.

– О, ну значит, я идиот, что перестраховался.

Син склонил голову, и Роберт махнул обрубком руки, как будто говоря: «Ладно- Ладно».

– Насчет Вертерхарда уверен? – снова спросил Келлфер и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил: – Только два Вертерхарда нам известны. Вестера при себе за комнатную собачку держит племянница Даора, и я не думаю, что он бы смог куда-то уйти без ее позволения, а она боготворит дядю. Побоялась бы ему вредить. Остается наше новое приобретение. Та девчонка, которой Син дал амулет, чтобы ее мыслей не читали. Сейчас мне что-то кажется, просто так она с ним не расстанется.

Син встал.

– Я не думаю, что ты прав, – ответил он Келлферу. – Но я хочу поговорить с Келланом. Амулет теперь бесполезен и должен быть возвращен, кроме того, ему стоит заглянуть в ее мысли.

– Я ему скажу, – неожиданно вызвался Келлфер с энтузиазмом, удивившим Ингарда. – Это деликатное дело, ты же понимаешь.

– Мы уходим, – обратился Син к Келлферу.

Ингард был ему благодарен. Сейчас остаться с Робертом наедине и спросить его, что же действительно пришлось ему пережить, и что прячется за этой маской беззаботности, казалось невероятно важным. Конечно, Роберт мог не ответить, как обычно обесценивая собственные страдания на благо какой-то цели, но не дать ему возможности выговориться Ингард не мог.

Однако Роберт не стал дожидаться, пока друг начнет разговор. Как только дверь за Сином закрылась, он тяжело откинулся на подушки и закрыл глаза предплечьем. И будто в никуда проговорил:

– Я чуть не сломался. В этот раз и правда чуть не сломался. Они не просто пытали Велиана. Они заставили его пытаться самого себя, отрезать от себя куски, и много что еще делать с ними. Он убивал женщин, и детей тоже. Когда Велиан пришел в себя, я не знаю, мне кажется, он должен был помутиться разумом. Наш Велиан, добрый и светлый мальчишка, не сможет жить со всей этой кровью на своих руках. Я не уберег его, хотя и пошел с ним в качестве защитника. Все внутри меня хотело надеть уже этот проклятый ошейник и забыться. Я понимал, что на кону весь Приют, и только это меня остановило. Когда я остался, то даже хотел чувствовать всю эту боль. За Велиана, которому я не помог.

– Роберт, – сочувственно прошептал Ингард, борясь с подступающими к горлу слезами. – Страшно представить, что было бы, если бы один из директоров Приюта оказался пар-Оольской марионеткой. Всю Империю в тот же день можно было и похоронить. Ты не дал этому случиться. Все мы понимаем это, и Син, и даже Келлфер, хоть у него сердце и из камня. Спасибо тебе.

Ингард глядывался в лицо друга. Ему казалось, что из-под руки польются слезы, но Роберт был недвижим, и никакой влаги на его лице не было. Он опустил предплечье. Глаза его были красными, но сухими.

– Они не считают нас за людей, судя по тому, что делали, – сказал он мрачно. – Это не просто пытки. Так дети забавляются, вставляя соломинки в брюхо жучкам и оставляя головки на солнце. И что ужасно, это дает им над нами большое преимущество. Тот же Син, который вполне мог бы сравнять столицу Пар-Оола, Караанду, с землей, не станет этого делать. Но если у них есть свой Син, и ему представится возможность, от Фортца и всех его жителей останется пепелище.

– Это стоит сказать Сину, я думаю.

Роберт не ответил, погруженный в мысли:

– А когда я думаю, что буду тем человеком, к которому станут приходить безутешные родители с портретами своих детей, чтобы я сказал им, не было ли среди... – Он перевел дыхание. – Мне вообще не хочется выходить отсюда.

– Пока нет смысла никому рассказывать, – тихо ответил Ингард. – Это ведь ничего не меняет. Твое состояние заботит меня сильнее.

– Нет, – сказал Роберт твердо. – Нет. Я не позволю себе такой слабости. В конце концов, что мне ныть? Я отлично отделался. Руки Теа мне вырастит самое большее за неделю. Я жив и цел. И Велиан тоже. Хотя, думаю, он ненавидит меня.

– Велиан светлый, но он не дурак, – позволил себе улыбнуться Ингард. – Келлфер рассказал, что Келлан немного привел его разум в порядок. И как только Велиан придет в себя, он, как и все остальные, поблагодарит тебя.

Роберт несколько секунд смотрел в глаза другу. Ингард с болью отметил, как его настоящее лицо снова скрывается за беззаботной маской, и губы растягиваются в улыбке.

– Может, стоит организовать премию в мою честь? – весело спросил Роберт.

Ингард поморщился, не желая поддерживать друга в этой игре. Он слышал, что таилось за этими внешне тщеславными речами: абсолютная уверенность Роберта, что он заслужил наказание и не может быть прощен. И за оскалом прятался крик, которым Роберт бы не позволил себе кричать.

– Ты знаешь, что Ноам остался жив? – вместо этого спросил Ингард.

– Да, я спросил у Теа, – ответил Роберт. – Говорит, он обожжен, спит, но выживет, и еще завалит пару курсов. Алана умница. Таких бы послушников побольше.

Ингард позволил себе улыбнуться.

– Ты еще не знаешь. Она Вертерхард.

– Да ну? Откуда известно? – спросил Роберт, приподнимая брови.

Ингард был рад, что друг отвлекся от пережитого ужаса, и продолжил:

– Син давно знал. Нам не говорил, о причинах сам спроси, если интересно. Но думаю, причина в Келлфере, а точнее в его влиятельном знакомом.

– А даже как- То разочарован, – протянул Роберт. – Она, конечно, девочка необычная и смышленная, но от Вертерхарда ожидаешь чего- То экстраординарного.

– Экстраординарного? – усмехнулся Ингард. – Как тебе такое: Син прятал ее от Кариона, а Карион на совете во всеуслышание заявил, что будет ее защищать. И общался с ней так, будто они знакомы. Простая служанка за свою недолгую жизнь как- То обзавелась вот таким... – Он помолчал, подыскивая слово. – Приятелем.

– Значит, в чем- То и опасная, – уважительно признал Роберт.

10. Келлан

Келлан чувствовал себя потерянно. Какая-то мысль все вертелась в его разуме, но он никак не мог ухватить ее за хвост. Келлан предполагал, что мысль эта, тревожащая, болезненная, неосязаемая, была отголоском одного из воспоминаний Велиана, важного, и возвращался к ней снова и снова, пытаясь поймать хотя бы размытый образ. Но вместо того, чтобы думать о пытках и Пар-Ооле, он снова и снова вспоминал об Алане.

Когда он вернулся в зал, ее уже не было.

И в кухне, где она пряталась от лишнего внимания, Алана если и появилась, то ненадолго.

И что хуже всего, Даора Кариона тоже найти не удалось.

Келлан представлял, как черный герцог идет за Аланой, и как он подхватывает ее под руку, и как она и не пытается вырваться. Взгляд, который девушка бросала на Кариона, был полон не только страха, сейчас он точно ощущал это. Ревность жгла Келлана изнутри: Карион не просто заинтересован, он так заинтересован, что не потрудился соблюсти даже формальный этикет на совете. Разве мог кто-то его уровня и репутации так явно проявить свою симпатию, не будь она чрезвычайно сильной?

Когда же Алана успела обратить на себя его взор?! Почему ничего не рассказала ему, Келлану, почему предпочла умолчать о таком?!

Сидя на незаправленной постели, сжимая в руках аккуратный белый передник Аланы, проводя пальцами по кружевным завязкам, Келлан с ненавистью вспоминал, как Даор Карион указал ему на место и как сел рядом с Аланой. Как блестели его черные глаза, как сочилась ядом улыбка, как пренебрежительно Карион отогнал его, пользуясь помощью Келлфера.

И отец все знал. Могло ли быть так, что он специально увел Келлана прочь?

В голове будто стучал молот.

Если она с Карионом, если она только с ним...

Если она с ним заодно? Можно ли было ей доверять?

Келлан отшвырнул передник и решительно поднялся. Нет, что бы ни было, он не станет сидеть и ждать. Нужно найти Алану и поговорить с ней. Нужно вырвать ее из рук черного герцога, и пусть Карион хоть землю разверзнет у него под ногами.

– Смотрю, ты тут. Я так и думал. Задал себе вопрос, куда может пойти мой сын, и пришло в голову лишь одно место. Гнездо этой предательницы.

Келлфер стоял в проеме и смотрел на сына с выражением лица, которое обессиленному после лечения Велиана Келлану никак не удавалось прочесть.

– Что ты сказал? – мрачно уточнил он.

– Син сказал проверить девчонку. Вероятно, именно она помогает Пар-Оолу. Роберт это слышал.

– Что? – снова переспросил Келлан, борясь с ощущением оглушенности. – С чего вы взяли, что Алана хоть как-то в этом замешана?

Келлфер улыбался, хоть в этом было мало радости или торжества, и улыбка его расплывалась пастью перед глазами Келлана. Келлану пришлось опереться на стул, чтобы не упасть, и сделать несколько глубоких вдохов.

– Алане нельзя доверять, – сказал Келлфер буднично. – Подумай. Она была единственной, кого ты не проверил, да? Она могла незаметно проникнуть к порталам. Никто бы не остановил ее, служанку. Она предпочла играть роль безымянной служанки даже после предложения учиться в Приюте. Почему? Не для того ли, чтобы оставаться незаметной? Послушник, дежуривший у порталных столбов, чуть не умер, а она жива, и она была там. Роберт видел ее.

– Это не может быть Алана, – как во сне проговорил Келлан. – Ей незачем...

– Да что ты знаешь о ней? – продолжил Келлфер. – Только то, что она обманула Приют, чтобы попасть внутрь. А потом ты сам закрыл ее воспоминания, не успев их прочесть. После ее долгого отсутствия на ней появился такой удобный амулет, который не дает тебе слышать, о чем она думает. И произошло то, что произошло. Тогда, когда ты заглянул в мысли всех в Приюте, кроме нее.

– Я не должен был проверять ее, – отозвался Келлан, с удивлением слушая собственный незнакомый голос. – Я не говорил только с Олеаром, слугой Кариона. Его нигде не было, он пришел на совет.

– Олеар тут не при чем, – сказал Келлфер, и Келлан почему-то не усомнился в его словах. – Син сказал, что нужно снять с Аланы амулет. Он жалеет, что дал его ей. Когда она придет, сними амулет и сам все просмотри. Помни, ей нельзя доверять. Достаточно она тобой крутила.

– Достаточно?.. – эхом отозвался Келлан. – Нет, она не стала бы пытаться подставлять меня.

– Как скажешь, – согласился Келлфер, и Келлан почувствовал облегчение. – Но Приют она не любит. Она боится давать обещание служения не просто так. Ты помнишь кого-либо, кто бы боялся?

– Нет, – признал Келлан.

Слова отца имели смысл. Алана могла просто тянуть время, делая вид, что размышляет. Но она же сказала, что будет учиться... Мысли путались.

– Мне нужно поспать, – сказал он Келлферу.

– Вижу, – ответил Келлфер. – Это никуда не убежит. Завтра вы в любом случае встретитесь.

Келлан не помнил, как добрался до своего кабинета, как рухнул на обитую льном высокую скамью, опрокидывая на пол раскрытую книгу, как потушил свечи. Внутри билось осознание: Алана не просто заодно с Карионом. Она сделала то, за что ее казнят, она предала их всех. И так просто было сделать это! Так просто! А он, идиот, повелся.

А Карион знал. Поэтому и предложил ей защиту.

Келлан вспоминал теплые карие глаза, только теперь они казались ему лукавыми. Ее небольшие аккуратные руки в его воображении обрастали длинными и узкими, как у гарпии, когтями, мягкие как пух волосы вились змеями. Алана почти не смотрела ему в глаза, потому что была предупреждена: смотреть в глаза читающему разум нельзя. Она не избавилась от этой привычки, даже когда Син дал ей амулет. Она всегда была настороже.

Как же он, знаток людских душ Келлан, мог довериться таинственной девушке, ничего о ней не зная?

Син казнит ее, как только Келлан все подтвердит. И тогда в этих теплых и лукавых глазах померкнет свет, и она...

Кажется, впервые с детства ему снились кошмары.

11. Вестер

– Вестер, не смей, – проскулила Юория, извиваясь под его руками. – Как ты можешь! Прекрати! Я тебе не!..

Вестер снова заставил ее замолчать простым заклятием, и теперь женщина силилась что-то сказать, но только открывала рот. Это было забавно. На ее красивом испорченном лице выражение растерянности смотрелось пошло, как какая-то игра, чтобы ввести его в заблуждение.

Вестер вспомнил, как Юория играла с ним, тогда еще наивным юнцом, и как так же поджимала соблазнительные пухлые губы, и как он был готов убить любого, кто расстроил ее. Как он клялся ей в любви, как лунными ночами, дождавшись, наконец, ее появления, опускался у стройного стана на колени, ловя узкую кисть.

Она никогда не целовала его, лишь милостиво принимая ласку.

Вестер усмехнулся и жадно, причиняя боль, смял эти влажные красные губы своими, почувствовав, как Юория дернулась от него, а потом к нему. Он с омерзением подумал, что именно так Юория привыкла справляться с мужчинами: грязно подыгрывая им. Что теперь жена будет делать? Попробует его убедить, что это не он берет то, что хочет, а она сама отдается ему, потому что внезапно осознала, как он великолепен?

И действительно, женщина развратно подалась вперед, раскрывая бедра ему навстречу и выгибаясь под ним луной. Вестер успел уловить выражение ее холодных глаз и усмехнулся: что бы Юория ни думала о себе, сейчас она принадлежала ему, только ему, и лишь от его настроения зависело, останется ли она в живых, и что с ней будет дальше.

Взять ее, грубо, без тени мысли о ее удовольствии, причиняя ей боль, которую черная роза умело – какая же мерзость! – скрывала за исступленными стонами, было единственно возможным. Юория скулила, и будь у нее не заткнуто горло, она бы, несомненно просила Вестера не останавливаться, и искренности в этом было бы меньше, чем в крокодильих слезах палача. Он продолжал двигаться, не переставая глядеть в ее полные унижения, неверия, ненависти глаза, и ее немой крик подхлестывал его пыл.

Это не было восхитительно, как раньше, когда Юория милостиво позволяла ему прикоснуться к ней. Все было грязно, мерзко и оставило на нем ощущение измазанности в дерьме, и вместе с тем, не было ничего более естественного, чем сделать это.

Юория сидела очень тихо. Волосы скрывали ее лицо. Она придерживала разорванное на груди платье. И молчала. Вестер усмехнулся и снял заговор, и его жена издала всхлип – и снова ничего не сказала.

– Пока ты владела мной, – задумчиво сказал Вестер, наблюдая, как подскочила Юория от звука его голоса. – Я о многом думал. Да, у вещи могут быть мысли. Ты не хочешь узнать, каково это – быть мыслящей вещью? Ненавидящей в минуты прозрения, понимающей всю бесконечную отчаянность своего положения, сломанной, страдающей вещью. Мои друзья из Пар-Оола действительно хороши в амулетах подчинения, они могли бы устроить тебе такие переживания, да и не только такие.

– Ты мог надеть его на меня до всего этого, – удивила его Юория.

– Нет, я не хотел, – ответил Вестер честно. – Я хотел, чтобы ты была собой. А я – собой, а не той жалкой куклой, которой ты привыкла меня считать.

Она подняла на него взгляд – и тут же опустила, будто обжегшись.

– Дядя убьет тебя, – ее голос звучал по-детски, и это было настолько неуместно в устах бывалой шлюхи, что Вестер рассмеялся.

– Посмотрим, – ответил он. – Пока я здесь, как видишь, жив и здоров. Уж не думаешь ли ты, что он решит мстить мне за тебя? Нет, уверяю тебя. Твоя преданность ему безразлична, как и ты сама. Я думаю, Даор Карион скорее решит договориться со мной. Я ведь единственный представитель белой герцогской семьи. Я могу убить тебя, запытать, насиловать хоть каждый день, могу швырнуть ему твою голову под ноги, и он даже бровью не поведет. Ты сама знаешь это.

Юория заплакала, и Вестер не стал успокаивать ее. Как же его злило молитвенное стремление жены угодить старшему Кариону! Когда он, Вестер, раскрывал перед ней свое сердце, когда клялся ей в любви, когда просил милости, когда готов был отдать свою душу в ее руки – и сам защелкнул на себе проклятый браслет... Она лишь собирала ресурсы для черного герцога.

«Не только, – остановил сам себя Вестер. – Ее возбуждали мои страдания, мое подчинение ей».

– Ты не прав, – произнесла Юория через слезы. – Он меня у тебя заберет.

– Ну как сказать, – протянул Вестер задумчиво. – Если я попрошу твою голову в обмен на мое сотрудничество, думаешь, он сам тебе ее не отрубит?

– Замолчи! – скорее умоляюще, чем требовательно вскрикнула Юория.

– На самом деле... – Вестер налил себе вина и сделал большой глоток. – Я не собираюсь заключать с ним союз. Я бы лучше надел на него ошейник.

– Да как ты смеешь! – прошипела Юория, внезапно бросившись на Вестера с удивившим того пылом.

Она пыталась поцарапать его, пыталась укусить, ощутимо колотила кулаками по ключицам. Ее грудь выпала сквозь порванное платье, и Вестер, оскалившись, прижал руки Юории к стене, без труда удерживая ее жалкие попытки навредить ему.

– Я открою тебе секрет, Юория, – прошептал он ей прямо в ее кривящиеся ненавистью губы. – Тут, в Пар-Ооле, происходят вещи, которые даже твоему дяде не снились. Я знаю, насколько он силен как противник, и в одиночку никогда бы не бросил ему вызов. Никто бы не бросил. Но я не один. С тех пор, как моя кровь, уникальная кровь... – Он отшвырнул Юорию от себя и вернулся за стол, налил себе еще вина. – Я ведь последний из рода тех, кого называют ходящими меж миров... Моя кровь открыла дверь и выпустила то, с чем этому миру не совладать. И это существо на моей стороне. Оно многому научило Пар-Оол. Оно многое дало мне. Да, представь себе, твоя постельная игрушка успела между твоими развлечениями подружиться с иномирным божеством. Неужели тебе не интересно? Гордишься мной, жена моя, госпожа моя?

Юория присела на край гамака, и тут же неловко провалилась в его середину. Вестер удивился тому, что она сняла со скамьи покрывало, чтобы прикрыть наготу, и теперь оказалась запутанной в сети и ткани. Вестер подождал, пока женщина выпуталась, и продолжил, глядя в ее лицо:

– Ты не думала, что я смогу. И он не думал. Я обвел вас обоих вокруг пальца. Будучи по сути вашим рабом. И знаешь, о чем это говорит?

Юория молчала, губы ее дрожали. Наслаждаясь страхом, а значит, и уважением в ее глазах, Вестер закончил:

– О том, что не стоило связываться со мной, Юория. О том, что я намного сильнее, чем ты, глупая садистка, когда-либо могла себе представить.

12. Алана

Алана ворочалась в такой непривычной жесткой кровати, не находя себе места. Хелки, которую она попросила переночевать с ней в келье и которой нашла в себе силы кратко рассказать о совете, а потом и о произошедшем у порталов, после всех утешений и утираний слез спала куда крепче. Когда Алана снова и снова тянула на себя тонкое одеяло, Хелки то и дело рывком отбирала его назад и недовольно шептала, чтобы Алана, наконец, успокоилась.

– Да сколько можно! – в который раз возмутилась Хелки, чуть не столкнув Алану с кровати. – Ты вообще собираешься спать? Нет – так дай поспать другим! Я, между прочим, всю ночь танцевала!

Алана села. Сон не шел. И хотя Хелки закрыла окно каким-то затемняющим заговором, сквозь него прорывались звуки утра, нарастающие, оживленные.

– Хелки, – прошептала она в спину подруге. – Можно я тебе кое-что расскажу? Только ты никому не говори. Это не про...

Хелки мигом поднялась, будто и не куталась только что в одеяло.

– Хорошо, – выдохнула она, и Алана услышала в ее голосе интерес. – Надеюсь, твоя история захватывающая, и надеюсь, в ней есть черный герцог.

– Есть, – неожиданно призналась Алана.

На красивом лице Хелки проступил восторг.

– Так я слушаю! – улыбнулась она.

– Он взял меня под свою официальную защиту, – произнесла Алана, сама не до конца понимая, почему вообще решила сказать об этом, хотя думала только о покрывавшей ее с ног до головы крови. – Он при всех это сказал. Что это значит?

– При ком?

– При... герцогах, – неуверенно ответила Алана. Сейчас ей это казалось очень глупым. – Как думаешь, зачем он это сказал?

– Ты имеешь в виду, чего он от тебя хочет? – подмигнула Хелки. – Ну даже и не знаю. Защищать юную прекрасную деву. Ну или хочет твоего сотрудничества в чем-то, с чем, конечно же, никак не может справиться без тебя. – Последнее явно задумывалось, как шутка, но Алане стало не по себе. Хелки не знала о Тамалании Вертерхард, и говорить об этом тоже казалось неуместным.

– Скорее всего, ты права, – согласилась Алана, ощущая укол разочарования. – Думаю, ему что-то от меня нужно, не знаю что.

– Он тебя и защитил, – заметила Хелки.

– Да... – Алана поерзала, избегая взгляда подруги.

Хелки случайно высказала предположение, относящееся к реальности куда больше, чем все те нелепые мысли, что приходили Алане в голову, когда она вспоминала, как черный герцог, опустившись на колени, сжимал ее плечи.

– Там было еще что-то, да? – пронизательная подруга потрянула головой.

– Он меня обнял, – призналась Алана.

– Прямо обнял? – уточнила Хелки осторожно. – Он не пытался... ну, как-то подлечить тебя, например?

– Может, и пытался, – с облегчением согласилась Алана, гоня прочь ощущение, что падает с большой высоты. – Может, лечил, потому что предложил защиту. Я... ты только не смейся... ненадолго подумала, что ему не наплевать на меня. Но сейчас я понимаю, – затараторила Алана. – Он выполнял обещание защиты. Я дура, что вообще подумала о другом.

– Почему? – спросила Хелки.

– Я же вообще не его уровня, чтобы Даор Карион мной интересовался, – краснея, прошептала Алана. – Я вообще же... Да между нами не просто пропасть. Он на меня разве что как на лягушку может посмотреть. То есть, я бы и не хотела другого. Просто... – Она совсем смутилась и замолкла.

Хелки некоторое время молчала, но когда заговорила, огорошила Алану:

– Мне нравится директор Син, ты ведь знаешь. Очень. И я все- Таки танцевала с ним ночью. Совсем недолго, но это было со мной... Ты хорошо это описала, между нами пропасть. Но он не смотрел на меня как на лягушку. Пропасть – дело относительное. Не думаю, что твои рассуждения верны.

– Ну... – Алана даже и не знала, что сказать: подруга явно открыла ей большой свой секрет, и сделала это, чтобы поддержать. Сердце сжималось от нежности, и вместе с тем Алана была по- Настоящему ошарашена. Что стоило сказать? Порадоваться за нее? Расспросить? – Ты точно не лягушка. Ты невероятно красивая, ты умная, веселая, легкая, добрая... Нас если рядом поставить, я с фоном сольюсь. Не удивлюсь, если ты понравишься кому угодно.

– А ну прекращай, – шутливо угрожающе перебила ее Хелки. – Пошла самоуничжаться за мой счет! Не позволяю! – Она подняла вверх указательный палец.

– Ты его пригласила? – замороженно спросила Алана, представляя, как холодный и отстраненный, похожий на статую директор держит в руках это солнечное пламя. – И он не отказался?

– Ну... – Хелки легла на кровать, закинув руки за голову, и мечтательно улыбнулась. – Я даже не знаю, кто из нас кого пригласил, представляешь. Мы встретились с ним в одном из закрытых садов, и он как- То... Он спросил, как я, и потом подошел очень близко. И мы услышали музыку. Я начала двигаться, ну, танцевать... – Она смутилась.

– И? – нетерпеливо поторопила ее Алана.

– И он протянул мне руку. Может, предлагал мне перейти тропинку, там был валун. А может, нет. Мне так хочется верить, что когда директор взял меня за руку, а потом я положила ему вторую руку на плечо, он не просто так...

Хелки замолчала. Она покраснела, Алана впервые видела ее такой сияющей и при том стесняющейся.

– Вы только танцевали? – уточнила она.

– Да, и совсем недолго. Он смотрел прямо на меня. И мы молчали. Потом музыка стихла, и он ушел.

– И все? – немного разочарованно протянула Алана.

– Все?! – возмутилась Хелки. – Это, знаешь, и так ужасно нетипично для него! Знаешь, я вот думаю, я ему не пара, да. Но это было так замечательно, и я рада, что все так случилось. Пусть он потом меня не будет замечать, но в тот момент я была абсолютно счастлива. Это теперь мой момент. Син, которого никто и никогда не заставлял с женщиной, и о личной жизни которого вообще никому ничего не известно, со мной танцевал, пока никто не видел. Пусть и всего минуту. Мой момент.

Алана не решила что- То добавить. Вот, значит, как. Просто прочувствовать момент, не надеясь на большее.

– Ты уловила мою мысль?

– Уловила, – ответила Алана. – Только есть разница. Мои моменты с черным герцогом совсем не такие, чтобы наслаждаться ими. И я правда куда незаметнее тебя. Не вижу смысла нас сравнивать.

– Ты не права, – ультимативно заявила Хелки. – Но как знаешь. Я не мужчина, чтобы говорить тебе, какая ты невероятная, вдруг я чего не понимаю, да? Ладно, может быть, ему что- То приземленное от тебя надо, во что я не верю. Что будешь делать? Избегать его? Прятаться?

– Я не знаю, – призналась Алана. – Его сложно избегать. Он не похож ни на кого, с кем я общалась. От него так и веет опасностью и темнотой, и вместе с тем внутри этой темноты как будто огонь горит. Это очень жутко. Мне кажется, он может меня пополам переломить, как прутик. И я все время боюсь, что разозлю его, и он сделает это.

– Он тебе причинил какой-нибудь вред? – поинтересовалась Хелки.

– Нет, – призналась Алана. – Ни разу. Только пугал.

– В смысле, угрожал?

– Нет, – снова ответила Алана.

– То есть ты его пугалась, – констатировала Хелки. – А он предложил тебе защиту и защитил. Ну-ну. Опасность, опасность.

– Ты слишком легко к этому относишься! – возмутилась Алана. – Я теперь вроде как у него в долгу. И я думаю, что он потребует...

– Так, подруга, – прервала ее Хелки. – Ты чего-то не договариваешь. Я не дура. Или давай выкладывай все как есть, или закрываем тему.

Алана взглянула в игривые глаза своей проницательной подруги и решилась.

– Я – Вертерхард.

– Чего? – не сразу поняла Хелки. – Ты?

– Да. Мне директор Син сказал. Сегодня он представил меня герцогам на совете как Тамаланию Вертерхард.

– О.

Хелки села и скрестила ноги. Алана вздохнула и продолжила:

– Я не знаю, как это работает, но слышала, что могу предъявить права на Белые земли. Которые сейчас в ведении Даора Кариона. Я думаю, он просто использует меня. Хочет, чтобы я молчала. Что, кстати, смешно, ведь я и так не собиралась и не собираюсь в это лезть. Син заставил еще меня сказать, что я остаюсь в Приюте.

– Поздравляю... – как-то не слишком весело сказала Хелки и тут же будто проснулась: – Я очень рада, что ты будешь здесь. Правда. Я не верю, что ты из белого рода. Ты такая... Ну, не знаю, не помпезная.

– Спасибо, – рассмеялась Алана с облегчением. С души будто свалился громадный камень. – Я и сама не верю. Но вряд ли перед всеми директор стал бы врать, да?

– Син вряд ли стал бы врать в принципе, – ответила Хелки, и ее глаза блеснули так выразительно, что Алана сразу поняла: влюблена, совсем влюблена! – Но теперь я понимаю, почему ты думаешь, что черному герцогу что-то нужно. Может, и нужно. Да, я бы тоже была насто-роже.

– Хелки... – Алане было очень сложно попросить, но, оправдывая себя тем, что это – дело ее интересов, она все же решилась: – Можешь рассказать мне о Даоре Карионе? Что ты знаешь? Мне никто ничего почти не говорил о нем, в книгах написано мало, мастер Оливер упоминал его со страхом, но он мало слышал, и знаком лично не был. Я знаю только, что герцог Карион опасен – и подтверждения этому встречаю на каждом шагу, на него даже герцоги боятся глаза поднимать.

Алана прикусила язык, чтобы не сказать больше. Она и сама понимала, что то, насколько ей хочется услышать ответ, выходило за рамки простого практического интереса. Алана отмахнулась от этой мысли. В конце концов, и правда нужно было себе представлять, на что он способен, да?

Хелки немного помолчала. Потом встала, согрела воды, заварила чай. Все еще не говоря ни слова, налила себе и Алане по чашке и вернулась на кровать, поджала под себя ноги.

– Я тебе расскажу, конечно, – сказала она, и Алане подумалось, что подруга очень осторожно выбирает слова. – Но хочу тебя попросить. Ты не говори ему, что я тебе рассказала, ладно?

– Конечно, – удивленно ответила Алана. – Неужели ты думаешь, что он как- То узнает о нашем разговоре?

– Я боюсь упоминать его имя, – призналась Хелки. – И это уже о чем- То говорит, да? В общем... – Она сделала глоток. – Папа говорил, что черный герцог – самый старший из герцогов, и что он самый сильный маг среди знати. Что с теми, кто переходит ему дорогу, неуважительно о нем отзывается или бросает вызов, он быстро расправляется, и даже не скрывает этого. Что ему плевать на условности, он прямо нарушает законы Империи, а император все ему прощает, потому что вся Империя зависит от черной армии. Папа видел Даора Кариона только несколько раз. Один раз черный герцог пообещал ему помочь с артефакторикой разрушающегося семейного склепа... И папа выполнил свою часть, что- То сделал, а потом узнал, что герцог починил амулеты задолго до того, как папа оказал ему услугу. И еще... – Тут Хелки сжала губы, и это был совсем нетипичный для нее жест. – Алана, никому, пожалуйста, ладно?

– Конечно! – воскликнула Алана.

– Один раз черный герцог, скажем так, заинтересовался маркизой. Из наших, из желтых.

Сердце Аланы пропустило несколько ударов. Она закрыла глаза, переводя дыхание. Почему ей сейчас захотелось накричать на Хелки? Почему так захотелось узнать все, все подробности?!

– И что? – спросила она настолько ровно, насколько смогла.

– Папа говорил мне, что у нее не было шансов отказать Кариону. То есть... Не в том смысле, что он ее заставил. Просто что никто не отказывает ему.

«Понимаю, почему, – с каким- То невеселым весельем подумала Алана. – В нем тонешь».

– Ты говорила с ней?

– Нет, она умерла задолго до моего рождения, – ответила Хелки.

– Она выглядела так же, как вы все? – не удержалась Алана и тут же прикусила язык.

– Ты что имеешь в виду? – Хелки взъерошила волосы. – А, светловолосая и худая как рыба кость? Ну да. Вся порода такая.

– Красивая, – грустно заметила Алана, злясь на себя. – Он, и вы, из другого мира. Туда могут вписаться такие, как ты. И танец с директором Сином тоже оттуда. А я нет.

– Знаешь, если ты и правда Вертерхард, ты вступишь в любой мир, – туманно заметила Хелки. И тут же пояснила: – Как Вертерхардов называют? Ходящие меж миров. Есть такие закрытые хроники, они обычно спрятаны серьезнее, чем родовые книги. Только у герцогов. Я читала одну, когда гостила у тети. Так вот, там было написано, что у Вертерхардов какой- То особый талант, то ли путешествовать, то ли открывать двери. Когда ты раньше говорила, что черный герцог... ну... так с тобой себя ведет, я думала, что он мог тобой как девушкой увлечься. А сейчас я думаю, что он действительно может хотеть от тебя чего- То. Открыть какую- То дверь, куда- То попасть или достать что- То из другого мира. Есть вещи, которые и ему не подчиняются, и родовой талант белых герцогов вполне может оказаться такой вещью. Забудь, что я говорила раньше. Пожалуйста, будь очень осторожна. Очень- Очень.

Хелки вдруг порывисто обняла Алану. Той хотелось плакать, но она молча признавала: Хелки права. И как же Алана злилась на себя за то, что на секунду поверила, будто черному герцогу нужна она сама!

– Спасибо, – глухо прошептала она в волосы Хелки. – Спасибо. Ты вовремя поставила мне голову на место. Мне стыдно признаваться, но я...

– Я поняла, – перебила ее Хелки, отпуская. – Правда. Не озвучивай это.

– Не знаю, почему не рассказывала тебе раньше. Прости.

– И это я понимаю, – в голос Хелки вернулась привычная легкость. – Такое страшно рассказывать. Я о Сине тоже сказала не сразу. И еще про ту хронику. Там писали, что в крови некоторых герцогов течет магия. И что эту магию даже когда- То объединяли на благо кон-

тиненту. Там точно упоминались белые, черные, желтые, коричневые, серые. Остальных не помню. Может, ему еще нужна магия твоей крови?

Девушки некоторое время молчали, допивая чай.

– В общем, с ним лучше не связываться, а я связалась, – подытожила Алана. – И что делать?

– Давай посмотрим, что будет дальше, – ответила Хелки. – Я думаю, ни ногой за пределы Приюта, пока тут директор Син. Он точно тебя в обиду не даст. А когда Син уедет... В крайнем случае, сбежишь с наставником Келланом. Если кому и под силу тебя укрыть, так это ему.

При упоминании Келлана Алана почувствовала укол совести.

– Кстати, я не знаю, что с ним. Он был на совете, но куда-то ушел со своим отцом. Не нашла его сегодня... Надеюсь увидеть завтра. Я ему все расскажу, он поймет. Я бы хотела с ним все обсудить, – тихо сказала она, поджимая ноги.

– Вот то, что сейчас со мной?

– Да. И не только.

– Не знаю, стоит ли говорить ему об объятиях, – почему-то сказала Хелки, потягиваясь. Алана не поняла ее. – Ладно, спать мы явно больше не будем, *хесешиахаи*.

Солнечный свет ворвался в келью сквозь снова ставшее прозрачным окно, и Алана зажмурилась.

Начинался новый день.

13. Юория

Кровать была удобной, не то что те плетеные крупным шагом гамаки, покачивавшиеся в такт бьющихся под полом волн. Резные ножки, намертво впечатанные в доски, вырастали вверх, расширялись широкими балясинами, раскрывались ветвями искусно вырезанных деревьев. А уже на их переплетения кроной был накинута балдахин из зеленого бархата. Поглощавшая свет ткань скрывала мерзкий серый потолок. По верху, между пробитыми под самым потолком круглыми окнами, гуляли сквозняки, и Юории нравилось наблюдать, как колыхается тяжелый полог. Он был похож на листву, на меняющееся небо.

Комната мужа была намного роскошнее того клоповника, который ей определили раньше. Не уступавшие площади ее собственной спальни в Скальном замке, покои Вестера были разделены на несколько зон. Восхитительно мягкое ложе, высокие медные подсвечники, мягкий ковер с длинным ворсом и даже столик с зеркалом – Вестер никогда бы не позволил себе такой роскоши раньше. Что уж говорить о необычных низких столиках, похожих на традиционную мебель Пурпурных земель, о будто бы самих по себе появлявшихся на них подносах с неизвестными и пьянящими экзотическими фруктами, и, конечно, о купальне! Сначала Юория не поняла, как вода остается всегда теплой, но после нашла крупный артефакт, вплетенный в дно импровизированной ванны. Сама ванна была вытесана из какого-то неизвестного ей сорта гладкой как металл древесины. Юория с упоением намыливалась травяными настоями, прочесывала ароматными растворами свои гладкие волосы, натирала лицо, а когда вода становилась мутной или слишком пахучей, нажимала на тяжелое кольцо – и чистый поток наполнял деревянную емкость до краев.

Юория лежала в ванной и ждала Вестера. Она проводила пальцами по розовеющим следам от ожогов – уже затянувшимся, даже не зудящим. Вестер вылечил их, но Юория никак не могла вспомнить, когда он это сделал.

Но Вестер все не возвращался.

Все вокруг кричало о том, какое важное место муж занимает в этом мире южных варваров. Стали бы они так утруждаться, не представляй он настоящей ценности?

«И стал бы он меня сюда приводить, не будь я ценна для него? – с щемящим сердце удовольствием задавалась вопросом Юория. – Он, наверно, очень хочет увидеть меня такой». Она укладывала волосы, закутывалась в похожую на батист ткань, убеждаясь, что материал не скрывает ни острых сосков, ни соблазнительных изгибов бедер, и ложилась на кровать, готовая соблазнительно потянуться и сделать вид, что только что проснулась.

Никто не приходил. Но фрукты всегда были свежими, и иногда на столах появлялось тушеное мясо с неизвестными ей овощами, а с ними – вино.

Хотя Юория злилась на Вестера, хотя ненавидела его, хотя хотела перегрызть ему горло, лишь бы он перестал говорить все те отвратительные вещи, то, что он оставил ее здесь, немного компенсировало его поведение. Немного.

Три долгих дня Юория была одна. В покоях не появлялись даже слуги.

Она почти готова была начать читать стоящие на полках у двери книги, и даже полистала один из томов, рассматривая замысловатые иллюстрации, изображавшие какие-то кроваво-красные ритуалы. Книжки были на пар-Оольском, Юория понимала лишь отдельные слова, так что не стала и пытаться, вглядываясь в черные лица варваров, танцующих вокруг костров и столбов, весьма напоминавших мужские части тела. Неужели Вестер изучал их примитивные обычаи? Что бы сказал об этом дядя!

Неожиданно для себя разозлившись, Юория отшвырнула книгу. Вестеру стоило поостеречься говорить с ней так. Ему стоило бояться ее после той пронзительной ночи, ему стоило держаться настороже каждый раз, как она была рядом.

Юория закрыла глаза и в который раз представила, как дверь со скрипом открывается, и на пороге стоит Даор Карион. Как он легко подходит к кровати, и бросившиеся ему наперерез пар- Оольцы падают с разодранными шеями, и как Вестер встает перед ним на колени, умоляя пощадить, и как дядя смотрит на нее, Юорию, и его черные глаза наполняются гневом – но в этот раз не на племянницу. Конечно, он знает, что Вестер сделал! И за это дядя лишает ее мужа жизни, а потом поднимает Юорию, завернутую в этот необычный материал, на руки, чтобы унести...

Дверь скрипнула, и Юория вздрогнула. Она вскочила и метнулась к уже закрывающемуся проему. Но на пороге стоял совсем не дядя, и не Вестер, и даже не тот отвратительный парень, что лапал ее недавно, а молодая белокожая и темноволосая девушка.

Юория разочарованно подошла к девушке, оценивая ее. Не пар- Оолка, безусловно, да еще девчонка. Глаза не поднимает, явно служанка, а то и рабыня. Даже не симпатичная, слишком толстая, какая- То нескладная. И волосы заплетены так, что у лица их почти не видно. Никаких украшений, и одежда из грубой мешковины. Точно рабыня.

Нехорошее предчувствие шевельнулось где- То внутри.

– Апудо, – сказала девушка, и Юория наморщилась, пытаясь вспомнить слово, а потом поняла, что девчонка просто представилась, и усмехнулась, гоня прочь страшную мысль о том, каково это, стать рабыней в Пар- Ооле.

– Что за имя? Тебя послал Вестер? – холодно осведомила Юория у девушки.

– Имя мое, когда я стала здесь... – Девушка с трудом подбирала слова. – Я ребенком была, меня назвали.

– Отвечай лучше на второй вопрос! – зло оскалилась Юория.

– Я пришла, потому что мудрец Ннамди, – сказала девушка. – Сказал мне, что я из Черной земли, поэтому чтобы к тебе пришла. Сказал, что урок.

– Урок?! – взревела Юория, замахиваясь.

Девушка не сделала попытки убежать, лишь подняла над головой какой- То предмет, защищаясь. Увидев это, Юория схватила ее за волосы у самого затылка. Девушка и не пикнула, и Юория поняла, что рабыня привыкла к любому обращению. Это было неожиданно мерзко и почему- То напугало. Юория отступила чуть назад, глядя в юное лицо. Черные волосы, бледная кожа. Апудо действительно была похожа на уроженку северных провинций Черных земель, как и сама Юория.

– Прости меня за... – Девушка никак не могла подобрать слов, и сказала что- То по- Пар- Оольски. – Мудрец Ннамди сказал, ты можешь меня режь и... и... ударять. Что хочешь, я буду терпеть. Нельзя разлить.

В руках у Апудо был вытянутый керамический кувшин, и она аккуратно отставила его, а потом повернулась к Юории, не поднимая глаз.

Урок.

Юория отступила. Сделала шаг назад, и еще шаг. Апудо стояла, готовая к боли, послушная, ничтожная, уже раздавленная. Только сейчас Юория заметила, что голые руки покрывала сетка шрамов, и полные губы были рассечены. И ее черные шелковые волосы, и ее вообще- То красивое лицо, и темные глаза...

– Я не буду тебя бить, – тихо сказала Юория. – Скажи это Ннамди.

– Благодарна! – вскрикнула девушка, падая перед Юорией на колени и обнимая ее ноги. Почему- То этот жест не принес Юории никакой радости.

– Зачем тебе кувшин? – спросила она внезапно севшим голосом.

– Драгоценное масло, вкусно пахнет, – ответила девушка, поднимаясь. – Тебе раздеться.

– Ч- Что? – не поверила своим ушам Юория. Ее что, хотят приготовить для этого мерзкого... – Я не буду. Я...

Тут девушка подняла свои глаза на Юорию: зрачок правого был широким, невидящим. Юория знала, как такое случается: от сильного удара. Она и сама не раз... Додумывать мысль ей было тошно.

– Сказал, я урок, потому что была несговорчивая, – прошептала девушка, подтягивая к груди кувшин.

– Хорошо, – Юория постаралась, чтобы ее голос звучал уверенно. – Пойдем в купальню.

Апудо послушно засемила за Юорией, ухитряясь шлепать босыми ногами даже по ковру. Она была такой жалкой, и вместе с тем настолько очевидной землячкой, что Юорию чуть потряхивало. «Урок, – сказала она себе, послушно раздеваясь донага и подвязывая волосы. – Урок. Нужно показать, что я все поняла. Чтобы когда дядя придет, я все еще была красивой».

Апудо ловкими движениями втирала шелковое масло в кожу Юории, эти прикосновения успокаивали, но от резкого запаха начала кружиться голова. Рабыня не поднимала глаз, и когда она массировала ступни, Юория разглядела, наконец, ее макушку, по которой змеились так хорошо заметные при убранных волосах шрамы. Юория слишком четко осознала, почему эта бессловесная игрушка для битья именно так завязала волосы.

– Твой господин хочет разделить со мной ложе? – спросила Юория отстраненно, избегая смотреть на посеченную светлую кожу.

Апудо подняла на нее свои черные глаза и недоуменно моргнула. Лицо ее приобрело жалостливое, мерзкое выражение, будто рабыня сейчас расплачется. Губы ее дрогнули:

– Не понимаю.

Юория поморщилась.

– Ннамди хочет спать со мной?

Апудо тут же спрятала глаза.

– Не знаю. Сказал... ему не нравится, как твой аромат.

– Да как он смеет!

Юория выдернула ногу из рук Апудо и опустилась на один из пяти мягких бархатных пуфов. Она чувствовала себя оскорбленной, и вместе с тем ей хотелось вымалить у кого-то прощение, лишь бы это закончилось. Апудо встала перед ней на колени и склонила голову очень низко, будто кланяясь по обычаю Пурпурных земель.

– Я ухожу? – спросила она глухо, не разгибаясь.

– Когда придет Ннамди?

– Не знаю.

Кажется, каждый раз, когда девушка не могла дать ответа, она ожидала удара.

Почему-то Юории не хотелось бить ее.

Юория умела ломать людей. Быстро, эффективно, так, чтобы они готовы были вот так, ковриком, расстелиться под ее ступнями. Это было не так уж и сложно. Стоило сначала отнять многое, потом показать на примере других невыносимость возможных страданий, потом причинить за короткое время очень много боли, потом проявить немного заботы и предложить четкие условия избавления от незавидной судьбы, будто торгуясь. Так человек начинал верить, что если он сможет соблюсти новые правила, то останется цел. Этому когда-то научил ее дядя, ненароком обронив, что надежда на избежание смерти и страданий делает из человека куда более послушного слугу, чем один лишь страх. Тогда же он сказал, что этот нехитрый метод годится только для создания временных пешек.

А Юории было достаточно этих временных пешек, которые она потом с облегчением, будто боясь опоздать, сметала с доски. Никогда черная роза не держала при себе сломанного человека долго. Присутствие таких, похожих на бедных больных животных людей, угнетало ее, стоило иссякнуть азарту их подчинения.

Иногда черноторговцы заставляли калек прислуживать им, чтобы напугать другие семьи. Юории сложно было понять, что она чувствовала, видя обезображенные бесполезным мучением лица. Сейчас, глядя на трясущуюся как лист Апудо, Юория купалась в страхе, как и хотел Ннамди, но кроме того, что-то другое, скребущее, закрадывалось в ее душу. «Я бы не сделала так, – призналась она себе мысленно. – Это отвратительно».

Быстрая идея сверкнула лезвием в ее разуме: разве страдавшая всю свою жизнь девушка не должна была ненавидеть своего хозяина? Что нужно, чтобы пробить эту ее безусловную преданность?

Юория протянула свою блестящую от масла руку и провела по волосам девушки, стараясь не прикасаться к коже. Апудо вскинула голову и затравленно посмотрела на Юорию снизу вверх.

Юория хотела что-то спросить, но тут в купальню неторопливо и бесшумно вошел уже знакомый ей отвратительный пар-Оолец, которого все называли мудрецом.

14. Даор

Черный герцог неторопливо потягивал вино из высокого хрустального бокала, иногда едва уловимым жестом поправляя мерцающий огонь в камине. От покоев, выделенных ему Сином, он отказываться не стал, однако многое пришлось исправить. Пустые и холодные залы согрело пламя, бесполезную и вычурную мебель заменили привычные ему простые деревянные стол и кресло, мягкие занавеси обрамили высокие окна, а пол, наоборот, лишился шерстяного ковра. Даор ничего не стал делать с просторной кроватью под массивным балдахином, хотя, когда он только увидел ее, то иронично поинтересовался у Келлфера, считает ли директория Приюта, что он прибыл с тремя любовницами. Келлфер не поддержал шутки, и Даор с удовлетворением заметил, что друг боится коснуться этой темы.

Подаренное ему Келлфером вино не было гранатовым. Пахнущее ягодами и цветами одновременно, сладкое, оно было похоже на пьяный нектар, как тот, что так любили жители Желтых земель.

«...Даор Карион мной интересовался, – неожиданно услышал Даор неуверенный шепот Аланы. – Я вообще же... Да между нами не просто пропасть. Он на меня разве что как на лягушку может посмотреть. То есть я бы и не хотела другого. Просто...»

Даор негромко рассмеялся. Амулет сработал куда быстрее, чем он рассчитывал: Алана произнесла его имя. И то, как она это сделала – с легким придыханием, будто боясь, что кто-то ее поймает, и то, в каком контексте решила его упомянуть...

Черный герцог откинулся на спинку кресла, отставляя бокал и прикрывая глаза. Улыбка не сходила с его губ. Девочка, девочка. Трогательная Алана. Это же надо было себя лягушкой назвать. Красивая, нежная, лучащаяся светом.

Даор продолжал прислушиваться к Алане, к ее ощущениям, и отметил, что девочка взволнована. То, что он сначала принял за неверие в собственную удачу, на деле казалось ей не только не восхитительным стечением обстоятельств, но и настоящим препятствием. Почувствовав интерес более сильного существа, девочка сразу же задалась вопросом, что ему от нее может быть нужно. Она искала ответ, упорно, перебирая теорию за теорией, и Даор был вынужден признать, что подобные рассуждения могли бы иметь смысл, не будь она собой, и не будь он действительно увлечен ею. Алана не остановилась на таком заманчивом ответе, подкинутом ей подругой, не поверила в то, во что так легко и приятно было бы поверить, остановила себя в самом начале этого пути – и тем отмела единственное верное объяснение.

Даор положил руку на лоб и грустно усмехнулся.

Такого, пожалуй, он еще не видел. Даор бы понял, если бы девочка вдруг решила, что происхождение наделяет ее особыми привилегиями, и потому требовала бы какого-то определенного отношения или пыталась бы диктовать правила игры. Понял бы попытку доказать ему, что между ними нет особых различий. Понял бы желание показать ему скромность, чтобы он вел себя еще более настойчиво. Даже, возможно, понял бы, поведи она себя глупо и высокомерно и рассуди, что не хочет иметь общего с убийцей, как обычно поначалу рассуждали иногда оказывавшиеся в его постели святоши. Но Алана осознала, что ее увлекли мысли, которые она посчитала неверными и пустыми, без показной гордости призналась в возникшем влечении – и сразу же сама поставила себя на место. Выбор этого места возмутил Даора. Он напомнил себе, что Алана росла и воспитывалась как безымянная, и эта мысль будто порезала его, причинив довольно ощутимое беспокойство.

Пропасть, которую она выдумала, не подхлестывала ее чувств.

Даор Карион вспоминал обеспокоенное лицо Аланы, и как она положила руку ему на лоб, и как предложила промыть его раны. Тогда между ними не ощущалось пропасти, а теперь

Алана отдалилась, что было совершенно невыносимо: как могла она отступить, когда он проявил к ней абсолютно недвусмысленный интерес? Какая женщина бы отступила?

Даор Карион продолжал слушать – и становился все мрачнее. Она боялась его. Она искала причин его бояться, искала – и, конечно же, находила – подтверждения того, что он опасен. Не считала себя чем-то отличавшейся от тех, с кем Даор имел дело раньше.

И не понимала, что он не только не собирался ломать ее, но готов был встать нерушимой стеной между ней и всеми опасностями мира. Алана не верила ему и видела в нем тьму и огонь. Произнеси такие слова любая другая, Даор понял бы, что женщина по-настоящему увлечена, но когда их шептала Алана, он ощущал в ней куда больше желания спрятаться, чем надежды коснуться притягательного пламени.

То, что восхищало других, только увеличивало разрыв между ним и Аланой. Чуть ли не впервые за свою долгую жизнь он ощутил некоторую неуверенность, тут же потонувшую в разгорающейся нежности.

Когда Келлфер пришел навестить друга, Даор уже сидел за свитками. Директор остановился на пороге и прочистил горло.

– Долго ты собираешься быть здесь?

– Здесь – не долго, – ответил Даор, не поднимая глаз от текста. – У меня есть дела и вне Приюта.

– Ты заберешь и ее отсюда? – прямо спросил Келлфер. – Возможно, она будет искать у тебя утешения после того, как Келлан порвет отношения с ней.

– Алана, – ответил Даор, и огонь отразился в его глазах, – не будет искать у меня утешения. И да, разумеется, я ее заберу.

15. Алана

– Алана, Алана, – расталкивала ее Хелки. – Алана, просыпайся.

Шепот Хелки, врывающийся в сон, был каким-то скованным, так подруга никогда раньше не говорила. Алана закуталась в одеяло плотнее, прогоняя реальность. Невероятная усталость владела ею, она не представляла, сколько времени спала, но точно предпочитала продолжать.

– Уходи.

Тихий голос Келлана пробудил Алану мгновенно. Она села с колотящимся сердцем – и встретила с ним взглядом. Хелки мелькнула за спиной Келлана, и дверь за ней закрылась. Алана осталась с наставником один на один.

Келлан выглядел не так, как обычно. Лицо его было бледным и напряженным, будто он боролся с чем-то, чего Алана видеть не могла, а глаза не источали тепло, в котором она уже привыкла греться. И сами радужки казались темнее и глубже, чем обычно. Вдруг Алане стало не по себе. И дело было даже не в том, что он застал ее в настолько неподобающем виде: растрепанной, со сбившейся с плеч ночной сорочкой, одолженной у Хелки и оттого слишком большой для Аланы, да еще и в кровати. Все это казалось неважным.

Молнией мелькнула мысль, что не так она себе представляла момент, когда Келлан увидит ее в таком уязвимом виде, но Алана прогнала смутное ощущение неудовлетворенности и только подтянула одеяло к груди.

– Келлан, все в порядке? – спросила она тихо.

Алана была счастлива видеть, что наставник цел, и вместе с тем что-то было не в порядке. Бросаться к нему, обнимать, как она хотела, сейчас было бы абсолютно неуместным.

Келлан не отрывал от нее большого, режущего взгляда. Он в несколько больших шагов пересек келью и остановился у изголовья кровати, ничего не говоря. Алана оперлась спиной на стену и тоже боялась нарушить тишину.

– Я все знаю, – отчеканил Келлан.

– Что знаешь?.. – почти беззвучно выдохнула Алана, пораженная резкостью и незнакомой интонацией его голоса. Сразу же пришло понимание: ну конечно, он знает, что черный герцог проявил к ней участие. И знает, что сердце самой Аланы предательски дрогнуло. Знает, что она не рассказала о знакомстве с Даором Карионом, потому что было, что скрывать.

Но было ли что скрывать?

И откуда ему это знать?

– Отдай мне амулет.

И знает, что Даор Карион вернул ей змеиный крест, и что она ничего не рассказала, боясь, вдруг мамин амулет заберут? Алана порадовалась, что не взяла крест с собой. Она медленно, не сводя глаз со ставшего почему-то пугающим Келлана, сняла амулет Сина и протянула его вперед на раскрытой ладони. Келлан рванул амулет из ее руки и отшвырнул его в угол комнаты. Алана вздрогнула.

Келлан взялся за изголовье кровати и наклонился, приблизив свое лицо к ее. Раньше он тоже делал так, глаза на уровне глаз, и тогда Алана обычно вспыхивала и с удовольствием отвечала на поцелуй, но сейчас его взгляд обжигал, а губы были плотно сжаты. Невероятный гул как молот обрушился на ее разум, и в глазах потемнело. Алана поняла, что он вторгается в ее разум и только пискнула:

– Прекрати, пожалуйста. Я тебе и так все расскажу.

Келлан не ответил. Тяжесть его мысленного прикосновения не иссякала, и Алана зажмурилась, только надеясь, что все быстро закончится, но становилось лишь больнее. Она не пони-

мала, что он ищет. Мысли кашей мельтешили, у Аланы не получалось сосредоточиться ни на чем конкретном, и это было мучительно, будто кто-то специально сводил ее с ума.

Она толкнула Келлана в грудь двумя руками. Абсолютно бесполезное и безуспешное действие: он не сдвинулся. Алана почувствовала, что по щекам прокладывают дорожки слезы.

– Прекрати, прошу тебя, мне больно! – вскрикнула она, наконец.

Келлан моргнул, его губы дрогнули, и тяжесть пропала. Алана согнулась, подтягивая горячий лоб к коленям, задышавшись.

– Прости меня, – как-то отсутствующе извинился Келлан, опускаясь на матрас. – Тебе стоило мне рассказать все с самого начала. Тогда, возможно, я бы не стал... – Он замолк.

Алана искала его взгляда, но Келлан сидел, тяжело оперевшись локтями на бедра, и смотрел себе под ноги.

– Ты бы не стал иметь со мной дела? – выдавила из себя Алана.

– Да. Нет.

Келлан, наконец, повернулся к ней.

– Теперь ты все увидел? – спросила Алана. – Зачем было делать так? Келлан, я... – Вдруг она поняла, что не хочет обращаться к нему на «ты», как раньше. – Что это меняет? Я не понимаю.

– Ты шутишь? – усмехнулся Келлан. – Ты виновата в сотнях смертей, и если они достигнут желаемого, будешь виновата в десятках тысяч. Ты предала наше доверие. Воспользовалась моей слепотой, чтобы сделать это. Ты спрашиваешь, что это меняет?

Алана не знала, что ответить. Что сделал Даор Карион? Что такое он совершил с ее помощью, раз Келлан может обвинить ее в чем-то подобном? Это было безумно.

– Я не участвовала ни в чем таком, – сказала она твердо. – Я не рассказывала тебе про знакомство с черным герцогом, потому что не посчитала это важным. Это никак не относится ни ко мне, ни к тебе.

Келлан ее будто не слышал.

– Ты предательница. Син казнит тебя, ты понимаешь? Тебе не жить. И меня послали забрать амулет, посмотреть твой разум и...

– Казнит за что?!

– Алана, – сейчас ее имя звучало совсем не нежно, скорее, Келлан произнес его устало. – Прекрати отрицать. Ты попала, это всем известно, и это известно мне. Имей достоинство хотя бы не делать вид, что ничего не понимаешь.

– Да при чем тут черный герцог? Что он?

– Прекрати говорить о нем! – внезапно прорычал Келлан, хватая ее за руку. – Я уже понял, о чем ты беспокоишься. Но он бросил тебя, как только ты исполнила свою функцию, и, раз уж я здесь, Даор Карион отправил тебя на смерть, понимаешь ты или нет?! Тебе не стоит больше быть... – он перевел дыхание, – его.

– Я не принадлежу ему. Я никогда и ни в чем ему не помогала. Келлан, пожалуйста, пожалуйста, объясни мне, что происходит, что за казнь, почему? Что я сделала?! Как он использовал меня? – взмолилась Алана. Слезы текли по ее щекам. Келлан держал руку как тисками, кончики пальцев онемели.

– Как ты можешь быть такой? – зло выдохнул ей в лицо Келлан, в болезненном поцелуе накрывая ее губы своими. – Как ты можешь плакать и играть в невинность, как можешь...

Он схватил ее за плечи и тряхнул, а потом прижал к себе так крепко, что Алана задохнулась. Следующие его слова она еле расслышала: Келлан произнес их ей в волосы, и голос его был срывающимся:

– Свет, я не отдам тебя им, даже если ты порождение тьмы Разлома. Я не отдам тебя. Мы уходим. Сейчас же, пока не поздно.

Он тяжело дышал. Алана слышала, как громко и гулко колотится его сердце.

– Келлан, куда...

Он немного отстранился, и Алана не смогла договорить, увидев его красивое лицо: в зеленых глазах стояли слезы.

Сквозь нереальность и нелогичность сбывавшегося кошмара девушка понимала: это могло быть недоразумением или не быть им, но что-то происходило, что-то уже произошло, страшное и непоправимое, и вместе с тем Келлан, пришедший казнить ее, отказался от своего плана. Келлан был на ее стороне. Был здесь, с ней, и он предлагал бежать. Предал Приют ради нее, предал Сина, предал своего отца. Это было мучительно и вместе с тем... Алана кончиками пальцев коснулась щеки Келлана, а потом губ. Взгляд его, наконец, потеплел.

Все недоразумения можно было разрешить позднее. Невинность можно было доказать. Но – и она абсолютно верила Келлану, – сейчас стоило бежать вместе с ним, куда бы он ни позвал.

Алана собрала мысли и только тихо уточнила:

– Ты считаешь, что нам нужно так делать? Я думаю, это недоразумение. Объяснишь мне?

Келлан кивнул, и вдруг прижался лбом к ее лбу, совсем как раньше.

– Алана, сейчас мы выйдем отсюда под чарами отвода глаз. Покинем Приют через Южные ворота, они ближе всего к этому корпусу. Син сейчас занят, и он думает, что тебя не упустит мой отец, а он в свою очередь уверен, что тебя не упущу я. Поэтому у нас есть шанс.

– Какие ворота? Я думала, что выйти можно только порталом, – невпопад спросила Алана.

– Порталами сейчас пользоваться нельзя. Вставай. Очень быстро, Алана. Я и так удивлен, что отец решил подождать. Как только он поймет, что мы уходим, будет поздно бежать.

Келлан поднялся.

Алана растерянно оглянулась:

– Я... Мне бы вещи собрать... И я в... – Она хотела обратить его внимание на свой домашний наряд, но осеклась.

– Все можно купить или создать, – отрезал Келлан, и Алана почувствовала, как прямо поверх сорочки ее обхватывает плотный тканевый балахон. – Идем.

– Подожди, – остановила себя и Келлана Алана. Способность рассуждать понемногу возвращалась к ней. – Нет. Сначала давай все проясним. Я думаю, и ты, и Син стали жертвами какого-то заблуждения. Я никуда не пойду, пока не поговорю с ним лично. Син не стал бы меня казнить из-за какого-то неизвестного мне опосредованного участия в... я даже не знаю в чем. Я благодарна тебе, но...

Мир погрузился во тьму, и уже теряя сознание, Алана почувствовала, как сильные руки подхватывают ее.

16. Юория

Ее муж сидел на возвышении где- То за спиной великого мастера по артефактам и наблюдал, как далеко внизу Юория уже в двадцатый раз склонилась в земном поклоне перед этим богом в солнечных одеждах. Когда Ннамди отворачивал от нее свой сияющий лик, способность мыслить и дышать возвращалась к ней, и на сердце волной обрушивалась доселе никогда не испытываемая ненависть, и тогда Юории хотелось воззвать к Вестеру и потребовать убить Ннамди. Она набирала полную грудь воздуха, и... стоило ей поднять глаза, перед взором ее появлялось властное, со сверкающей улыбкой лицо, и вместо просьбы с губ ее срывался лишь писк. Хуже всего было то, что и ненависть пропадала не сразу, и смесь обожания и ярости драла Юорию на части.

В кулаке Ннамди сжимал увесистое серебряное кольцо, и когда его умасленная сандалом кожа скользила по металлу, Юория ощущала, как пальцы скользят внутри нее, где- То под ребрами, где- То еще глубже, в душе, заставляя все ее существо сжиматься вокруг властного прикосновения и ждать приказа. Тело не слушалось. Юории хотелось разорвать Ннамди горло, и вместе с тем ничто не было таким важным, как выполнить его желание.

Юория вся превращалась в слух, когда Ннамди обращался к ней. Она ловила его шепот и все остальные звуки, даже беседа Вестера с Ренардом, даже звук взрывов где- То снаружи – все сливалось в малоинтересный фон. Но вот мудрец снова отворачивался – и снова реальность возвращалась к ней.

Ннамди с величием и гордостью показал на нее, и Юории пришлось снова опуститься вниз, как обычно опускалась Апудо, и спрятать глаза. Ннамди поклонился Вестеру, будто представляя ему свое творение, и Юория, повинувшись воле мудреца, на коленях поползла к ногам мужа. Она бы закрыла лицо волосами, если бы могла, но Ннамди велел Апудо убрать ее шикарные локоны на пар- Оольский манер, и теперь они двумя тугими жгутами змеились по ее не закрытой тканью спине.

– Хватит, – негромкий голос Вестера холодным дуновением воздуха разорвал обступившую ее духоту. – Ее можно не наказывать.

Ннамди кивнул, и Юория встала, все еще не поднимая взора. Перед ней на полу ползали какие- То похожие на муравьев жучки, и женщину замутило.

– Привыкла к поясу, – прогудел Ннамди в сторону возвышения. – Под тебя. Отдаю тебе. Пришлось поработать. Она оставила себе разум и чувства. Не как воины.

– Благодарю, мудрец, – улыбнулся Вестер.

Ннамди вложил кольцо в его открытую ладонь, и у Юории перехватило дух. Мир мигом сузился до Вестера Вертерхарда, а занимавший раньше все пространство Ннамди перестал существовать. Она встретила взглядом с мужем и попыталась выдавить из себя улыбку, но губы не послушались, и Юория со внезапной ясностью ощутила: Вестер не хотел, чтобы она улыбалась, как и не хотел, чтобы она пресмыкалась. Юория застыла, не зная, что делать.

Пояс подчинения холодил живот. Юории было тяжело в нем дышать, и вместе с тем, когда она случайно коснулась локтем тонкого ободка, это отозвалось каким- То неожиданным наслаждением. Все вокруг: и мягкий ковер поверх дощатого пола, и тяжелый горячий воздух, и ощущение тонкой ткани на голой груди, и этот восхитительный холод были такими эйфорически острыми, что Юория издала стон, не удержалась на ногах и повалилась на бок в сладких конвульсиях, уже не контролируя себя. Волна мимолетного беспокойства Вестера мурашками пробежала по ее спине и рукам. Она жадно взгляделась в дрогнувшее лицо мужа, но он уже повернулся к мудрецу.

– Удовольствие делает рабов, – услышала она голос Ннамди. – Лучше не делать часто.

– Вижу, – прошелестел красивый голос Вестера. – Хотел посмотреть, как это работает.
– Есть и боль, – продолжал рычать Ннамди, и сквозь уже отступавшее удовольствие пробился страх. Нет, Вестер не станет ее пытаться!
– Пока не нужно, – мягко ответил Вестер, и Юория с благодарностью посмотрела на него – и тут же снова опустила глаза, повинуясь.

Когда ушел Ннамди? Сколько она сидела на полу, пока Вестер не забыл о ней?

В какой- То момент его внимание утекло, и Юория вдруг поняла, что может двигаться и даже думать о чем- То, кроме воли белого герцога. Теперь она понимала, почему Вестер являлся, стоило лишь о нем подумать – мысль хозяина нельзя было игнорировать. Стоило Вестеру, увлеченному беседой с Ренардом, рассеянно мазнуть по ней взглядом, все внутри собиралось и сжималось, готовое услужить ему. Сейчас же, когда Вестер отвлекся на обсуждение грядущего тайного проникновения в Империю, минуя неожиданно возникшую преграду, туман в голове понемногу рассеивался, к Юории вернулась способность думать самостоятельно. Эта неожиданно ставшая великой ценностью возможность была для Юории важнее недавно испытанной эйфории. Она медленно и очень аккуратно, стараясь остаться незамеченной, подняла голову и встретила глазами с Апудо. Девушка прижала палец к губам, призывая Юорию оставаться немой, и та с благодарностью кивнула. Апудо не носила артефакта, но, похоже, отлично понимала механизм его действия. Рабыня протянула ей чашу с водой и сделала это так незаметно, что ни Вестер, ни Ренард не повернули головы.

Хороший слуга всегда незаметен, вспомнила Юория слова дяди и чуть не разрыдалась: сейчас она многое отдала бы, чтобы стать незаметной. Юория жадно и вместе с тем бесшумно пила, захлебываясь, утоляя давнюю жажду, а Апудо сочувственно положила ей руку на плечо. Почему- То это прикосновение успокоило Юорию. Женщины сидели друг напротив друга, недвижимые и молчаливые, пока Вестер не блеснул кольцом, надевая его на запястье, и Юория не вынуждена была снова смотреть только на него.

Вестер слушал Ренарда и неспешно очищал от кожицы гранатовый плод, освобождая зерно за зерном. Юория залюбовалась его движениями, заслушалась свободно лившимся шепотом. Как она раньше не замечала силы мужа?

Тень Даора Кариона мелькнула перед ее мысленным взором и пропала, сменившись идеальным узким лицом, обрамленным темно- Русыми волосами. Юория попыталась вернуться к образу дяди, но черты его расплывались. Вестер безусловно был красивее него.

– Ты не считаешь неразумным обсуждать это при ней? – спросил Ренард осторожно. Он стоял позади кресла Вестера, как и положено слуге, и склонился в восхитившем Юорию полупоклоне.

– Даже не будь на ней пояса, Юория – красивое и не слишком умное животное. – Голос Вестера звучал для Юории мелодией. – Что бы она ни услышала, использовать не сможет. А смогла бы – я ей не дам.

– Ты уверен?

– Конечно. Я носил браслет подчинения, помнишь?

– И ты здесь. Но меня беспокоит не только это. – Ренард оглядел Юорию неприязненно. – А если Даор Карион придет за ней?

– Возможно, однажды он придет, – ответил Вестер, но почему- То воодушевляющий смысл его слов ускользнул от Юории. – Не в ближайшее время. Только когда решит, что она пробыла тут достаточно долго, чтобы узнать хоть что- То полезное. К тому моменту мы организуем ему теплый прием.

– Мне это не нравится, – возразил Ренард, и Юория ощутила неудовольствие Вестера собственной ненавистью к этому зазнавшемуся человечешке. Прежде, чем Ренард успел продол-

жить, Юория вскочила и, путаясь в свободной юбке, одним махом преодолела ступени и схватилась за седые волосы. Ренард отшвырнул ее от себя. Несколько волосков осталось у Юории между пальцами, а сама она застыла за спиной кресла Вестера с другой стороны, унимая колотившееся сердце.

– Вестер, я не собиралась нападать на него, – зачем-то объяснила она мужу, и прикусила губу от досады, что не удалось удержаться. Собственный голос показался ей чужим, высоким и жалким.

Вестер не ответил, только усмехнулся и протянул ей половину граната. Юория взяла фрукт двумя руками, не понимая, что должна с ним делать. Сок тек по ее пальцам, терпкий и красный, как кровь.

17. Алана

На исходе третьего дня пути Келлан, наконец, разрешил перебраться из седла в не слишком удобную, но все же не бьющую при каждом шаге повозку. Сложно было назвать эту скромную коробку, завешенную выцветшей на солнце и измочаленной дождями и бурями тканью, каретой, но Алана устроилась на твердой лавке с большим удовольствием. Колени нещадно ныли, внутреннюю часть бедер сводило, а ягодички так болели после суток галопа, что Алана даже не сделала попытки сесть. Обычно от небольшого роста были одни неудобства, но сейчас Алана порадовалась, что смогла, пусть и свернувшись, как ребенок, лечь на скамью боком.

Повозку подбрасывало на камнях, она вся скрипела и дребезжала, и от соломы на полу ощутимо пахло какой-то животиной, будто раньше хозяева перевозили то ли свиней, то ли коз прямо у себя под ногами. Грубый холщовый полог покачивался в такт движению, с ним играл ветер, и в истертостях мелькал свет. Алана слышала, как Келлан что-то вполголоса говорил хозяину повозки, правившему на козлах, но слов различить не могла, как ни прислушивалась. Она зажмурилась, наслаждаясь теплом и убаюкивающим стуком колес о щебень, и обняла себя руками.

Безумная, быстрая мысль пришла ей в голову: нужно было бежать. Попробовать пробраться через заднюю стенку, упасть на дорогу, отползти с колеи в лес – так, чтобы ставший безумным Келлан ее не нашел. Она легонько ударилась виском о дерево: не стоило так думать.

– Не стоило, и правда, – озвучил заглянувший под полог Келлан, и его слова отозвались в Алане паникой. – Ты хочешь убежать? Конечно. Мне что, тебя связать? Я же все объяснил тебе.

Его новое лицо ей совсем не нравилось. Раньше спускавшиеся крупными волнами медово-каштановые волосы повисли серыми сосульками, будто он вывалял их в грязи и в пыли, на прежде гладкой как сатин коже рассыпались нелепые веснушки и родинки. Телосложение Келлана стало более грузным, будто он постарел, как обычный человек, лет на двадцать. Вместо привычного острого гранями камзола он был закутан в какое-то чистое, но безусловно крестьянское одеяние цвета древесной коры. Новый, призванный не привлекать к себе внимания облик был всего лишь иллюзией. Алана знала, что если она расчесет волосы Келлана пальцами, то они окажутся такими же мягкими, как и были, и что если только прикоснется к его голой коже, иллюзия для нее развеется, и он снова поразит ее своей красотой. Но Алана не делала этого. Новый облик куда лучше подходил тому, как он вел себя, и ей не хотелось связывать его последние действия с таким любимым лицом.

Келлан подвергся какому-то заклятию и потерял возможность мыслить здраво. Это было единственным объяснением. Никогда прежний Келлан не стал бы так себя вести. Прямо в седле, удерживая повод и сжимая ее плечи, он признавался и признавался ей в любви и вместе с тем, казалось, относился к ней как к дикому животному, которое нужно было удерживать в строгости и связанном. Келлан говорил, что она в опасности, но и считал опасной для других. Не отпускал ее от себя и на минуту, и даже отойти в лес она могла, только если он останавливался, пусть и отвернувшись, всего в паре десятков шагов. Келлан не доверял ей и все время подчеркивал это. Он был уверен, что Алана спала с Даором Карионом и выполняла его приказы, не подвергал сомнению, что именно она помогла Пар-Оолу начать ужасающую войну и попыталась пустить пар-Оольских шепчущих в Приют. Келлан обвинял ее, что от начала и до конца она не была честна с ним, обманывая ради этих чудовищных и вместе с тем смехотворных целей!

Все ее попытки поговорить о заклятии Келлан зло отметал. Он усмехался холодной, такой не свойственной ему усмешкой, будто говоря: «Да-да, послушаем, что ты еще придумаешь», и смотрел на нее так, словно она не заботилась о нем, а хотела вогнать ему нож в спину, когда

он отвернется. Алана раз за разом аргументированно, стараясь не обращать внимания на ядовитый взгляд, объясняла Келлану, что он не прав. И ничего не менялось.

Кроме того, явно становилось хуже. В начале пути Келлан был с ней чаще ласков и аккуратен, и только изредка загорался этой необъяснимой злостью, но последние полтора дня раздраженное состояние стало для него нормальным, и лишь иногда сквозь этот слой наведенной ненависти проглядывала любовь, о которой теперь он говорил так часто.

Как же она хотела услышать от него слова любви! И какими же невыносимыми были обстоятельства, в которых он признался ей! Келлан выглядел измученным зависимостью. Так любят и с тем не переносят фатиум те, кто пристрастился к нему. Любовь к ней выедала его изнутри, и казалось, он ненавидел свою беспомощность перед ней, и все эти признания, будто на лезвии, звучали жестом отчаяния.

Даже решишь она на ответное признание, Келлан бы не поверил ей. А может, не услышал бы.

Алана пыталась придумать, как попросить помощи у кого-то из шепчущих, но Келлан постоянно заглядывал в ее разум, не оставляя ей и кусочка личного пространства. Алана знала: все, что он может истолковать как признак ее ненадежности или отголосок желания причинить ему вред, Келлан истолкует именно так, но вместе с тем заметила, что ее мысли о том, что кто-то наложил на него заклятие, Келлан то ли не слышал, то ли не осознавал. И она перемешивала раздумья о возможности связаться с кем-то из Приюта с рассуждениями о том, что Келлан не в порядке. Никогда еще Алана так не контролировала свой мысленный монолог.

Но сейчас, измотанная сутками без сна, она снова допустила эту глупую ошибку. Терять ей было нечего, и Алана попробовала достучаться до него иначе:

– Келлан, я боюсь тебя. Я думала о побеге потому, что ты причиняешь мне боль.

Это было рискованно. Он мог разозлиться.

– О чем ты? – спросил Келлан хмуро, садясь напротив приподнявшейся на локте Аланы.

– Ты говоришь, что любишь меня, – она запнулась. И снова прогнала мысль, что не может признаться ему в ответ.

– Я люблю тебя, – тихо повторил Келлан, не сводя с ее лица внимательных, уставших глаз. – Поэтому я забочусь о тебе. Ты не понимаешь, какую опасность навлекла на себя своими действиями.

– Я хочу ответить за них. Я выбираю это. Пусть меня казнят. Или пощадят. Как решит директор Син. Но я хочу объяснить, почему вела себя так, а не иначе. Я ведь имею право не сбрасывать с себя ответственность, а принять ее? Как считаешь?

Алана чувствовала себя так, будто идет по очень тонкому льду, и под ногами расползаются трещины.

Что-то мелькнуло в глазах ее собеседника и сразу же пропало.

– Я не дам тебе умереть. Потом ты поблагодаришь меня, а сейчас можешь, если хочешь, проклинать за то, что я отказываю тебе в этом выборе.

– Келлан... – выдохнула Алана. – Ты говорил, что директор Син – один из самых достойных людей, кого ты знаешь. Неужели думаешь, что он не станет по-Честному разбираться, или что его решение будет несправедливым?

Келлан глядел на нее, не моргая. Сомнение затенило его глубокие тревожные глаза и тут же исчезло, а черты лица будто заострились.

– Я не дам тебе умереть, – сказал он жестко. – И убежать, чтобы умереть, не дам тоже.

Алана устало сомкнула веки. Что-то вилось вокруг Келлана, черным туманом проникало в его виски, змеилось из зрачков, пропитывало воздух вокруг.

– Я очень хочу отдохнуть, – сдалась она. – Я почти не спала последние два дня. Пожалуйста, дайте мне поспать.

– Мы не могли делать остановок, – неожиданно мягко пояснил Келлан. – Первые два дня пришлось идти галопом, чтобы зря не терять времени. Благодаря нашей спешке, мы оба живы.

– Что ты имеешь в виду, говоря «мы оба»? – вздрогнула Алана.

– За пособничество преступнику такого уровня меня тоже казнят, – пожал плечами Келлан, поднимаясь и прислоняясь к боковой деревянной стойке. – Если найдут.

– Келлан... – изменилась в лице Алана. – Тебя не казнят. Ты же ни в чем не виноват!

Душа ее отозвалась болью. Под каким бы разговором ни помутился разум Келлана, он был уверен, что рискует жизнью – и шел на этот риск ради нее. К горлу подступили слезы. Подчинившись порыву, Алана приподнялась на негнущихся ногах и потянулась к наставнику, а потом крепко обняла его за пояс, пряча лицо у него на груди. Из глубины рвались рыдания, и вместе с тем ярость беспомощности напряжением прокатилась по спине и рукам, и заискрилась на кончиках пальцев. Девушка сжала объятия так сильно, как могла. На плечи и спину ее легли его теплые руки. Келлан погладил Алану по спине, а потом, чуть отстранившись, поцеловал в лоб. Сейчас он смотрел на нее совсем как прежде, тепло и ободряюще, грустная улыбка тронула его губы.

– Не волнуйся об этом, Алана. – Снова нежность смягчила его голос. – Мой выбор – это мой выбор. Я не оставлю тебя одну. Мы пройдем это вместе, и вместе все забудем. Все, что было в прошлом, останется лишь кругами на воде где-то очень далеко.

– Ты действительно мне не веришь? – спросила Алана, ища в его взгляде понимание. Как по наитию своими искрящимися пальцами она коснулась его сочившегося чернотой виска, и густой туман обжег ее ногти. Келлан недоуменно посмотрел на руку Аланы.

– Ты колдуешь, не используя слов? – как во сне спросил он ее, и в голосе не было недовольства или настороженности, как всего пять минут назад. – У тебя получается не очень хорошо.

– Я хочу вылечить тебя. Но ты прав, я не умею, – отозвалась Алана, продолжая попытки схватить извивавшиеся воздушные струйки. – Как можно убрать заклятие?

Келлан поймал ее пальцы и поцеловал самые кончики, и боль в ногтях пропала. Вопрос про заклятие он, конечно, проигнорировал, и только загоревшаяся в Алане надежда снова потухла.

– Я верю тебе, – неожиданно сказал Келлан. – Ты не причинила бы мне вреда, даже если бы смогла.

Не найдя в себе слов, Алана кивнула.

– Я обещал тебе рассказать, куда мы едем, – покрывая поцелуями ее лицо, тихо проговорил Келлан. – Мы едем в одно очень опасное и вместе с тем очень полезное нам место. Оно скроет нас от любого поиска куда лучше браслета, что сейчас обвивает твоё запястье. У нас неплохие шансы исчезнуть и никому и никогда больше не попасться, если за ближайшие пару дней мы успеем пройти перерождение.

«Перерождение». Что бы ни имел в виду Келлан, это слово звучало пугающе.

18. Ингард

Зал совещаний был пустым, и слова отражались от голых стен эхом. Ингард услышал напугавшие его отзвуки тихого шепота Сина, еще не ступив на порог. Он ускорил шаг и влетел в зал так быстро, что чуть не споткнулся о вытянутые ноги Роберта, непринужденно развалившегося в своем любимом мягком кресле у самого входа. Больше в зале не было мебели: ни стола, ни стульев, ни подсвечников. Пустое пространство, освещенное лишь серым дневным светом, льющимся сквозь громадные окна, было очень неудобным. Син стоял посреди зала, а перед ним, ниже его почти на голову, вполоборота, будто пытаясь уйти, развернулся к выходу Келлфер.

Ингард обеспокоенно взгляделся в напряженное лицо Келлфера, потом – в беспристрастное Сина. Что же произошло за последние два дня?!

– Ты утверждаешь, что он сошел с ума после того, как коснулся разума Велиана? – Син подошел к Келлферу почти вплотную. Ингард поежился: редко Син так открыто нарушал личное пространство кого-то из младших директоров.

– Син, нам стоит поговорить наедине, – приглушенно ответил Келлфер, настороженно мазнув взглядом по устройшемуся в кресле Роберту и так и застывшему у двери Ингарду. – Не вижу смысла обсуждать это при ком-то еще.

– Ты вмешался в разум Келлана, – сузил глаза Син. Между ним и Келлфером не было и шага. Келлфер отступил назад. Син двинулся за ним.

– Это наше с ним дело, – голос Келлфера дрогнул.

– Ну нет, я не согласен, – подал голос Роберт. – Она – единственный носитель белой крови. С тех пор как твой страшный вороний герцог потерял своего ручного Вертерхарда, она – все, что у нас есть, если мы соглашаемся с Лианке и пытаемся защитить Империю так, как она предлагает. А если твой влюбленный в нее сын утащил ее куда-то, и если он не в себе, если он ее где-то прикопает, то это будет проблема всей Империи без преувеличения.

За все те годы, что Ингард знал холодного как камень Келлфера, тот никогда не выглядел таким напуганным и даже, кажется, виноватым. Рот его был перекошен в сардонической улыбке.

– Роберт, не лезь, – зло отрезал Келлфер, даже не удостоивая раненного воина взглядом.

Роберт скорбно прижал к груди увитые исцеляющими заговорами и уже частично восстановленные кисти.

– И снова мне досталось за правду.

– Келлфер, – процедил Син. – Рассказывай. Сейчас же.

– Один на один, – твердо ответил Келлфер, встречая взгляд Сина. – Им незачем об этом слышать.

– Я уже знаю все от Кариона. Ты причинил вред одному из наставников, Келлфер. Дело не в том, что ты лишил Приют наставника, а Империю – последнего лояльного нам Вертерхарда, как заметил Роберт. Ты перешел черту и нарушил главное правило Приюта. Я хочу, чтобы и они услышали твое признание.

Повисла тишина. Роберт с Ингардом переглянулись, и последний присел на подлокотник кресла друга. Син обычно не рубил с плеча, а выдвинутое им сейчас обвинение было настолько серьезным, что ни один из директоров не нашел, что добавить.

– Ты хочешь меня выгнать? – оскалился Келлфер. – Сейчас, во время войны? И думаешь, что Приют не развалится следом? Собираешься выиграть без моих связей? Ты в своем уме?

И тут же согнулся пополам, хватаясь за голову.

Син, прямой как копьё, неподвижный и вместе с тем источавший ледяную ярость, не сделал и шага в его сторону, не повел рукой. И Ингард, и Роберт, и сам Келлфер понимали, что

происходит, и что ни единого шанса отказать Сину у Келлфера больше не было. Мощнейшее заклятие, разрывая блоки, дробя в пыль щиты, вонзалось в разум Келлфера, как спица прокалывает ткань. Раздался тихий треск, а после и скрежет сминаемого металла: в руках у Сина зеленым пламенем плавился защитный артефакт, с которым Келлфер никогда не расставался. Ингард вскочил, борясь с желанием помочь Келлферу, но Роберт своими неокрепшими пальцами мягко сжал его предплечье, и когда Ингард возмущенно обернулся к другу, тот одними губами прошептал: «Подожди».

– Я пытался заставить его возненавидеть ее, – прохрипел Келлфер, больше не борясь. – Я заронил в его разуме недоверие, а после лишь подкинул тем. Келлан думает, что Алана помогает Пар-Оолу, что она любит другого мужчину и подчиняется ему, и что она опасна.

– Как тебе удалось? – спросил Роберт мрачно. – Твой сын тебя с землей сравнивает, если вы схлестнетесь. Тут уж без обид.

– Я сделал это, когда он был ослаблен безумием Велиана, – с трудом признал Келлфер, тяжело дыша и, будто склоняясь под невидимым прессом, ломаными движениями опускаясь на плиты.

– Я думаю, у Келлфера были причины, – неожиданно для самого себя заступился за коллегу Ингард. – Это скорее семейное дело, да? Син, он прав, сейчас война. Стоит ли?..

Син обернулся. Его синие, как вечернее небо, глаза блеснули.

– Я уважаю твое стремление помочь, Ингард, – обманчиво мягко проговорил старший директор. – Но это не семейное дело. Каждый из вас, придя сюда, согласился соблюдать простые правила. Воздействие на разум наставников и целенаправленное причинение им серьезного вреда всегда были под запретом. Согласившиеся преподавать в Приюте – не наша собственность, они – наши соратники, и должны быть в безопасности, не боясь оказаться беспомощными рядом со своими лидерами. Я объяснил это каждому из вас, когда вы становились директорами, и каждый из вас это понял. То, что Келлан – сын Келлфера, не имеет никакого значения перед лицом произошедшего.

– Я спасал своего сына! – зло выплюнул Келлфер, но тут же взял себя в руки. – Даор убил бы его из-за этой девчонки.

– А вот это уже семейное дело, – неожиданно вставил Роберт. – Я согласен с Сином. То, что ты провернул, недопустимо. – Он кивнул Келлферу и обратился к остальным: – Келлфера бы прогонять, впрочем, не стал. Он умнейший из нас, ну, кроме этого вот решения, – усмехнулся он, встречаясь взглядом с Сином. – Конечно, военное время ухудшает дело.

– Потому что именно во время войны возможность спокойно подставить спину важнее всего, – продолжил Ингард, поняв, к чему клонят Роберт и Син. – Да. И все же, Син, я согласусь с Робертом. Считаю, что если этот случай не выйдет за пределы этого зала, можно не акцентировать на нем внимания. Ни у одного из нас нет детей, и никто из нас не поймет мотивов Келлфера достаточно хорошо, чтобы судить его. Даже ты, – обратился он к Сину.

– Келлан как раз за пределами зала, – заметил Роберт, и Ингард на секунду загорелся возмущением: будто друг не понимал, что Ингард пытался потушить пламя разрастающегося конфликта!

Келлфер уже почти пришел в себя и только хмуро тер виски, пытаясь избавиться от шлейфа заклятия. На взбешенного Сина он не смотрел. Ингард догадывался, как, несмотря на недовольное выражение лица, Келлфер был на самом деле напуган. Со свойственным ему сочувствием, Ингард разделял его страх: ни Келлферу, ни Роберту, ни Ингарду не приходилось раньше испытывать на себе действие заклятий старшего директора, но все они понимали, насколько велика была разница между Сином и любым из них. И то, как старший директор это сделал – не произнес ни слова, не сойдя с места, даже не сбившись дыханием... Рядом с ним Келлфер был не сильнее ребенка и, наверно, чувствовал себя по-настоящему беспомощным.

– Когда они вернутся, – сказал Келлфер, уже владея собой, но не делая попыток подняться, – девочка будет бояться Келлана. И это стоит моего отстранения и любого другого наказания, если хочешь знать. И я сделал бы это снова. Но отсылать меня из Приюта – большая ошибка. Ты и сам понимаешь.

– Келлфер, – наконец, сказал Син, подходя к окну. Он остановился и положил пальцы на деревянный откос. На Келлфера Син больше не смотрел. – Ты плохо знаешь своего сына. И я бы на твоём месте опасался гнева Кариона, каким бы близким другом ты его ни считал. Ты остаешься до конца войны. Затем я решу твою судьбу, если к тому моменту тебя не убьёт чёрный герцог.

Ингард решительно подошел к еще сидевшему на полу Келлферу и протянул ему руку. Он почти был уверен, что Келлфер проигнорирует его жест, как и обычно, но тот сжал его предплечье с неожиданной силой, а затем рывком поднялся на ноги. Выглядел Келлфер плохо. Ингард почувствовал его дрожь и с неодобрением поглядел в спину так и не отрывавшему взгляда от окна Сину, но ничего не сказал и лишь попытался перевести тему:

– Син, введи нас в курс дела. Пока я собирал воинов и отправлял гонцов во все земли, и пока Роберт лежал у Теа, герцоги что-то решили?

– Между прочим, я в курсе дел, – вместо Сина ответил Роберт. – Это ты у нас здоровый и весь в делах, а я больной, мне делать нечего, я ходил на все их советы, слушал бесконечные причитания и пугал своими обрубками прекрасных леди. Давай лучше я расскажу.

Ингард усмехнулся: Роберт лишь заполнил паузу, а у окна уже никого не было. Воздух едва заметно мерцал там, где еще минуту назад остановился старший директор.

– Ушел, – констатировал Ингард, не понимая, что именно его так задело.

– Ушел, – подтвердил Роберт. – Ему сейчас не до нас. Накрутил хвосты провинившимся – и обратно искать способ починить порталы.

Ингард поморщился от неактивности Роберта.

– Келлфер, ты как?

Тот коротко кивнул и быстрым шагом вышел из зала.

– Ни капли благодарности, да? – растянул губы в улыбке Роберт. – Мы его от гнева Сина спасли, а он просто отправился по своим делам.

– Это Келлфер, – пожал плечами Ингард. – Ты же не ждал, что он упадет нам в ноги со слезами на глазах. Что тут произошло, пока меня не было?

Роберт поднялся. Шел он как-то странно, будто бы больше опираясь на носок, и при каждом шаге немного раскачивался. Ингард нахмурился, но самого Роберта неудобства, как и обычно, не волновали. Он присел у брошенного Сином искореженного амулета.

– Работы Кариона, между прочим, великолепная вещь. Была. Абсолютно бесполезен теперь. Жаль. Всегда хотел его у Келлфера стянуть, но он в нем даже спал.

– Ты откуда знаешь? – улыбнулся Ингард.

– О, я так много всего знаю, – пропел Роберт. – Ты же слышал сплетни? В глубине своего развратного сердца я храню сведения о том, как и в чем спит каждый в Приюте. Если верить послушницам.

Ингард хмыкнул: Роберт, несмотря на количество слухов, отличался скорее аскетизмом, чем распушенностью, но было понятно, почему никто не мог в это поверить. Даже сейчас, с этими нелепыми маленькими ручками, шатающийся при каждом шаге, он источал уверенность и обаяние, перед которым пасовали почти все. Но Ингард знал своего лучшего друга достаточно хорошо, чтобы понимать, что за легкостью и харизмой кроется куда больше, чем просто умение нравиться каждому, кто встретится на пути.

– О чем говорил Син? Что с Вертерхардами? Я много пропустил?

Роберт грустно щелкнул своими мягкими детскими пальцами у сгоревшего артефакта, и тот расправился, как бумажная игрушка. Теперь литой черный треугольник с крупным алмазом по центру выглядел совсем как раньше, хотя ни капли магии в нем больше не было.

Роберт разочарованно вздохнул.

– Лианке предложила активизировать ритуальную защиту континента. Ту, что, по восторженным отзывам Сина, самый большой артефакт в мире, пронизывающий землю подобно металлическим жилам и фактически неразрушимый, – скопировал он манеру Сина говорить. – Я почувствовал себя неучем: я вообще о ней не знал. Ты хоть слышал?

– Читал в одном архиве. – Ингард присел рядом с Робертом и тронул пустой холодный треугольник струей воздуха, опасаясь прикоснуться кожей. – Брось ты его. Не починить.

– Оказывается, Син ее помнит. В этих твоих архивах ей приписывают какой возраст?

– Почти две тысячи лет, – осторожно ответил Ингард. – Хочешь сказать, Сину больше двух тысяч лет?

Роберт пожал плечами:

– Не уверен. Он же много путешествовал туда, где время текло иначе. Хотя я бы не удивился, если бы ему было столько. Я однажды спросил у него про возраст, знаешь, что он ответил?

– Что?

– «Я старше тебя». И глазами сверкнул, будто я лезу под юбку старой деве.

Ингард рассмеялся.

– Почему я не удивлен? Мне и в голову не приходило спрашивать его, сколько ему лет.

Роберт окутал амулет Келлфера плотным коконом и спрятал за пазуху. Ингард встал и протянул Роберту руку, тот с охотой взялся за нее обеими своими уродливыми ладошками.

– В общем, о защите. Я так понял, убойная была штука. Огромная, неуничтожимая, и впаянная в саму землю континента. Ее можно было вывести из строя, только разрушив не меньше половины наших земель, что, прямо скажем, и тогда, и сейчас маловероятно. Она пять лет закрывала Империю сплошной завесой во время первых магических войн: не переместиться, не зайти, не заплыть. Интересно, кто такую сообразил, не нашего полета вещица. Даже не Карионовского.

– А ты Сина спроси.

– Так спрашивал – молчит. Сказал только, что работала, и люди были заперты в этой своей безопасности довольно долго.

– Там была лазейка, – подхватил Ингард. – Представители крови магических семей, принявших участие в ритуале, могли ее преодолевать. Поэтому все так рвались принять участие.

– И поэтому так мало было до этого допущено, – развел руками Роберт, возвращаясь в кресло, и забрасывая ноги на подлокотник. – Никто не любит делиться возможностями. Предки пурпурных разве что отказались, эти всегда были не от мира сего. А так Вертерхарды, Карионы, какие-то далекие прапрадедушки желтых Веронион, дальние родственники коричневых, забыл, как они звались... И серые, конечно. Точнее, те, которые дали потом начало серой и синей ветвям.

– И маги степей, – добавил Ингард. – Думаю, Теренер очень рад возможности шантажировать остальных своим отказом принимать участие, если я правильно понимаю, о чем ты.

– Все ты правильно понимаешь. Герцоги сначала долго обсуждали древние легенды, говорили, что это слишком рискованно, и снова обсуждали, и снова. Скукотища. Пока Лианке всех не прижала. Ты бы видел, что было, когда Теренер отказался. У него крыша капитально едет, конечно. Так остальные, подначивая друг друга, пригрозили его связать по рукам и ногам и до места доволочь. Он не дрогнул, только смеялся, пока Карион не сказал, что примет участие в этом предприятии, и Теренеру лучше держаться не слишком далеко.

– И все согласились на ритуал на крови?

– Да. Син обещал им попытаться вернуть их родственников, но проблема в том, что никто не в безопасности, и те, кого еще не забрали, все равно рискуют к ним попасть: мы не можем пользоваться порталами, а оставшиеся вне столицы пар- Оольцы могут и пользуются, появляясь в любом уголке Империи. Син все время кому- То что- То пишет и что- То куда- То отправляет, удаленно мечется между городами, создавая убежища и расставляя шепчущих для охраны, но всех не защитишь. В общем, его стена вот- Вот падет, и тогда пар- Оольцы поползут как тараканы. И вот до этого момента герцоги хотят активировать защиту. Потом собрать наших ребят и вдарить в ответ. Звучит неплохо, да?

– Есть но? – уточнил Ингард.

– Есть, – согласился Роберт. – Носителей крови не хватает. Вестер Вертерхард, как оказалось, вырвался из рук Кариона и усвистал в Пар- Оол вместе со своей женой. Я думал, Теренера удар от радости хватит, когда Карион об этом сказал, но потом тот добавил, что белая кровь у него есть. И вместо того, чтобы возглавить эту бравую миссию, черный герцог оповестил всех, что пока не найдет Тамаланию, никто никуда не идет, и сам пропал. Оно вроде и логично...

– А Тамаланию куда- То увез Келлан, – протянул Ингард. От обилия информации голова шла кругом. – Теперь чуть понятнее.

– Келлан – талантливый маг и скрываться, похоже, умеет, – продолжил Роберт, как ни в чем не бывало. – Можешь себе представить, что всеильный черный герцог все еще не нашел их? Я даже горжусь Келланом. Если бы не Келлфер с этой его идиотской затеей, у парня были бы неплохие шансы на что угодно.

– Против черного герцога? – с сомнением протянул Ингард, не веря своим ушам. – Да ты романтик.

– Он их пока не нашел, раз не появляется, – повторил Роберт. – Думаю, даже Карион хочет быстрее поставить ту защиту: его земли в такой же опасности, как и другие.

19. Олеар

– Каковы приказы герцога Кариона? – обратился к Олеару Свейн Визенсартер. – Его нет почти два дня. Очень многие ищут встречи с ним. Его отсутствие на общих советах вызывает панику.

– Маркиз, неужели вы ожидаете, что Даор Карион бросится успокаивать расстроенную толпу?

Визенсартер неожиданно улыбнулся и развел руками.

– Момент хороший.

– Для чего? – поднял брови Олеар.

– Чтобы Черные земли впитали в себя часть соседних провинций. Синие вот готовы плачливаться деревнями даже за иллюзию безопасности. И не только они. Все уже знают, что герцог отдал распоряжение об открытии четырех защищенных им самим крепостей, и что все знатные и шепчущие Черных земель стеклись туда. Молва идет, будто у него таких крепостей больше. Снаружи шепотом передают друг другу сказки, что чуть ли не все Черные земли окружены таинственными стенами, за которые не сунется враг. Я что-то о таком не слышал. – Он снова развел руками, а затем сел, наконец, в предложенное ему Олеаром кресло. – Ты видел эти таинственные стены?

Олеар неторопливо прикрыл дверь, а затем присоединился к Свейну за столом. Есть ему не хотелось, еще совсем недавно он с трудом затолкал в себя два куска вкусного, но холодного мяса и сейчас смотрел на появившийся в положенное время обед с чувством легкой тошноты. Свейн же невозмутимо налил себе похожего на вино темно-Красного компота – алкоголь он презирал, – и положил на глиняную тарелку еще дымящееся крыло утки.

– Не против?

– Хоть все, – отозвался Олеар. – Видеть не могу.

Свейн был его давним знакомым, которого он никогда не назвал бы другом. Сдержанный, непоколебимый и вместе с тем острый как клинок маркиз казался в Империи фигурой незаметной, однако его влияние было весьма ощутимо. Олеар не застал его службы Вертерхардам, но слышал, что раньше маркиз управлял почти всем югом Белых земель, а после судьбоносной резни заключил договор с герцогом Карионом.

«Тебе есть, чему у него поучиться» – всего шесть слов, единственная данная черным герцогом характеристика и одна из самых высоких оценок представителя светской знати, что Олеар слышал из уст учителя.

Глава семьи Визенсартер не только получил в свое ведение почти весь север Черных земель, но и зачастую доносил до других герцогств волю Даора Кариона, посещая многочисленные приемы и собрания, присутствию на которых учитель предпочитал другие дела. Этот необычный уровень доверия, как и то, что Даор разговаривал с маркизом уважительнее, чем с другими своими подданными, в свое время очень заинтересовал Олеара. Следуя совету учителя, он старался сблизиться с маркизом, нанес несколько визитов в Кобальтовый предел, обменивался любезностями с женой Свейна Эидис, и даже научил паре простых заговоров их не обделенного талантом младшего сына. Как Олеар потом понял, маркиз наблюдал за его стараниями весьма внимательно, хоть и довольно отстраненно.

«Прекрати из кожи лезть, – сказал тогда Свейн ему напрямую. – Тебе доверяет герцог Даор, значит, доверяю и я. Чего еще ты хочешь?»

На этот вопрос было сложно ответить и тогда, и сейчас. Будучи намного сильнее маркиза, не имеющего возможности даже звуком потушить свечу, Олеар все равно чувствовал себя рядом со Свейном мальчишкой. Время проходило, но ощущение ужасающей разницы в

возрасте оставалось: казалось, маркиз никогда не ошибался. На памяти Олеара ни разу герцог не был рассержен действиями Визенсартера, чего нельзя было сказать о самом Олеаре.

«Дружбы я предложить тебе не могу, но вместо того предлагаю называть меня по имени и чувствовать себя в моем присутствии свободно. Мы на одной стороне. Если тебе понадобится моя помощь – скажи мне об этом».

Олеара всегда поражала прямота Свейна. Неизменно тактичный в обращении к представителям других земель, в личном общении он называл вещи своими именами и лаконично и точно характеризовал происходящие события. Значит, они не считались друзьями, но держались свободно в присутствии друг друга и были на одной стороне.

Сейчас, здесь, в залитой прохладным желтым светом гостиной своих покоев, в этой нервной и наполненной напряжением и усталостью обстановке, присутствие маркиза успокаивало. То, с каким спокойствием он отрезал и отправлял в рот куски мяса, было сродни разожженному камину промозглой осенью. Олеар действительно был очень благодарен, что Свейн зашел к нему, что бы ни послужило поводом неожиданного визита.

– Смотрю, ты мне рад, – заметил Свейн, наливая в свой стакан еще темной жидкости. – Он позволил тебе отвлечься?

– Если бы он не позволил мне отдохнуть несколько часов, вы бы меня не застали, маркиз, – ответил Олеар сдержанно.

– Конечно, – согласился тот. – Так что мне передать?

– Почему вы спрашиваете у меня?

– Герцог Даор сказал мне его не беспокоить, – ответил Свейн. – Однако я считаю своим долгом предупредить, что герцоги почти готовы брать штурмом покои Даора Кариона, лишь бы он поговорил с ними и дал возможность их близким укрыться. Брать штурмом – буквально. Скорее всего, они придут.

– Понял, – отозвался Олеар, прикидывая, сможет ли создать завесу в устойчивых к пространственным заговорам коридорах Приюта. – Что передать... Что в первые два дня герцог уже отдал все необходимые распоряжения. Что теперь он занимается иным делом, которое их не касается, и лучше к нему не лезть, если они не хотят получить обратный эффект и, скажем, запрет на использование его защитных артефактов. Что он в плохом расположении духа, и что не стоит проверять это на своей шкуре.

– Я буду вынужден сказать это мягче, – вздохнул Свейн, кивая. – В остальном – как насчет писем?

– Пусть пишут, – пожал плечами Олеар. – Вообще-то, он посылает меня за почтой трижды в день и отвечает на большинство писем. Могу подложить и весточки от них. Но вы же понимаете, маркиз...

– Что герцог Карион их сожжет, – подхватил Свейн, вставая. – Благодарю за трапезу и за уделенное время.

– Достали они вас? – с пониманием вздохнул Олеар. Подобное выражение поддержки показалось ему уместным, но стоило маркизу ответить, и снова Олеар оказался растерянным мальчишкой:

– Нет. Но им нужно было видеть, что я зашел сюда. И нужно знать, что я передал их просьбы. И нужно получить какой-то ответ. Это доставит герцогу меньше беспокойств и убережет их самих. Хорошего вечера.

– Как Эйдис? – невпопад спросил Олеар. – Ваших детей же не было на празднике?

– Нет. Эйдис и вся моя семья давно в северной крепости.

Они переглянулись. Олеар знал: как и он сам, маркиз понимал, насколько велико было их везение – оказаться в это ужасающее время именно под покровительством обеспечивавшего защиту своим подданным черного герцога. Казавшиеся сказкой крепости существовали и действительно были прекрасно укрыты и оборудованы очищавшими воду колодцами. Ого-

роженные территории были обширны, засеяв поля и заведя внутрь скот, люди могли бы провести там не один год. Сильнейшие шепчущие проверяли каждого, кто заходил внутрь, а после зашедшему уже ничего не угрожало. Каждой именной семье герцог разрешил взять с собой от двадцати до сотни семей безымянных, в зависимости от статуса подчинявшейся провинции, и столько шепчущих для собственной защиты, сколько она пожелает. Этого было бы достаточно даже для восстановления сгоревшего за пределами стен мира, обратись континент в пепел.

И ни один самоубийца, даже дикарь из Пар- Оола, не стал бы соваться в крепость Даора Кариона. Если бы какой- То дурак и рискнул, его внутренности со временем смыли бы с зачарованных камней и шпилей бурные снежные дожди, которыми так изобиловал наступающий месяц.

– Я рад за вас. – Олеар был искренен.

– Благодаря герцогу, – с уважением, но без заискивания произнес Свейн, закрывая за собой массивную дверь.

Олеар вздохнул. Несмотря на то, что господин разрешил ему отсутствовать, особенно засиживаться не стоило. Он не мог помочь учителю в создании заклинаний, но, если повезет, мог все- Таки отправиться в Пар- Оол за Юорией.

– Могу я что- То еще сделать? – услужливо спросил Олеар, ставя бокал на низкий мраморный стол за спиной черного герцога.

Даор Карион не удостоил ученика взглядом, но тот вдруг испугался, что учитель мог понять, как Олеар нервничает: серебряная ножка встретилась с гладким мрамором абсолютно бесшумно, но после мелко зазвенела. Проклиная свои дрожащие руки, Олеар прошелся по полутемным покоем герцога Кариона и остановился у сидящего на полу безымянного мужчины в простой одежде. Безымянный зыркнул на него быстро, как куница, и спрятал глаза. Выглядел он еще хуже, чем когда Олеар уходил, но ни крови, ни следов еще какого- То внешнего воздействия не было. Олеар знал этот серый цвет лица и этот отчаянно скривленный рот: мужчине было больно, но боль отличалась от любой пытки, с какой бы он мог встретиться в течение жизни.

Интересно, а Син понимал, какая участь постигнет проводника, которого он кинул черному герцогу вместо требуемой карты? Директор бросил его на съедение, на вскрытие, сознательно? Олеар подумал, что Даор Карион ведет себя неосмотрительно, портя собственность Приюта, но тут же остановил себя. Это было не его дело, герцог куда лучше него знал, как может позволить себе обращаться с теми, кто оказался у него в руках, да и может ли бросить вызов Сину тоже.

Даор сделал ученику знак, чтобы тот подошел.

Олеар послушно остановился у самого стола. Даор протянул руку, в которую ученик тут же вложил бокал с вином. Осушив его в один глоток, Даор сжал пальцы, и бокал каплями стек на пол, пенясь и застывая на серых плитах. Олеар проводил эту вспышку в темноте взглядом и постарался выровнять дыхание: рядом с герцогом в настолько плохом расположении духа находиться было попросту опасно. Тем не менее, ему стоило предложить учителю подкрепить силы.

– Я принес еще мяса, – робко подал голос Олеар. – Вы не ели почти два...

– Мне не нужно есть, – оборвал его черный герцог, не смягчая голоса, и Олеар в страхе отшатнулся. – Я потерял много времени.

– Это из- За свойств окружающих Приют лесов? – уточнил Олеар. – Хранитель ключей говорил, тут изменяются законы пространства, и магические законы тоже. Син тоже сказал, что с самим пространством почти ничего не...

– Ты указываешь мне, что я могу? – сузил глаза герцог.

– Нет, конечно, нет, – проговорил Олеар поспешно, коря себя за неуместность замечаний. – Я лишь хотел добавить, что когда я выбирался за ворота и искал следы, мне не удалось создать ни одного заговора, который распространялся бы более, чем на несколько шагов. Но я, конечно же, не вы. Вы их найдете. Это ведь поисковая сеть? Прошу, покажите.

Даор кивнул, и Олеар схватился за виски, пытаясь справиться с хлынувшим в него потоком образов, а потом пораженно уставился на учителя. Не покидая пустого зала, он одновременно был и там, снаружи, где, разрезая ночной воздух, вилась магия. Он стоял на небольшой лесной полянке, и из груди и рук его истекали потоки, которых он никогда не ощущал ранее.

– Что это? – едва слышно позволил себе прошептать Олеар, не веря в свое везение.

– Запомни последовательность действий, – холодно ответил герцог, игнорируя глупый вопрос. Откуда звучал его голос? Из леса, или же он сказал это в том пустом зале? Олеар никогда не путешествовал так и чувствовал себя как во сне. – Ты мне понадобишься.

Олеар с трудом поднял голову к темному небу. Поисковая сеть вышиной в два человеческих роста оплетала десятки лиг, расширяясь, ветвясь, пронизывая неподвижный лес и обтекающая тяжелые ущелья и утесы. Даор Карион удерживал перед мысленным взором карту, вытасченную из податливого разума данного ему Сином проводника, и продолжал слой за слоем накладывать сложные и чувствительные плетения, проходящие сквозь руки и грудь Олеара, как если бы это он создавал их. Смутно Олеар осознавал, как невыносимо выл безымянный, воспоминания которого вскрывались будто острым ножом, но этот крик не имел значения здесь, в черном и полном вибраций лесу. Олеар слушал, ощущал, он весь превратился во внимание. Сотворенные Даором Карионом пласты прорывались сквозь сопротивляющийся воздух аномальной зоны, росли вверх и лучами расходились в стороны, буря камень и взрывая землю – и не оставляя на них следа. Мощь, с которой творился заговор, была пугающей. Олеар был словно медузой, вместившей в свое прозрачное тело все знание о непоколебимой и всеобъемлющей силе океана.

– Хватит, прошу, – взмолился он, даже не успев заметить, мысленно это сделал или вслух, понимая, что разум его тонет в этом тягучем потоке, и все превращается в сплошной водоворот.

И тут же обнаружил себя лежащим на полу, уткнувшись в ножку стола лбом. Обессиленно вытянутая рука почти касалась сапога учителя, и Олеар попытался отдернуть ее, но движение вышло каким-то медленным и слишком плавным, будто в воде. Олеар знал, что герцог ждет, когда он поднимется, и попытался поддержать себя воздушным потоком, вставая. Струя подбросила его неожиданно быстро, будто вырвавшись из-под контроля, несколько стоявших вокруг стола кресел упали, а окно распахнулось наружу с таким звоном, словно стекла готовы были вылететь из рам. Олеар опасливо посмотрел на учителя: ни прядь на его голове не шелохнулась, и листы желтого кожистого пергамента тоже остались лежать на столе, будто ничего не произошло.

Даор подождал, пока Олеар встанет, пусть и взявшись за столешницу и навалившись на нее всем весом, и коротко осведомился:

– Запомнил?

– Да, кажется, – пораженно ответил Олеар, понимая, что и правда мог бы воспроизвести показанную ему изнутри последовательность действий. Ему хотелось со слезами благодарить наставника: никто и никогда, наверно, не учил так. – Только у меня вряд ли достаточно для этого сил.

– Я дам тебе верейский сосуд, – кивнул на стол герцог. В углу чуть белевшего в темноте листа пикой высилась тонкая и узкая морионовая пирамида с закругленными гранями, маленькая, не больше ладони в высоту. – Если ты упустишь его из рук, я убью тебя.

– Понял, – наклонил голову Олеар, не веря своим ушам. То самое легендарное вместилище силы – и в его руках! Да шепчущие всего мира до сих пор гадают, существует ли оно на

самом деле! А в нем – столько, скольким учитель сочтет нужным поделиться. Могло ли что-то быть большим знаком доверия? Разумеется, сосуда он не упустит.

– Смотри. – Даор Карион указал Олеару на лежащую на столе карту, на которой кровавыми линиями растекались, как теперь понял Олеар, уже созданные учителем заговоры. – Начав позавчера с создания окружности с радиусом в четыре дня пути галопом от Приюта, я заполняю получившуюся площадь. Вот здесь, – Даор показал на область западнее башен Фортца, – лес, в который, как я предполагаю, они могли отправиться. Это наиболее сложный для изменения объект, и тебе туда соваться нельзя. Здесь, – он провел рукой, и слабо полыхнула северная часть импровизированной карты, – еще один такой объект, лучше тебе не заходить за его границы. Твоя задача заполнить вот эту область. – Послушно движениям герцога, засветился и потух кусочек карты на юго-Востоке.

– Что там?

– Ничего, – задумчиво ответил Даор. – Ни безмагического пространства, ни этих проклятых артефактов изменения формы. Однако на тот маловероятный случай, если сын Келлфера окончательно рехнулся, лучше поставить сеть и здесь.

– Вы думаете, Тамалании угрожает опасность? – осторожно спросил Олеар.

– На ней мой амулет. Она жива и здорова, – к его удивлению ответил учитель. – И ей холодно. Но я не вижу их местонахождения. Могу лишь предполагать, что он хочет предложить ей переродиться, то есть поменять форму, чтобы ее никак нельзя было найти. И это настоящая опасность.

– Потому что перерождение – это по сути уничтожение, нам рассказывал об этом... – Олеар запнулся, но все же решил договорить. – Наставник Келлфер рассказывал нам об этом.

Даор Карион не ответил.

– Если вы знаете об этой возможности, можно ли огородить место... – начал Олеар, и осекся, встретившись взглядом с герцогом. – Вы уже сделали это, да? Простите.

– Радиус почти десять лиг. Я могу лишь закрыть входы, все тысячи входов, – выдохнул Даор, и Олеар вдруг понял, что его учитель сильно устал. – И надеяться прийти вовремя. Сын Келлфера очень хорошо знает эти места и все возможные на них искривления, а у меня – только это ничтожество.

Проводник всхлипнул, будто подтверждая слова Даора, и снова наступила тишина.

– Мне идти сейчас? – спросил Олеар.

– Когда восстановишься, – коротко бросил Даор, и Олеару показалось, что какая-то дверь снова закрылась, и снова герцог стал таким же отстраненным и острым, каким и был обычно, какой-то мимолетный момент почти что близости завершился, будто его и не было.

Данный Сином проводник пискнул, когда Даор снова ворвался в его разум, вытаскивая образы расщелин и троп. Уже немного пришедший в себя Олеар прошептал заговор, и безымянный затих, продолжая только вращать глазами с отчаянием идущей на убой коровы.

Даор Карион продолжал смыкать сеть.

20. Ингард

Короткое выступление Роберта, как и предполагал Ингард, вызвало настоящую бурю. И так измотанные переживаниями и страхом герцоги, потерявшиеся, беспомощные, жалкие во всей своей неуместной роскоши, считали себя оскорбленными идеей, что должны незаметно красться сквозь леса и горы как простые торговцы, не скрашивая свое путешествие даже заговорами без крайней на то необходимости. А между тем это было так необычно и так неожиданно, что – Роберт был абсолютно прав, – могло сработать.

Роберт шутливо жаловался, что собрания не прекращаются. Теперь Ингард понимал, что друг имел в виду: казалось, большой зал заседаний все время был полон. Герцоги уходили спать или уединялись с теми, кого считали союзниками и сообщниками, оставляя вместо себя маркизов, потом возвращались, сменяя их, и начинался новый круг обсуждений. Они писали письма, они делились содержанием пришедших из дома ответов, они отдавали приказы по укреплению замков своим вассалам, а те отсылали эти приказы через пока работающую порталную почту и отчитывались о претворенных в жизнь мерах.

Бедные герцоги пытались предусмотреть все, их привычный мир разрушался, они пытались схватить его, скрепить, удержать, но все было бесполезно. Ингард сочувствовал им, но, как и этим, волею случая оказавшимся запертыми в одном месте облеченным властью людям, ему было о ком заботиться, и отвлекаться права он не имел. Послушники, не понимавшие, что происходит, продолжавшие ходить на занятия и вместе с тем ощущавшие в запрете на перемещения серьезную опасность, тоже были чьими- То детьми. И Ингард был за них в ответе. Он напоминал себе об этом, когда чье- То горе звало его, и когда чужая боль резала его по сердцу. Стоило ему взглянуть в глаза мучившемуся отцу – и он уже знал, что сын его не вернется. Но, как и Роберт, Ингард молчал.

Родители пропавших делились своими страхами друг с другом, вполголоса успокаивая друг друга и не зная, что сидящий рядом Роберт мог пролить свет на их сомнения. Син в своей ультимативной манере попросил Роберта не говорить о том, кого он видел в Пар- Ооле. Ингард был согласен с Сином: рассказ ничего не дал бы, но спровоцировал бы панику, которая сейчас стоила бы времени, а в конечном счете и безопасности всей Империи. Все было логично, и целесообразно, и все же крылось в этом что- То неправильное, будто холодный расчет подменял в рассуждении человечность.

Лица герцогов были помятыми, уставшими. Ингард глядел на стол, уже и не пытаюсь прогнать видения, в которых ряды присутствующих редели. Предложенный Робертом вариант похода мог сберечь многих, но ничто не сберегло бы всех.

– Я хочу знать, как будет организована наша защита! – заявил Ив Стелер, импульсивный и недалекий герцог Синих земель. Его жена, Даника, сидела чуть поодаль и не смотрела на супруга. Ингард предполагал, что она, в отличие от мужа, поддерживала идею Лианке, тогда как сам Ив был довольно труслив, и его малодушие расстраивало ее. – Мы не пойдем беспомощными! Нам нужны хотя бы воины!

Ингард прикрыл глаза, жалея, что не может, как Карион, отгородиться от происходящего и сделать так, чтобы о нем просто забыли.

– Его светлость герцог Стелер меня, возможно, не услышал, – мягко прокомментировал Роберт. – Ну ведь кто же потребует армию, когда речь идет о скрытности? Да и кто же требует чего- То от своих союзников, как от слуг?

– Я согласен, – неожиданно вставил Георги Петьер, коричневый герцог. – Сначала предполагалось, что мы пойдем вместе с сильными шепчущими, и что нас будут охранять опытные в боях наставники и просто хорошие воины, которых директор Ингард, – он важно кивнул Ингарду, – привел в Приют. Теперь выясняется, что это какое- То тайное дело, практически

разбойничья вылазка, и мы – не рядовые воины, а правители земель, прошу заметить! – должны принять в ней участие на правах безымянных.

– Брат, остановись, – вполголоса попросила его Йорданка. – Если ты не хочешь идти, пойду я.

– Ты его слышала? – недовольно шикнул на нее Петьер. – Он считает, что надо идти по двое, если есть такая возможность.

– Он, – с охотой вмешался Роберт, предложение которого и вызвало такое бурное обсуждение, – считает, что если пойдет кто-то один, и этот один умрет по пути, то это будет стоить жизнью десяткам тысяч. Он считает, что его военного опыта достаточно, чтобы предлагать спланировать военный по своей сути поход. Он вообще не хочет умирать и раз уж готов пойти с вами, вряд ли мечтает угробиться о дурацкую и неосуществимую идею.

– Не вижу никаких причин не верить опытности директоров Приюта, – спокойно произнес маркиз Визенсартер. Многие подняли головы, вслушиваясь: оставленный Даором Карионом в качестве собственных глаз и ушей Свейн обычно молчал, лишь наблюдая, и вступление в разговор было неожиданным. Бывший белый, а нынче черный маркиз считался в Империи фигурой значимой, куда влиятельнее других маркизов, и очень редко выходившей при этом на свет. Голос его был холодным как снежные вершины, успокаивающим. – Большинство герцогов умеет шептать, некоторые очень сильны. Директор Роберт – один из ярчайших заклинателей нашего времени. Путь проложен сквозь земли, куда нельзя переместиться, даже пользуясь порталами. Считаю риск не таким высоким и более чем оправданным.

– Тебя туда никто не тянет, – смерил его презрительным взглядом герцог Стелер.

– Я пойду, если герцог Карион посчитает нужным взять меня с собой, – спокойно ответил ему Свейн.

– Вообще-то да, Даор Карион идет, – тихо сказала Йорданка. – Я бы сказала, что наши шансы с ним довольно велики.

– Ну вы и идиоты, – встал Теренер. Он пошатывался, и выглядел пьяным. – Думаете, ему до вас есть дело? Да вы активизируете защиту, и он развернется и пойдет по своим делам. И выбирайтесь как хотите.

– Если защита будет активна, у нас останется возможность выбраться даже в том случае, если герцог Карион, как предполагает герцог Теренер, нас покинет, – обвела взглядом сидящих Лианке. – Я не вижу смысла что-то еще обсуждать. Думаю, мы слишком погрязли в советах. Как только герцог Карион и Тамалания вернутся, мы отправимся в путь. Предлагаю до этого момента всем смириться с тем, что придется пойти на оправданный риск. Хватит бессмысленных рассуждений. Я благодарна директору Роберту за адекватный план действий.

Ингард залюбовался ее жестким профилем и простыми, величественными жестами: Лианке казалась настоящей королевой, и большинству сидящих с ней за одним столом мужчин было до нее как собаке до держащего поводок человека. Не зря Роберт рассказывал об этой женщине с таким восхищением: и правда, стержень в ней был алмазным. Ни капли страха не проступало сквозь ее умение держать себя. Ингард вспомнил, как побледнела Лианке, когда поняла, что старшая сестра Хелки Рианон, ее любимая племянница, пропала вместе с остальными, и как быстро справилась она с собой, показывая пример остальным.

– Итак, два кровных представителя каждой семьи, если это возможно. По пять воинов – хоть маркизов, хоть безымянных – из вашей свиты. Все очень просто. Есть кто-то, кто не хочет принимать участия? – осведомился Роберт деловито.

– Я, – усмехнулся Теренер. – Но я все равно пойду, верно? Молитесь, чтобы я не сдох по пути.

– Да услышит Свет наши молитвы за ваше здоровье, красный герцог, – иронично улыбнулся Роберт.

21. Алана

Еще вчера она на мгновение поверила. Когда Келлан обнял ее, согревая, и Алана уложила ему голову на колени, а он нежно расчесывал ей волосы, гладил плечи и шептал, что нужно потерпеть еще всего денек, она и подумать не могла, что на исходе следующей ночи, прямо перед рассветом, будет молиться Свету, чтобы Келлан позволил ей убежать. Накануне вечером она ловила его руку, смеялась над тем, какой неуместной смотрится на нем простая одежда и какой странный земледелец из него бы получился, а уродливая повозка казалась ей не такой уж и ужасной. И Келлан вел себя совсем как раньше: он не упоминал ни Даора Кариона, ни Пар-Оол, ни возможную казнь, а только рассуждал, жизнь в каких землях пришлась бы Алане по вкусу. Сравнивая романтику гаваней Серых земель и уют полей Зеленых, Алана заснула, крепко сжав его рукав, и еще долго сквозь сон ощущала его похожие на дуновения ветра прикосновения к своей спине.

Проснулась Алана от крика крестьянина. Вскочив так быстро, что чуть не ударилась о держащие полог тонкие доски, девушка выскочила наружу – и тут же была поймана за край рукава Келланом. Раздался треск, но прежде, чем несчастный кусочек ткани остался в его руках, Келлан перехватил ее руку, будто Алана была воровкой.

– Куда ты? – иронично осведомился он, сжимая ее запястье до боли.

– Я никуда не собираюсь, – упавшим голосом ответила Алана, прощаясь с недавними иллюзиями. – Я только услышала крик и вышла посмотреть. Что произошло?

Стараясь не глядеть в родное, искаженное безумием лицо, Алана выглянула из-за плеча наставника. Их недавний кучер бежал, будто спасаясь от гарпий, и постоянно пригибался, будто кто-то пытался атаковать его сверху.

– Он забыл о нас, – усмехнулся Келлан. – Ему не до того.

– Что ты сделал? – почти беззвучно спросила Алана, холодея.

Глаза Келлана были совсем стеклянными, даже более пустыми, чем раньше. Если бы она увидела на улице человека с таким взглядом, немедленно пошла бы прочь, стараясь не оборачиваться. Но сейчас эти колодцы безумия смотрели прямо на нее, ловя каждое ее движение с безжалостной точностью. Келлан снова улыбался этой ужасной, чуждой его лицу улыбкой.

– Отпусти мою руку, пожалуйста, – мягко попросила Алана. – Я с тобой. Куда скажешь.

Келлан покачал головой, будто поражаясь ее хитрости, но пальцы разжал, а затем, будто пародируя жест верного слуги, раскрытой ладонью указал на уходящую вглубь чащи тропу, будто девушка должна была знать, к чему ведет эта звериная дорожка. Алана поспешила вперед, не желая оглядываться: теперь, когда Келлан снова выглядел как обычно, видеть его сил не было.

Сейчас Алана корила себя за излишнюю самоуверенность, даже откровенную глупость: подумать только, она и правда решила, что лишь по наитию, вчера смогла облегчить действие вредоносного заклятия, а то и вовсе его прогнать! Она, неумеха, неуч, ничего в этом не понимавшая! Сколько же скрывалось в ней гордыни, раз она смогла хоть на миг предположить подобное! «Возомнила себя великим магом, – ругала она себя. – Таким, которому даже и заговоры произносить не нужно, у которого просто желания исполняются сами по себе. Божеством. Ура божественной Алане без имени!».

– Прекрати этот ор, – услышала она сзади холодный приказ. – Мне не сосредоточиться.

– Почему ты снял иллюзию? – спросила она его, стараясь отвлечься.

– Она бессмысленна. Все это бессмысленно.

– А перерождение? – попыталась пробиться сквозь стену Алана. – Оно имеет смысл? Расскажи мне, пожалуйста!

Келлан не ответил. Его шелестящие шаги позади – и тишина.

– Келлан, почему ты молчишь?! – спрашивала она его снова и снова. – Пожалуйста, поговори со мной! Куда мы идем? Что такое перерождение?

Келлан шел за ней, не подгоняя и не останавливая. Алана оборачивалась, ища его взгляд, но он смотрел лишь под ноги. Губы его едва различимо двигались – он творил заговоры. Алана силилась понять, что же Келлан делал, тревожно прислушивалась к собственным ощущениям – но все и вокруг, и внутри нее казалось неизменным. Лес был похож на лес, а ноги ныли от усталости.

Однако стоило ей пошатнуться и случайно отступить с тропинки сорвавшейся с края кочки ногой, воздушная стена встала между ней и свободой. Первый раз ударившись о нее, девушка не поверила своим чувствам, но потом, задевая ее то плечом, то рукой, ясно увидела тоннель, который Келлан выстраивал прямо на ходу, чтобы она не могла сбежать. Это не было путами, не было кандалами, но этот невидимый кокон вогнал ее в такое отчаяние, что Алане не удалось сдержать слез. В отчаянии она бросилась к Келлану на грудь, ища у него защиты от него же, и прошептала:

– Ты будто ведешь меня на смерть!

Келлан обнял ее, сжал до хруста и прошептал куда-то в волосы:

– Не бойся. Перерождение – не смерть. Все скоро закончится. Ты изменишься и будешь свободна.

– Пожалуйста, расскажи мне больше, – попросила Алана, уже не ожидая ответа. Ужасные образы роились в ее голове: как что-то ломает ее изнутри, что-то коверкает ее душу и тело, сминает ее как комочек влажной глины, и как над тем, во что она превратилась, стоит безумный Келлан, довольный ее изменениями. – Я все-таки очень боюсь.

– Если я заговорю, то могу навредить тебе, – ответил Келлан с трудом, и его объятия показались ей настоящими капканом. – Замолчи, я больше не могу этого слышать.

– Келлан. – Алана погладила его по лицу, отмечая, какими неприятными стали прикосновения к его сатиновой коже. – Верни мне змеек Сина. Я ведь никуда не денусь, я же ничего не умею. Тебе же больно слышать мои мысли.

– Замолчи, – оттолкнул ее от себя Келлан. – Идем. Нам нужно спешить.

– Ты не навредишь мне, – убеждая себя больше, чем его, прошептала Алана себе под нос, поворачиваясь. – Ты не причинишь мне боли.

– Я думаю, – слова давались Келлану нелегко, – со мной что-то не в порядке. Я ненавижу тебя. Я не должен... – Он запнулся. – Мы разберемся с этим позднее, когда найдем один из входов. Молчи. Молчи, а то я убью тебя.

И он схватил ее сзади за плечи, рывком развернул к себе и поцеловал так, что губы засадило. Алана оттолкнула его и тут же пожалела: снова на его лице проступила та самая холодная усмешка.

«Я не он, да?» – услышала она прежде, чем погрузиться в тишину.

Больше Келлан не говорил с ней.

Тропинка сменилась едва видимым просветом в траве, а после и этот просвет исчез. Солнце бесстрастно плыло по небу. Алана шагала вперед, а за ней по пятам следовал Келлан. Невидимый тоннель все так же удерживал девушку, и она то и дело натыкалась на него, пытаясь обогнуть большие кусты пожухлой травы или цепкие лапы молодых елей. Стены мерцали от нее на расстоянии полушага. Алане было душно, ветер не проникал сквозь невидимую преграду, не было слышно запахов, и даже звуки казались приглушенными. Тут, среди травы и деревьев, под ясным голубым небом и среди пения птиц, Алана ощущала себя бредущей по пещерному лазу где-то глубоко под землей.

Иногда Келлан выходил вперед и знаком приказывал ей остановиться, и Алана спиной прислонялась к воздушной стене и наблюдала, как он делает что-то с путем. Келлан творил заклинания молча, и только под руками его вспыхивали и исчезали призрачные формы, складывавшиеся в арки. Алане очень хотелось подпрыгнуть и коснуться кончиками пальцев едва мерцающего полотна, но под тяжелым взглядом Келлана она лишь пригibasась, проходя под призрачными сводами.

Алана очнулась вечером. Будто проснувшись, вздрогнула от внезапного осознания: еще секунду назад она наклонилась, чтобы точно не дотронуться до заговора, и солнце светило очень ярко, а теперь розовая закатная полоса тлела где-то за деревьями. Холодный ужас окатил ее с ног до головы, когда она поняла, что не помнит, как именно шла вперед все эти долгие часы, будто какой-то клинок ударил в солнечное сплетение, и растекшийся по всему телу страх абсолютно ее обездвижил. Алана осела в траву, пытаясь вспомнить хоть что-то – и не смогла.

– Ч-Что? – прошептала она, осматривая свои исцарапанные ноги, растирая заочечневшие руки, касаясь будто онемевшего лица. – Что ты сделал? Что?!

– Ты была очень громкой, и я приглушил тебя, – последовал ответ.

– Да как же ты... – Она задохнулась, не закончив фразу, и согнулась пополам во внезапном спазме рыдания.

– Мы почти пришли. Дальше я не смогу вести тебя как прежде.

– Вести меня как? – переспросила Алана. – Как марионетку?

– Если хочешь передохнуть, давай передохнем, – сказал Келлан, присаживаясь рядом с ней. – Попей. Ты, наверно, хочешь пить.

Алана посмотрела на прозрачную сферу с чистой водой. Губы слипались от жажды, но куда сильнее хотелось выбить сферу из его рук. Вместо этого она сделала несколько больших глотков, смаргивая слезы. Ледяная вода сковала ее горло, но язык теперь не был таким распухшим и шершавым. Она что, шла с открытым ртом, как собака?!

Алану передернуло. Значит, Келлан мог заставить ее... да что угодно, и она бы не вспомнила, что он приказал ей сделать. Что угодно.

– Ты отдохнул от моего мысленного ора? – не удержалась она. – Что дальше?

– Отдохнул, – согласился Келлан. – Почему не смотришь на меня? Что ты опять скрываешь?

– Я не скрываю ничего, – проговорила Алана, борясь с дрожью. – Ты же можешь услышать. И я смотрю на тебя.

Келлан все так же не сводил с нее своих зеленых как лесная чаща глаз – любящих, яростных и отчаянных одновременно.

Алана почти ненавидела эти глаза в тот миг, когда поняла, что сделал с ней Келлан. Алане впервые захотелось, чтобы он потерял сознание, чтобы упал и остался лежать на траве, и чтобы она просто смогла уйти вперед, забыв об этом кошмаре. Образ был таким притягательным и приятным, что Алана удивилась, почему Келлан не ударил ее, и тут же получила ответ на невысказанный вопрос.

– Я больше не могу услышать, о чем ты думаешь, тут все уже иначе, – усмехнулся Келлан. – Воспользуешься этим?

Будто держащие ее грудь клещи разжались. Алана не стала уточнять, что изменилось. Вместо этого она, давя отчаяние и бешенство в груди, сжала виски руками.

– Если ты сделаешь это еще раз, я не прощу тебя, Келлан, – сказала она прямо ему в лицо, надеясь, что он услышит. – Никогда. В каком бы состоянии ты ни был.

– И что же ты сделаешь? – спросил Келлан, поднимаясь. – Мы совсем рядом. Скоро ты все забудешь.

«...когда ты позовешь меня, я услышу».

Каким же счастьем было просто мыслить!

Как же ей хотелось его позвать!

Если Келлан поймет, за чьей помощью она готова обратиться, то убьет ее, и даже если черный герцог не шутил, и даже если он попытается помочь, то просто не успеет: Келлан был здесь, на расстоянии вытянутой руки, а Даор Карион, судя по тому, что рассказывал Келлан, не мог воспользоваться порталом. Да и разве существовали такие заговоры, чтобы он услышал ее на подобном расстоянии?

Алана несколько секунд обдумывала, что могло бы произойти, если бы черный герцог появился рядом с ними. Смущаясь, она вспомнила, как охотно он объявил, что она под его защитой – и как между ним и Келланом дрожал от напряжения воздух. И разлившегося кровью мужчину, занесшего руку... Нет, даже сейчас она бы не позвала его. «Даор Карион мог бы просто убить Келлана, раз уж никто в Приюте не узнает об этом, – со страхом поняла она. – Что бы Келлан ни сделал в своем помутнении, если я стану причиной его смерти, то никогда не прощу себя».

Теперь Келлан шел впереди, прямо сквозь голые ветви, будто мог видеть в темноте. Холодное предзвездное время, черное, как изначальная тьма, окутывало их. Будто воздушного коридора было мало, Келлан последний час крепко держал Алану за левую руку, и как она ни дергала запястье, делая вид, что просто поскользывается, его жесткие как тиски пальцы все никак не ослабляли хватку. Кустарники цеплялись за ее юбку, царапали ноги, а углубления в уже неживом мшистом покрове то и дело ловили ступни, так, что она боялась вывихнуть лодыжку. Тканые туфли совсем промокли, и пальцы ног заledenели, несмотря на быстрый шаг. Алана старалась подгибать их при каждом движении стопы, чтобы прогонять кровь, но последний час не помогало и это.

Келлан больше не замечал, что ей холодно. Он не укутывал ее в шаль, как когда-то в другой жизни, он не помогал ей перебраться через поваленные стволы, как еще утром – лишь угрюмо шел вперед, изредка прямо на ходу творя безмолвные заговоры, не оборачиваясь, ведя ее за собой с какой-то мрачной решимостью. Келлан больше не замечал, что ей больно, что она вскрикивает, пробираясь через заросли можжевельника и путаясь в остролисте, что спотыкается, что дыхание ее давно сбилось. Келлан не уставал, шипы не оставляли на нем следов. И Келлан, конечно, не слышал обращенной к нему мольбы, как не слышал и просьбы передохнуть. Алана вообще сомневалась, что Келлан понимает, что происходит. Вперед его гнало безумие.

– Если ты не объяснишь мне, куда меня тащишь, я позову черного герцога!

Это были запретные слова, Алана знала это. Ей было почти плевать на последствия, настолько хотелось прервать бессмысленный бег и остановить Келлана – хоть ревностью, хоть яростью. Она рванула руку так, что кожу на запястье обожгло, а сустав заныл.

И Келлан остановился.

В темноте она почти не разглядела его лица – лишь повернувшееся к ней белое пятно с черными провалами глаз. Келлан сделал шаг, сокращая расстояние между ними, и Алана поняла, что сейчас произойдет что-то немислимое. Она снова попыталась освободиться, раздался тихий хруст, и Алана вскрикнула от резкой боли, пронзившей ладонь и пальцы.

– Зови. – Его голос был похож на опускающуюся могильную плиту.

– Келлан... – Алана собрала остатки решимости и подошла к нему вплотную, а потом свободную правую руку положила ему на грудь. – Я люблю тебя, – выдавила она из себя, и не успели эти слова сорваться с ее губ, как Ална поняла, какой ошибкой они были.

– Врешь, – будто ударил ее наотмашь Келлан. – Но это не важно. Позови его, чтобы увидеть, что никто не придет.

– Я надеюсь, что мне не придется, – запоздало пошла на попятную Алана, уже понимая, что Келлан прав. И что только что она своими руками сломала остатки собственных шансов пережить эту ледяную ночь.

Они стояли друг напротив друга, и Келлан продолжал сжимать ее левое запястье, пульсирующее болью. Ветер завывал где-то наверху, в верхушках кедров, тихий скрип потревоженных деревьев походил на стон. Алана была готова поклясться, что изо рта валит пар, хоть и не видела его. Мир остановился. Ничего не существовало, кроме этого заостренного лица напротив, и ничто не было важным.

– Ты убьешь меня теперь? – спросила Алана, пытаясь не поддаваться отчаянию. – Келлан, ты же знаешь, ты не в себе. Просто отпусти меня, прошу тебя. Пожалуйста. Ты убьешь меня, если не отпустишь сейчас же. Ты же сам знаешь это.

Голос дрожал. Алане почти хотелось сдаться и сжаться в комочек, ожидая удара, но вместо этого она расправила плечи, глубоко вдохнула обжегший ее холодом воздух и погладила Келлана по груди так же осторожно, как гладила бы дикого барса.

Тиски разомкнулись, и от неожиданности Алана чуть осела в траву, но тут же восстановила равновесие. Она неуверенно сделала два шага назад, не сводя с Келлана глаз, ожидая.

– Уходи туда, – проговорил Келлан так, будто каждое слово жгло его изнутри. Алана проследила за его рукой: там, где-то над елями, едва заметно начинало светлеть небо. – Надень амулет. Спрячься. Если почувствуешь, что проходишь какую-то преграду, беги так далеко, как сможешь – это поисковая сеть. Они ищут тебя. Я не выдам тебя, обещаю.

Алана сжала знакомые чешуйчатые спины онемевшей от холода рукой и, повинуясь, накинула цепочку на шею. Тут же на мысли опустилось блаженное спокойствие, и Алана с внезапной четкостью осознала: то, что она принимала за тишину, было нарастающим гулом.

– Останься в пещерах, – продолжал Келлан. – Я вернусь за тобой, и мы вместе пройдем перерождение.

Алана пыталась что-то сказать, но не могла. Еще один шагок назад. Еще один – вбок, чтобы понять, что коридор исчез. Еще один. Еще.

Алана бросилась вперед, не разбирая дороги, сквозь мокрые ветки, сквозь заросли колючек. Ей показалось, что ее всю обволокла теплая вода, но миг – и ощущение осталось позади. Она заслоняла руками лицо и никак не могла понять, течет ли по ее щекам роса или слезы. Алана неслась, скользя на камнях, увязая во мху, не жалея ног и дыхания, пока жжение в груди и горле не стало невыносимым. Никогда еще она не бегала так быстро. Только боль – она удивленно посмотрела на глубоко оцарапанную острым камнем лодыжку, – заставила Алану остановиться. Задышавшись, она обхватила тонкий ствол какого-то дерева и прижалась лбом к шершавой коре.

Ветер все так же завывал в верхушках смыкающихся над полянкой деревьев, и губы так же обжигал невидимый пар. Келлана рядом больше не было. Никто не шел за ней.

И тут лес загорелся. Пламя, не обжигая, ослепило ее привыкшие к темноте глаза. Его рев сожрал все разрозненные лесные звуки. После студеного ночного воздуха жар показался почти невыносимым, он мигом высушил ее одежду и волосы, оставив за собой след лихорадочного тепла. Алана, как во сне, отступила от обратившегося в пепел дерева и застыла посреди огня, не понимая, почему он не причиняет ей вреда. Трава и кусты, и деревья, и даже мох пылали, необычно быстро сгорая, землю покрывала зола, а в воздухе искрился потухающий пепел. Десятки зверей, тоже почему-то уцелевших посреди огненного смерча, с писком разбегались во все стороны, и их лихорадочные метания, и сами они, невесть откуда взявшиеся, были такими жуткими и нереальными, что девушка боялась смотреть на продиравшихся через пепел белок и взлетающих сквозь искры птиц. Где-то вдали, за неверными силуэтами исче-

зающих деревьев, за оранжевой мглой, двигались тени больших животных, и они показались ей исполинами.

Воздух наполнился шумом и нечеловеческими криками. Алана боялась двинуться. Она подняла лицо вверх, к небу, спасаясь и от режущего глаза света, и от призрачных чудовищ, и сквозь летящие искры увидела расходящиеся где-то в высоте желтые лучи, сетью обнимавшие пропадающий лес, переплетение это не имело центра и, опускаясь, рассеивалось магическим огнем.

Алана села прямо на горячую землю. По рукам ее и по юбке скользнула змея, а за ней – какие-то мелкие грызуны. Алана с дрожью прижала руки к груди, растирая кожу.

«Меня здесь нет, – повторяла она себе. – Меня здесь нет. Я не здесь. Не смотрите на меня. Не замечайте меня. Меня здесь нет».

Если бы Келлан решил ее убить, пламя бы уже раздело Алану до костей. Бездумно вглядываясь в пляшущие сполохи, она приняла темный силуэт, выступивший из разверзнувшейся бездны, за еще одно чудовище, и когда он приблизился, в почти животном жесте закрыла голову руками.

22. Даор

Стояла уже глубокая ночь, и ночь эта была очень холодной. Настежь открытое окно дышало влагой, оседавшей на подоконник леденеющей росой. Камин не горел, но Даор этого не замечал: холода он не чувствовал, а привычное приятное тепло не было сейчас ему интересно. Залитый темнотой кабинет с едва колыхающимися на ветру шторами, потухшие свечи, казавшиеся провалами омуты зеркал, мерцающие металлические каркасы лежащих на полу кресел – любой, кто заглянул бы в покои герцога, сказал бы, что ничего не видно, и решил, что в комнатах никого нет. Чуткие глаза Даора Кариона почти не нуждались в свете, Олеар же щурился, постоянно поправляя заговор, делавший его зрачки почти такими же широкими, как у учителя, и завороченно следил, как на желтом кожистом пергаменте проступают новые кровавые линии. Он уже истощился, и Даор разрешил ему немного отдохнуть, хотя ученику не удалось заполнить и половины отведенной ему области.

Проводник, сжимавшийся у пустого камина, будто из него выкачали весь воздух, точно ничего не видел. Хрупкий его ум больше не выдержал бы влияния, и несколько часов назад Даор приказал Олеару снять заговор, слепивший безымянному губы. Время от времени мужчина тихо подвывал. Сквозь сотнями лет не испытываемую усталость, сквозь непривычно бесильную ярость, сквозь досаду, сквозь питавший ярость страх Даор боролся с желанием прекратить этот раздражающий звук, испепелить страдающее лицо и бросить труп под ноги к оказавшемуся таким бесполезным Сину. Что там, ему хотелось испепелить весь Приют: каждого, кто находился сейчас здесь, и кто не мог ни указать ему дороги, ни как-либо оказаться полезным.

Каждого.

Каждого, кто дал сыну Келлфера выйти с Аланой на плече, кто не поинтересовался, почему безумный наставник куда-то уходит. Каждого, кто не стал разбираться, что именно несет сын Келлфера. Каждого, кто мог бы встретить беглецов по пути, и кто не остановил их.

Сина, позволившего, чтобы в руки к сыну Келлфера попал один из созданных отцом Даора скрывающих амулетов, Сина, оказавшегося таким недалёковидным – и предпочитавшего войну хорошим отношениям с семьей Карион.

Каждого наставника, продолжавшего обучать, каждого послушника, продолжавшего учиться.

Испепелить каждого.

Эта мысль была почти успокаивающей.

– Он, кажется, сходит с ума, – заметил Олеар, будто уловив мысль учителя. – Вы не думаете, что если он повредится рассудком, Син...

Даор повернулся к Олеару. Губы его расплылись в улыбке.

– Син что?

– Будет не доволен? – Олеар сделал шаг назад.

– Ничего не посмеет предъявить мне из-за безымянного служки, после того, как отказался давать подробную карту. Я не доволен его бездействием куда сильнее.

– Ведь война... – почти на грани слышимости прошептал Олеар, избегая встречаться с Даором взглядом.

– Простите, простите! – вдруг проплакал проводник. – Я все расскажу и без карты! Ни у кого нет карт, директор не дает их составлять, тут слишком много важных мест, мы все ходили разными маршрутами... Я знаю почти все... Я покажу на вашей карте, если зажжете свет. Я расскажу...

– Мне нужно, чтобы ты молчал, – процедил Даор. – Заткни ему рот кляпом и отдай его... да кому угодно. Убери это отсюда, – обратился он уже к мигом вскочившему Олеару. – Он мне больше не нужен, я закончил.

– Понял, – коротко ответил Олеар, поднимая крупного мужчину за одежду, как мог бы поднять котенка. – Я быстро. Его подлечу, чтобы не было проблем с Сином.

Олеар выскользнул за дверь, и тихий надрывный стон безымянного поглотила глухая тишина спящего коридора. Дверь со шелчком затворилась за ними, и черный герцог остался один. Он подошел к подоконнику и, вглядываясь в едва начинавшее загораться рассветом небо, положил руки на влажное от росы шершавое дерево со сточенными сучьями и выжженными глубоко в жестких волокнах рунами. На секунду в разуме черного герцога не осталось ничего, лишь этот грубый предмет, простой, примитивный и тем отвратительный.

«Я не вижу смерти, – вспомнил Даор слова Ингарда. Его слова никак не вязались с обреченным тоном, которым были произнесены. – Я не могу говорить со всей уверенностью, но мне спокойно. Келлан не обидит ее».

Прорицатель. Даор никогда не доверял таким.

Девочка была где-то там, за этим призрачным в предрассветном мореке лесом, за качающимися елями, за голыми ветвями ясеневых рощ, за обрывами и реками. Где-то она шла вперед, или же спутник тащил ее, или же она спала – и все же Алана была жива. Пусть амулет-Покров и перекрывал действие той металлической капли, что обвила несколько волосков на ее голове, не почувствовать полного разрыва связи Даор не мог – согреваемая ее теплом, капля мигом пришла бы в негодность. Сейчас же к ней тянулась едва заметная ниточка без узелков, мигом возникавшая перед мысленным взором, стоило черному герцогу закрыть глаза.

Даор невесело усмехнулся, закрывая окно и прислоняясь лбом к будто высеченной из льда раме. Если бы девочка только произнесла его имя, то и украденный сыном Келлфера золотой узел не смог бы скрыть ее. Но Алана тогда сказала, что звать черного герцога не будет – и она его, конечно же, не звала. Случайно упомянула в беседе с подружкой – и упорно сдерживается в беде, опасаясь его прихода больше, чем сумасшествия ее спутника. Как же так вышло, что страх перед ним был сильнее страха смерти?

Даор Карион вернулся к карте и недовольно поглядел на не до конца заполненную Олеаром область. Но стоило ему протянуть руку и сосредоточиться...

Мелодичный звон, с каким лопается, не выдержав щипка, струна цитры, наполнил воздух. Всего долю секунды Даор не верил своим ушам – и тут же рванулся по следу. Поймал!

Шагнув в портал, черный герцог не сомневался, что Пар-Оол попытается его захватить. Свист и гул должны были оглушить его, но щиты ожидаемо выдержали, даже не просев. Когда вспышка света рассеялась, он обнаружил себя стоящим не в лесу рядом с Аланой, а на качающейся палубе огромного корабля. Вокруг него теснились шепчущие в ошейниках, один держал в руках спинелевую цепь. Вглядываться в растерянные лица времени не было. Волной ликования Даора Кариона несло вперед, туда, где нуждалась в помощи его девочка, и вставшие на пути пар-Оольцы были обречены на смерть в тот миг, что попробовали задержать герцога.

Не сдерживаясь, Даор расхохотался и ударил волной звука и света, так, что весь корабль и все его обитатели мигом превратились в разрозненную пыль, не успев даже испугаться. Он не стал тушить эту волну, и она покатила дальше, взрезая мир, наполняя его криком и пустотой, и затухла где-то очень далеко, намного позже того, как он ступил с растворяющейся палубы на мокрый мох.

Почти звенящая тишина, чернильно-Черная темнота и полный запаха мерзлых трав воздух окружили его, непривычно тяжело дышащего, и сомкнулись кольцом. Аланы видно не было, как и ее спутника, но на жестком мху светились едва заметные капли ее крови, мигом

пробудившие в нем только начавшую успокаиваться ярость. Даор огляделся: непроходимая и непроглядная чаща обступала его со всех сторон, и она казалась даже плотнее, чем в воспоминаниях проводника. Алана была где-то недалеко, не больше чем в сотне шагов, и она была одна. Герцог прошупал пространство: недалеко находился и сын Келлфера, но он почти не подавал признаков жизни, и именно это спасло его от немедленной смерти: дернись мальчишка, крикни что-то, прошепчи – и жизнь его в тот же миг бы оборвалась. Но он был беспомощен, жалок и определенно не опасен. Даор окружил его острым силком и на секунду задержался, слушая слабо бьющееся сердце, стук которого так легко было заглушить. Перед глазами возник и тут же пропал образ плачущего Келлфера, умолявшего сохранить Келлану жизнь, и Даор на миг снова почувствовал запах его крови, сочащейся из наотмашь оставленных на груди друга рваных ран. Он не стал тогда забирать жизнь Келлфера вместо жизни его сына.

Полумертвый шепчущий мог и подождать. Если бы он очнулся и поднял голову, то убил бы себя сам, обрезавшись лезвием ловушки.

Алана бежала. Даор слышал, как ее юбка рвалась о кусты, и как скользили на мху мягкие туфли. Он слышал ее тяжелое дыхание, и как она остановилась, проведя руками по дереву. Он слышал, как она выдохнула с усилием и как прислонилась к дереву. Целая, живая.

Стволы и ветви закрывали ему обзор.

И Даор Карион сжег лес.

С удовольствием он наблюдал, как в столбах магического огня кусты и деревья превращаются в пепел. Не сжиравшее живых существ пламя прокатилось на лигу вокруг, обнажая скалы и оставляя за собой лишь пустую, покрытую золой землю.

Даор улыбнулся: Алана пряталась не в сотне шагов – лишь в сорока. Застыла на земле, поджав под себя ноги и закрыв голову руками, будто спасалась от огня.

Даор и сам не понял, как так быстро оказался рядом с ней. Он осторожно опустился рядом, не понимая, почему она так сидит – огонь не мог причинить ей никакого вреда. Молча Даор протянул руки к ее плечам, аккуратно, будто боясь спугнуть видение, и коснулся бледных пальцев, борясь с животным желанием прижать ее к себе изо всех сил.

Девочка вздрогнула и распрямилась, встретившись с ним взглядом. Несколько секунд она разглядывала его лицо, потом набрала в грудь воздуха.

– Это вы, – ее голос прозвучал почти обвиняюще, и герцог облегченно рассмеялся.

– Так и не позвала, – прошептал он ей в волосы, обнимая. Дышать было легко.

Алана замотала головой, но не сделала попытки вывернуться из его объятий. Даор гладил ее по спине, отмечая, как она замерзла: несмотря на то что прошедший здесь огонь, ее спина и руки были холодными, как лед. Он на секунду отстранился, чтобы снять свой теплый плащ – и тут же замотал в него Алану, как в кулек, так, что только нос и глаза торчали, нежно коснулся губами переносицы – девочка на мгновение будто перестала дышать, а потом отпрянула, – и снова обнял ее уже поверх плаща. Сердце колотилось, как бешеное.

– Отпустите меня, – пискнула она грозно.

– Ни за что, – со смехом ответил он. – Ты снова попадешь в неприятности.

– Все было в огне, вы видели?

– Видел, – согласился он, желая продолжать слушать ее голос. – Ты его так испугалась?

– Нет, – глухо ответила Алана куда-то ему в плечо. – Вокруг были звери.

– Они все попрятались. Разбежались, улетели и уползли в землю. Ничего больше нет – ни огня, ни зверей, ни той опасности, что тебе угрожала.

Мелкая дрожь, которая сотрясала ее тело, постепенно успокоилась. Даору даже показалось, что Алана уснула, так она затихла в его руках. Он чуть отодвинулся – и снова встретился с ней взглядом. В серьезных карих глазах плясали отблески затухающего вдалеке пламени. Укутанная и так строго смотрящая, выглядела она трогательно и забавно. Герцог поправил прядь

ее волос и отдернул руку – как он сразу не заметил царапин на лице? Алана будто поняла, о чем он думает, и сама спряталась за краем плаща.

– Откуда? – только и спросил он, аккуратно сращивая края ранок.

– Я же шла через лес ночью, – объяснила она. – Поцарапалась, еще упала и повредила руку. Нет, пожалуйста, не трогайте, – не дала она ему взять ее за запястье. – Она почти не болит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.